

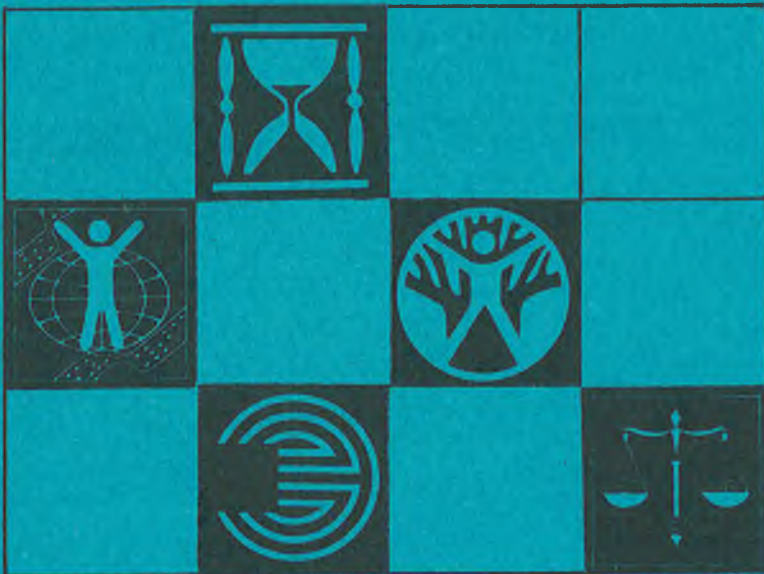
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1'93

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Урбановіч А. А.</i> К вопросу о составе членов Учредительного собрания от Белоруссии и Западного фронта	3
<i>Кутузова Н. А.</i> Партийная пропаганда и ментальные комплексы революционного народа (март 1917 — июнь 1918)	6
<i>Садыков М. Ш., Ревяко К. А.</i> Дипломатический аспект предыстории пунических войн в оценке немецкого антиковедения XX в.	10
<i>Сосна У. А.</i> Кіраванне дзяржаўнай вёскай на Беларусі да рэформы П. Дз. Кісялёва	14
<i>Колб Е. Г.</i> Неолиберализм в политике ведущих буржуазных партий Франции 80-х гг.	17
<i>Корзун М. С.</i> Православно-социальная доктрина и «Сентенция» Е. И. Пугачеву	20
<i>Жарков М. Г.</i> Стоит ли идеализировать дореволюционную Россию?	22

ФІЛАСОФІЯ

<i>Лойко А. И.</i> Человек культуры и технический мир	27
<i>Зеленков А. И., Ханей Ф.</i> (Германия). Системная природа методологического сознания в различных культурных традициях	31

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Глушаков В. Е.</i> Культура управления и культура потребностей (социологический анализ деятельности руководителей)	37
<i>Кучко Е. Е.</i> Использование метода экспертных оценок для социологического прогнозирования	40
<i>Цзян Е. (КНР), Старовойтова Л. В.</i> Политический индифферентизм	42

ЭКАНОМІКА

<i>Бондарева А. М.</i> Индивидуально-трудовая деятельность	46
<i>Сильванович В. И.</i> Проблемы реструктуризации сельского хозяйства	49
<i>Войтович В. М.</i> Совершенствование экономических мер по предотвращению загрязнения окружающей среды	52

ПРАВА

<i>Бибило В. Н.</i> Место и роль суда в обществе	56
<i>Тиковенко А. Г.</i> Проблемы национальной государственности на современном этапе	59
<i>Демичев Д. М.</i> Компетенция местных советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.	62

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)

Программа Белорусской Социалистической Громады	65
<i>Мартин Хайдеггер.</i> Понятие времени (перевод с немецкого)	69

НОВАЕ ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Коршук У. К.</i> Аб вывучэнні гісторыі на негістарычных факультэтах	76
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Романовский И. Ф., Кулеш Л. Н.</i> Наше Отечество: Опыт политической истории	80
<i>Старовойтова Л. В. В. В. В.</i> Беньковский, С. В. Решетников. Политология	81

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1 '93

САКАВІК

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказы сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. КОРШУК (*адказы рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕЎ, А. М. БАЙЧОРАЎ, П. І. БРЫГАДЗІН,
В. М. ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАВЯЗКА, А. М. ЕЛСУКОЎ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКИ, А. І. ЗЕЛЯНКОЎ (*нам. адказнага*
рэдактара), Ю. Л. КАВАКОЎ (*адказы сакратар*),
П. М. КОВРЫНЕЦ, М. В. НАУЧЫЦЕЛЬ, М. В. РОЖЫН,
П. А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, № 1, 1993

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок,
тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар Р. У. Кондрад
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадана ў набор 15.02.93. Падпісана да друку 12.02.93. Фармат
70x108¹/₁₆. Папера афс. № 2. Друк афс. Ум. друк. арк. 7,0. Ум. фарб.-адб.
7,52. Ул.-выд. арк. 8,49. Тыраж 740 экз. Заказ 134. Цана 8 р.

Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.
Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку».
220041, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Вестник Белдзяржуніверсітэта, 1993

А. А. УРБАНОВИЧ

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ОТ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Прошли десятилетия со времени Октябрьской революции, но интерес к ее истории не ослабевает. Переломный характер переживаемой эпохи заставляет людей разных политических взглядов вновь обращаться к анализу тех событий. Процесс критического переосмысления прошлого заставил по-новому взглянуть и на историю «российской конституанты» — Всероссийского Учредительного собрания. Выяснилось, что вызывают споры и разночтения многие аспекты этого события, казавшиеся понятными, окончательно исследованными. К их числу относится вопрос о численности и персональном составе членов Учредительного собрания, избранных от Белоруссии и Западного фронта.

В этом регионе за 56 мест в Учредительное собрание, распределенных по четырем избирательным округам (Витебскому, Минскому, Могилевскому и Западному фронту), боролось 545 кандидатов по 45 кандидатским спискам. Из этих списков 33 представляли отдельные политические партии, выступавшие иногда в блоке с беспартийными организациями, 3 списка — губернские союзы землевладельцев, 7 списков — объединения политических партий и организаций (в основном еврейских) и 2 списка представляли беспартийных (оба по Витебскому избирательному округу: № 13 — крестьяне Витебской губернии и № 14 — граждане Волецкой волости Городокского уезда)¹.

По всем четырем избирательным округам смогли представить свои списки (самостоятельные или в блоке с другими партиями, организациями) четыре общероссийские политические партии: большевики, меньшевики, эсеры и кадеты. Однако только большевики и кадеты представили во всех четырех округах самостоятельные списки. На выборах были представлены и боролись не только сами эти партии, но и их течения. Например, по Западному фронту меньшевики-оборонцы (организация «Единство») и правые эсеры (группа, объединенная вокруг газеты «Воля народа») шли не со своими партиями, а в блоке с энесами.

Происшедшее среди национальных диаспор размежевание по социально-классовому признаку проявилось в составлении самостоятельных кандидатских списков. Например, в Могилевском избирательном округе было представлено четыре различных списка от еврейских организаций, не считая Бунда, выступавшего в блоке с меньшевиками (№ 3 — Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия, № 4 — «Поалей-Цион», № 7 — Идише фолькс-партей и внепартийный демократический комитет, № 9 — Еврейский национальный избирательный комитет (НИК); по Витебскому округу — три различных списка от латышских организаций (№ 4 — Латгальский народный комитет и Латгальская социалистическая партия трудового народа, № 11 — социалисты-федералисты и крестьяне Латгалии, № 12 — латышские демократы-националисты).

На выборах, состоявшихся в ноябре 1917 года, абсолютное большинство голосов (50,72 %) получили большевики, что вдвое больше, чем в среднем по стране. Мелкобуржуазные партии (включая и национальные) получили не многим более трети голосов. 32,21 % всех голосов, поданных по четырем

округам, принадлежало эсерам. Поражение на выборах потерпели буржуазные партии (включая национальные), получившие не более 8—9 % голосов, т. е. вдвое меньше, чем в среднем по стране².

Если в целом по всем российским округам крупнейшие общероссийские партии (большевики, эсеры и кадеты) получили примерно 70 % голосов³, то в интересующих нас округах этот показатель был еще выше и составил 87 %⁴. Практически во всех округах главными соперниками выступали большевики и эсеры, на третьем месте шли различные национальные партии и временные предвыборные союзы (в Минском и Могилевском округах — еврейские, в Витебском — латышские, на Западном фронте — украинские), получившие менее 10 % голосов.

В соответствии с принципами пропорциональной системы выборов, избиратели голосовали не за отдельных кандидатов, а за определенные кандидатские списки, выдвигаемые от партий, организаций, групп граждан. На основе особым образом подсчитанного избирательного метра (т. е. количества голосов, необходимых для избрания одного депутата) окружные комиссии определяли, сколько мест получает тот или иной кандидатский список.

Сколько же членов Учредительного собрания было избрано от Белоруссии и Западного фронта и кого они представляли? В фундаментальном издании «Всероссийское Учредительное собрание» приведены данные по количеству и персональному составу избранных депутатов. В основном и дополнительном списках насчитывается 54 делегата от Белоруссии и Западного фронта: от Витебского округа — 9 (6 большевиков и 3 эсера), от Минского округа — 14 (9 большевиков, 4 эсера и 1 — еврейский НИК), от Могилевского округа — 14 (12 эсеров и 2 — еврейский НИК) и от Западного фронта — 17 (12 большевиков, 3 эсера и 2 — украинские эсеры и меньшевики)⁵. Всего от Белоруссии и Западного фронта было избрано 27 большевиков, 22 эсера, три представителя еврейских НИК и два представителя украинских эсеров и меньшевиков, т. е. 54 депутата.

По сведениям Л. М. Спирина, от интересующего нас региона было избрано 55 депутатов (31 большевик, 21 эсер, два представителя еврейских НИК и один представитель украинских эсеров и меньшевиков). Н. С. Сташкевич называет цифру 56 депутатов (30 большевиков, 22 эсера и четыре представителя различных национальных организаций)⁶.

Как видим, число депутатов колеблется от 54 до 56. Попытаемся разобраться в этом вопросе. От Белоруссии и Западного фронта предстояло избрать 52 делегата (от Витебского округа — 9, от Минского — первоначально 19, а затем 16, от Могилевского — 15 и от Западного фронта — 12)⁷. Разберемся, как фактически обстояло дело в каждом округе.

Витебский округ является единственным, сведения о котором повторяются без изменений в разных источниках. От этого округа было избрано 9 депутатов: по списку № 5 (большевики) — Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский, Б. Д. Пинсон, З. О. Ривкин, С. М. Саркисянц, С. В. Чешейко-Сохацкий; по списку № 1 (эсеры) — М. Д. Болдыш, А. А. Булат, А. А. Гизетти.

В Минском округе было избрано 16 депутатов (11 большевиков, 4 эсера и один депутат от еврейского НИКа). В издании «Всероссийское Учредительное собрание» названы фамилии только 9 большевиков: И. Я. Алибеков, Л. В. Громашевский, В. Ф. Кожуро, Н. И. Кривошеин, К. И. Ландер, В. С. Селезнев, А. И. Таганов, В. Н. Фрейман и Н. В. Шлегель. Опираясь на архивные данные, в частности на телеграмму Северо-Западного областного комитета большевиков во Всевыборы от 27 декабря 1917 года, где приводится список депутатов, избранных от большевиков по Минскому округу и Западному фронту, можно добавить к имеющемуся списку еще двух: Ф. И. Гжельшака и Ю. М. Лещинского⁸.

Кроме большевиков, от Минского округа было избрано четыре эсера и один представитель еврейского НИКа. Эта цифра подтверждается различными источниками, однако персональный состав требует уточнения. Согласно телеграмме Минской Оквыборы во Всевыборы, избранными по списку № 12 (эсеры) считались П. Я. Гамзагурди, А. Р. Гоц, В. И. Дризо и И. П. Нестеров⁹. Но в декабре 1917 года ряд руководителей эсеровской партии, в том числе Гоц, были арестованы. Видимо поэтому его присутствие на предстоящих заседаниях Учредительного собрания считалось сомнительным. Вместо Гоца, по ходатайству местной организации эсеров, в число депутатов был включен О. С. Балай, следующий кандидат по списку № 12. Не случайно его фамилия в книге «Всероссийское Учредительное собрание» включена не в основной, а в дополнительный список.

В Минском округе был избран по списку № 2 один представитель еврейского НИКа. По данным Оквыборы им был Я. И. Мазе. Однако фактически членом Учредительного собрания по этому списку стал Ю. Д. Бруцкус. Дело в том, что, в соответствии с п. 48 Положения о выборах в Учредительное собрание, один и тот же кандидат мог быть выставлен в нескольких избирательных округах, но не более чем в пяти. Видимо, это позволило Мазе выставить свою кандидатуру еще и по Могилевскому округу, потому что перед заседанием Учредительного собрания он был зарегистрирован как депутат именно от этого округа¹⁰. Положение о выборах определяло, что выбывающий член Учредительного собрания заменялся следующим по списку кандидатом. В нашем случае им оказался Ю. Д. Бруцкус.

От Западного фронта должно было быть избрано 12 депутатов. Но, учитывая, что по Румынскому и Юго-Западному фронту при выяснении количества депутатов был взят за основу не 100-тыс., а 75-тыс. избирательный метр (т. е. один депутат от 75 тыс. избирателей), «в интересах справедливости и единства» Фронтвыборзап на заседании 10 декабря постановила: принять и на Западном фронте за основу исчисления количества депутатов 75-тыс. избирательный метр¹¹. Таким образом, число избираемых депутатов от Западного фронта увеличилось с 12-ти до 16-ти.

По нашим подсчетам в состав этих 16 депутатов входили 11 большевиков, 3 эсера и два представителя украинских эсеров и меньшевиков. В уже упоминавшейся телеграмме Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) во Всевыборы от 27 декабря приводится персональный состав депутатов-большевиков: Г. И. Зиновьев, А. Ф. Мясников, И. К. Ксенофонтов, М. М. Васильев, Н. С. Тихменев, И. А. Апетер, Е. И. Лысяков, С. А. Анучин, И. П. Феденев, Н. В. Рогозинский и А. И. Яковлев. Однако в издании «Всероссийское Учредительное собрание» в этот список включены еще В. Г. Куконок и Ф. И. Гжельшак (последний уже проходил по списку от Минского округа), но отсутствует Г. И. Зиновьев. Вероятно, уже после 27 декабря Зиновьев снял свою кандидатуру (по книге «Всероссийское Учредительное собрание» он проходит по списку от Петроградского столичного избирательного округа) и вместо него по Западному фронту прошел Куконок (последний кандидат по списку № 9)¹².

От Западного фронта были избраны три депутата по списку № 12 (эсеры) — М. К. Николаев, В. Ф. Моргенштиерна, З. И.-Л. Зетель. Разночтений по этим кандидатурам в литературе и архивных источниках не встречается. Серьезного успеха на выборах добились украинские эсеры и меньшевики. По их списку № 1 депутатами были избраны И. Г. Базяк и М. М. Лебединец.

От Могилевского округа должно было быть избрано 15 депутатов. В архиве сохранилось подробное описание того, как Оквыборы определила партийный и персональный состав этих пятнадцати. Комиссия постановила, что в соответствии с полученными голосами Могилевщину в Учредительном собрании должны представлять 12 эсеров, 2 большевика и один представитель еврейского НИКа¹³. Партию эсеров должны были представлять Н. Д. Авксентьев, И. Н. Коварский, С. М. Малышицкий, П. М. Воронов, Ш. А. Рапорт (Анский), А. А. Цветаев, И. Г. Малеев, Л. А. Хрисаненков, М. Ф. Засорин, А. Е. Буслов, Р. Л. Шишаев и Е. М. Закревский.

Однако Авксентьев в середине декабря был арестован и, вероятно, вместо него, по ходатайству местных эсеров, в число депутатов был включен Т. Я. Василевский — следующий после Закревского кандидат по списку № 1. О верности этого предположения говорит персональный состав членов Учредительного собрания от Могилевского округа в книге «Всероссийское Учредительное собрание». Здесь фамилия Авксентьева отсутствует, но зато в дополнительном списке есть фамилия Василевского.

Оквыборы определила, что по списку № 11 (полесские большевики) считаются избранными Мясников и Ксенофонтов, т. е. первые в списке. Однако они и следующие за ними по списку Ландер, Гжельшак и Громашевский свои кандидатуры сняли, так как были избраны по другим округам. Вот почему комиссар над Всевыборы М. С. Урицкий 20 декабря 1917 года в телеграмме на имя председателя Могилевской Оквыборы просил выдать удостоверение членов Учредительного собрания оказавшимся во главе списка № 11 Л. М. Кагановичу и Г. М. Леплевскому. Оквыборы согласилась и известила об этом указанных депутатов¹⁴.

Пятнадцатым членом Учредительного собрания, избранным от Могилевского округа, комиссия утвердила уже упоминавшегося Я. И. Мазе — представителя

списка № 9 еврейского НИКа. В издании «Всероссийское Учредительное собрание» упомянут еще один депутат, избранный по списку № 9 — Н. М. Фридман. Однако нам представляется это маловероятным, так как список № 9, сведенный со списком № 7, набрал всего 43.774 голоса, в то время, как избирательный метр для Могилевского округа был равен 42.666 голосам¹⁵. Значит, итоги выборов позволяли провести в Учредительное собрание по списку № 9 только одного депутата.

Таким образом, от четырех интересующих нас округов было избрано 56 депутатов — 30 большевиков (54 %), 22 эсера (39 %), 2 представителя еврейских избирательных комитетов (3,5 %) и 2 представителя украинских эсеров и меньшевиков (3,5 %). Состав депутатов отражал сложную политическую мозаику общественно-политической жизни Белоруссии и Западного фронта осени 1917 года.

¹ Подсчитано автором на основании следующих источников: Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 1810, оп. 1, д. 7, л. 123—129; д. 89, л. 3 об — 4, 7 об, 80 об; д. 273, л. 9; д. 478, л. 70; д. 480, л. 2; Известия Всевыборы. 1917. № 6. Стлб. 5—7; № 9. Стлб. 22—23.

² Подсчитано автором на основании следующих источников: ГА РФ. Ф. 1810, оп. 1, д. 272, л. 67—69; д. 478, л. 70, 73—74; Центральный государственный архив Октябрьской революции Республики Беларусь (далее: ЦГАОР РБ). Ф. 863, оп. 1, д. 1, л. 52 об; Государственный архив Витебской области. Ф. 289, оп. 1, д. 249, л. 5; И г н а т е н к о И. М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии. Мн., 1962. С. 386; С п и р и н Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 276, 291—292, 326.

³ См.: З н а м е н с к и й О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1974. С. 276.

⁴ Подсчитано автором по уточненным архивным данным.

⁵ Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 116 и далее.

⁶ См.: С п и р и н Л. М. Указ. соч. С. 276, 291, 292, 326; Ф т а ш к е в и ч Н. С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917—1925). Мн., 1985. С. 134.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 1810, оп. 1, д. 7, л. 123—127.

⁸ См.: Там же. Д. 478, л. 79—80. Здесь и далее названия избирательных комиссий приводятся в соответствии с принятыми в тот период сокращениями: Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия — Всевыборы, аналогичные окружные комиссии — Оквыборы, комиссия по Западному фронту — Фронтвыборзап.

⁹ См.: Там же. Д. 272, л. 67—69, 71.

¹⁰ См.: Всероссийское Учредительное собрание. С. 125.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 1810, оп. 1, д. 478, л. 72.

¹² См.: Там же. л. 77—78; Всероссийское Учредительное собрание. С. 124.

¹³ См.: ЦГАОР РБ. Ф. 863, оп. 1, д. 1, л. 53—54 об.

¹⁴ См.: ЦГАОР РБ. Ф. 863, оп. 1, д. 2, л. 341, 342.

¹⁵ См.: Всероссийское Учредительное собрание. С. 136; ЦГАОР РБ. Ф. 863, оп. 1, д. 1, л. 53—54 об.

Н. А. КУТУЗОВА

ПАРТИЙНАЯ ПРОПАГАНДА И МЕНТАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДА (март 1917 — июнь 1918)

Отличительными особенностями периода март 1917 — июнь 1918 г. являются: разрушение государственности и правопорядка, активизация политических партий, а также резко возросшее влияние революционных масс на политику, политические симпатии которых стремительно меняются от Учредительного собрания (весна — лето 1917) до поддержки большевиков (осень 1917). Этот факт долгое время оставался загадкой для исследователей и трактовался либо как полное понимание и одобрение народом политической ливии большевиков, либо отрицался вовсе.

Однако полностью объяснить это можно лишь на основе исследования взаимодействия двух социально-психологических факторов: политической пропаганды партий, действующих в этот период, и ментальных комплексов* самого революционного народа. Именно так подходили к этой проблеме и некоторые партийные идеологи 1917 г., сформулировавшие закон, согласно которому партийное влияние на массы возможно тогда и в той степени, в какой идеоло-

* Ментальность понимается как совокупность установок, предрасположенностей индивида или социальной группы, которая обозначает их принадлежность к одной культуре и позволяет по-своему воспринимать исторические события и свое место в них.

гические системы соответствуют психологическим стереотипам народа¹. Данный вывод, безусловно, правомерен.

Война и революция вывели на политическую арену огромные массы людей, для которых был характерен низкий образовательный уровень, отсутствие навыков политической борьбы, тяга к коллективным выступлениям. Революционный коллектив 1917 г. был бесструктурным², т. е. толпой. Сплачивающими основаниями такого «коллектива»-толпы служат два элемента: во-первых, осознание себя «властью», причем не властью отдельного индивида, а «коллектива» в целом (по этому поводу газеты 1917 г. печатали массу юморесок о смелых политических заявлениях отдельных лиц в коллективе, вне которого их революционный пыл пропадавал)³, и, во-вторых, выражение ненависти к старым политическим порядкам и лицам, их воплощавшим. Социальный состав такого революционного «коллектива» — это преимущественно маргинальные слои населения: так называемый «полупролетариат» составлял в 1917 г. чуть менее 50 % населения страны⁴.

Как правило, подобные «революционные коллективы» руководствуются в своей деятельности мыслительными привычками и навыками, которые были унаследованы ими от прошлых поколений. Закрепленный в традиции опыт политических отношений принимает форму определенной стереотипа восприятия и оценки действительности. Партийным идеологам пришлось столкнуться с довольно редким в политической практике явлением: обыденным сознанием с прагматической доминантой⁵. Наиболее эффективными в данной ситуации могли быть предельно простые эмоциональные установки.

В этом весьма преуспела большевистская пресса, которая отличалась обилием фраз с восхлещательными знаками и предложением упрощенных политических рецептов. Например: «Все живущие трудом своих рук — братья между собой!», «Каждый рабочий, если он не предатель и трус, должен подать свой голос за большевиков». Для большевиков были также характерны туманные обещания типа «царства мира и справедливости, царства социализма, при котором не будет места никакому гнету, никаким притеснениям!»⁶ В том же духе следуют оценки документов советского периода: «Эта конституция... будет евангелием...!»⁷

Весьма художественно был создан большевистской прессой образ «классового врага» и образ его «жертвы», которой является «трудовой народ». Прием противопоставления также крайне упрощен. Имущие слои населения именуются «черными силами реакции», которые «выступили в поход против завоеваний революции». Постепенно в разряд врагов переходят все политические оппоненты большевиков. Учредительное собрание оценивается как «прислужники банкиров..., союзники Каледина..., холопы американского доллара, убийцы из-за угла...» Те же характеристики прозвучали в июне — июле 1918 г. по отношению к последним союзникам — левым эсерам⁸.

«Жертва» выглядит следующим образом: «классы, самые угнетенные, подвергающиеся самым яростным преследованиям как со стороны прежнего правительства, так и буржуазии». Такой же «угнетенной» жертвой является и сама партия большевиков⁹.

Лесть революционному народу, объявление его «строителем светлого будущего» и противопоставление ему «врагов» — основа абсолютно всех пропагандистских построений большевиков.

Реакция остальных партий в отношении содержательной стороны большевистской пропаганды была однозначно негативной. Социалистическая газета «Голос народа» опубликовала ироничные заметки по этому поводу: «Наши ораторы знают, что нужно говорить народу. Главное, — давай ему все: землю, лес, мед, пампушки, галушки, перины. Это очень приятно для народа и оправдывается теорией социализма... Но, нельзя же пользоваться средствами без меры и соображения!»¹⁰ Эсеры, меньшевики, кадеты оказались единодушными в признании огромной опасности, которой грозили апелляции большевиков к «грубым инстинктам толпы», особенно в отношении собственности и расправ с «классовыми врагами». Большевики, по всеобщему признанию, «губят самую идею социализма, заменив его вандализмом». Основной задачей пропаганды идеологи всех небольшевистских партий считали «внедрение в широкие слои населения здоровых и твердых понятий демократических начал государственного устройства»¹¹, иначе говоря — просвещение народа. Выработка прогрессивного демократического ценностного комплекса в отрыве от более глубоких прагматических уровней обернулась для меньшевиков и эсеров (правых и центра) политическим поражением.

Центральное место в ценностном комплексе занимает свобода как высшая человеческая ценность. Именно свободу считали главным завоеванием февральской революции. Однако большинство ранее угнетенного населения восприняло свободу как отрицание любых ограничений. Земская газета «Могилевская жизнь» по этому поводу писала: «Дикари смешали свободу с анархией»¹². Свобода, понятая как вседозволенность, наиболее полно выявила разрушительную силу революционных масс.

В период март—октябрь 1917 г. было предпринято несколько попыток обуздать анархию и навести порядок в стране, летом 1917 г. правительство решило остановить разрушительную деятельность левых сил введением смертной казни, ограничением прав собраний и запрещением большевистских газет.

Но если правительство и меньшевистские партии представляют свободу как неотъемлемый атрибут правопорядка и рассматривают ее как элемент созидательный в плане перспектив строительства нового демократического общества, дальнейшего экономического развития, то большевистская пропаганда игнорирует законность и правопорядок как таковые и призывает не подчиняться распоряжениям правительства. По мнению большевиков, никакой анархии в стране нет, есть «возмездие революционного народа». Была даже создана концепция политического преступления, затрагивающая проблему соотношения свободы и правопорядка: «С той минуты как политическое преступление удалось (например, свергнута власть), оно перестает быть преступлением»¹³.

В политическом смысле, большевистская трактовка свободы — это отпор «врагам народа», а в экономическом — установление всеобщего равенства. Великолепным примером этого служит пропаганда большевистского решения земельного вопроса в «Звезде»: «Мы не предлагаем самочинных и беспорядочных захватов, а говорим: «вся земля на деле, а не на словах, должна перейти в руки крестьянских организаций». Но далее следует оговорка: «Ведь ни один богатый человек не будет в Учредительном собрании голосовать за то, чтобы у него отобрали землю»¹⁴. Конец фразы отрицает ее начало.

Уже после октября 1917 г. «Воля народа» писала о новых порядках так: «Социалистические типографии закрыты. Права личности попораны. Смертная казнь «заменена» самосудом толпы»¹⁵. Свобода и теоретически, и практически превратилась в свою противоположность.

Ценностный комплекс большевиков, основанный на трех элементах (свобода, равенство, братство), был лишь проекцией типично коллективистских психологических стереотипов поведения, что и определило его огромную популярность в массах. Он был прост и понятен всем и создавал иллюзию таких же упрощенных вариантов решения множества проблем: фабрики — рабочим, землю — крестьянам и т. д. Он не требовал от партии длительной просветительской работы, а следовательно, и трансформации ментальных структур народа.

Целью политической пропаганды всегда является формирование определенных установок по отношению к власти как таковой и государству.

В этой связи большой интерес представляет проблема соответствия политических установок требованиям масс. Орган правого крыла партии эсеров газета «Воля народа» от 4 мая 1917 г. посвятила передовицу сущности и авторитету власти. Власть определяется как приписывание одним лицам прав приказывать и повелевать, а другим — обязанности подчиняться. Секрет власти — в психике человека. Автор задается вопросом: на чем может основываться авторитет современной ему власти? И приходит к выводу: «Если действия носителей власти звучат в унисон с тем, чего хочет большинство, — власть дана, она могуча, она незыблема»¹⁶.

«Могилевская жизнь» пытается разобраться во взаимоотношениях партий и государства: «Задача партии — задача властвования над массами, в то время как задача государственности — укрепление общезжития, спайка масс». Партии в своем стремлении влиять на массы расшатывают основы государственности. Но «в народном сознании чувство самосохранения преобладает над партийной мыслью — партия, становясь у власти, инстинктивно (!) стремится сохранить устои государства»¹⁷.

Итак, две позиции разных авторов сходны в одном: стабильной может быть лишь та власть, которая опирается на традиционные представления о ней. Вопрос лишь в том, каковы эти традиционные представления?

Меньшевики и эсеры полагали, что «власть не может быть вне народа». Надежды возлагались на «сеть местных самоуправлений, которые являются

истинным представительством интересов всего народа в целом»¹⁸, и на мирный парламентский путь борьбы.

Партия большевиков, несмотря на трактовку демократии как «буржуазной уловки» и на требования установить революционную власть меньшинства населения — диктатуру пролетариата, также до весны — лета 1918 г. придерживалась концепции «неформальной» власти Советов и отмирания государства. Однако в дальнейшем большевики переходят к укреплению госаппарата и расширению полномочий и сфер влияния государства в обществе.

Большевики заставили предпринять укрепление государства все те же ментальные стереотипы, которые являлись поведенческим саморегулятором революционных масс и которым большевистская пропаганда следовала ранее. Малограмотный народ править не может, он может лишь делегировать свои права людям, обладающим соответствующими знаниями, либо просто талантливым ораторам, которые обещают «царство справедливости». Именно таким образом большевики и пришли к власти в октябре 1917 г. Малограмотная масса практически не разбирается в аргументах идеологов, для нее важен сам факт, что ее вожди «знают, как делать» и что «там, наверху, разберутся». Наделяя властью своих вождей, толпа окружает их, да и саму власть, мистическим ореолом, завесой тайны — это еще одно доказательство наличия элементов пралогического мышления в общественном сознании революционного народа.

Коллективу революционных масс необходима сильная государственная власть, которая выполняла бы функции внешнего регулятора в организационном и идейном смыслах (внутренним являясь ментальные стереотипы). Партия большевиков смогла стать харизматическим лидером этих масс, а следовательно, и их регулятором. Этатистские ментальные комплексы решили вопрос о разделении сфер между государством и обществом в пользу государства. В этой связи интересна советская конституционная доктрина, которая изначально строилась на широком толковании пределов конституционного регулирования и непосредственной включенности государства в сферы экономики, социальных отношений и т. д.

Думается, что борьба за власть неизбежно должна была закончиться победой большевиков, именно они смогли в полной мере использовать все психологические особенности революционного народа и воплотить их в необходимые для победы социальные установки и ценностные ориентиры. Влияние большевиков на революционную массу, по признанию идеологов остальных партий, было очень велико. «Воля народа» писала: «Конечно, аргументация большевиков слаба, конечно, в ней нет ни грана здравого смысла. Но нельзя забывать, что их лозунги кидаются в народные массы, измученные, истощенные войной, страстно жаждущие мира. А при каких условиях явная логическая нелепость принимается на веру?» Такой «нелепостью» может быть все, что угодно: от идеи мировой революции, до организации государственной власти. П. Сорокин писал, что главная опасность для революции — это обыватель, «он пойдет за кем угодно, кто обещает ему «изобилие плодов земных»¹⁹.

Приход большевиков к власти и удержание ее на протяжении 70 лет красноречиво говорят о необходимости изучения и использования ментальных комплексов в политической практике. Вместе с тем результаты деятельности партии большевиков заставляют задуматься о нравственной стороне революционных преобразований. Большевики всей своей политикой содействовали консервации традиционных политических представлений народа. Те партии, которые стремились к их трансформации, к пропаганде демократических начал, вынуждены были уйти с политической сцены во многом из-за недооценки ментальных особенностей народа. Причина их поражения, как и партий либеральной ориентации, была сформулирована еще Герценом: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»²⁰.

Ментальные комплексы чрезвычайно устойчивы и сами по себе не изменяются. Любые социальные преобразования всегда требуют соответствующих психологических изменений в обществе, особенно если речь идет о стремлении к демократическому, правовому обществу. Путь, сочетающий как социально-экономические преобразования, так и психологическую трансформацию традиционных стереотипов, намного сложнее, чем тот, что прошли большевики, но он более нравствен и перспективен. И в этом смысле современным реформаторам

необходимо извлекать уроки из деятельности своих предшественников, чтобы избежать их политических просчетов.

- ¹ См.: Воля народа (орган правого крыла эсеров). 1917. 6 сент.; Могилевская жизнь (орган земства). 1917. 21 июля.
- ² См.: Л е б о н Г. Психология социализма. М., 1899.
- ³ День (газета правых меньшевиков). 1917. 25 июля.
- ⁴ См.: С п и р и н Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 7 и далее.
- ⁵ Термин введен Л. Леви-Брюлем («Первобытное мышление». М., 1930).
- ⁶ Звезда (орган Минского комитета РСДРП(б)). 1917. 30 июля; Правда. 1918. 31 марта; Звезда. 1917. 30 июня.
- ⁷ Правда. 1918. 12 июля.
- ⁸ Звезда. 1917. 30 июля; Правда. 1918. 19 янв.; 31 марта.
- ⁹ Звезда. 1917. 30 июля.
- ¹⁰ Голос народа (орган социалистической мысли). 1917. 8 авг.
- ¹¹ Могилевская жизнь. 1917. 12 ноября; 31 июля.
- ¹² Там же. 20 июня.
- ¹³ Буревестник (орган северо-западного областного бюро РСДРП). 1917. 13 окт.; Звезда. 1917. 17 авг.
- ¹⁴ Звезда. 1917. 1 авг.
- ¹⁵ Воля народа. 1917. 1 ноября.
- ¹⁶ Там же. 1917. 4 мая.
- ¹⁷ Могилевская жизнь. 1917. 21 июля.
- ¹⁸ Воля народа. 1917. 6 июня; Свободное слово (Известия Горецкого СК и РД). 1917. 1 окт.
- ¹⁹ Воля народа. 1917. 15 июня; 6 сент.
- ²⁰ Г е р ц е н А. И. Соч. в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 544.

М. Ш. САДЫКОВ, К. А. РЕВЯКО

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЫСТОРИИ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН В ОЦЕНКЕ НЕМЕЦКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ XX в.

Для историков античности предыстория Пунических войн, более известная под названием Мессанского конфликта, является весьма сложной проблемой. Нелегко разобраться во всех аспектах событий этого периода, так как многое не ясно и не достаточно обоснованно изложено в источниках. Таким до конца не выясненным моментом в римско-карфагенских отношениях остается дипломатический аспект Мессанского конфликта.

Германская историография античности как наиболее представительная и компетентная в исследовании Пунических войн данный аспект не всегда оценивает однозначно и обстоятельно.

Немецкие историки первой четверти XX в. Ф. Ройсс, М. Шерманн, Ф. Лютербахер, П. Мейер и К. Ю. Белох¹ не уделили серьезного внимания рассмотрению роли дипломатических средств в разрешении Мессанского кризиса. Исследователей гораздо больше интересовали военные столкновения между Римом и Карфагеном. Никто из них не попытался выделить роль и место дипломатии в развязывании войны или хотя бы проследить изменчивость дипломатических позиций в споре из-за Мессаны. Отсутствие концептуальной разработки дипломатической предыстории Пунических войн характерно для всех работ названных авторов. Объясняется это, вероятно, тем, что в немецком антиковедении, так же как и в других зарубежных историографиях начала века, сохранилось присущее античной науке прошлого столетия стремление избегать качественных оценок и оставаться на позиции «объективизма». В это время историки скептически относились к сведениям античных авторов. Так, Ф. Лютербахер в работе «Взгляды на критическую историю первой Пунической войны» бездоказательно опровергал фактические сведения о дипломатических переговорах во время Мессанского конфликта. Он же считал, что средневековый историк Зонара, излагавший «Римскую историю» Диона Кассия, допустил отклонения от текста, утверждая что карфагеняне, завладев Мессаной, способствовали миру между сиракузским царем Гиероном II и мамертинцами². При этом немецкий ученый совершенно упустил из виду указание Полибия (I, 10, 2) о наличии в Мессане сторонников политической ориентации на Карфаген, которые, естественно, были заинтересованы в поисках путей урегулирования натянутых отношений Мессаны с Гиероном II. Ф. Лютербахер не признавал за истинное и сообщение Диодора о

том, что римский консул Аппий Клавдий еще будучи в Италии вел переговоры с карфагенянами и сиракузским царем в целях ослабления политической напряженности. В обоих случаях историк не привел каких-либо весомых аргументов, подтверждающих его точку зрения.

Следует отметить, что исследователи античных источников столкнулись с рядом хронологических разночтений в изложении событий, в связи с чем нарушилась и логика дипломатических действий. Так, спорили из-за датировки битвы при реке Лонгано, которая ускорила начало дипломатических акций. Неоднозначным в историографии оказалось и толкование мотивов мамертинского посольства в Рим. Ф. Ройсс, например, считал, что мамертинцы просили Рим оказать им помощь в борьбе с Гиероном II, но карфагеняне опередили римлян в выполнении этой просьбы. Историк воспринял за истину утверждение Зонары о том, что римский трибун Гай Клавдий пытался «путем переговоров вынудить карфагенян к уходу из Мессаны»³. Ф. Ройсс полагал, что переговоры ничего не дали, но римляне сумели склонить на свою сторону мамертинцев, вынудили карфагенян покинуть Мессану и затем объявить Риму войну. Слишком осторожно оценивая события, автор даже не попытался рассмотреть ряд фактов, позволяющих говорить о том, что римская и карфагенская стороны на данном этапе, если бы использовали все дипломатические средства, могли не допустить политической конфронтации.

В отличие от Ф. Ройсса К. Ю. Белох утверждал, что римского трибуна Гая Клавдия в истории не было и связывал появление римлян в Мессане с деятельностью консула Аппия Клавдия. В трактовке событий этот историк следовал за Полибием и считал, что успехи римского трибуна раздуты младшей анналистикой, и в частности Дионом Кассием. В солидном сочинении К. Ю. Белоха «Греческая история» шагом вперед оказалась попытка детальнее рассмотреть так называемый мамертинский вопрос — доверие мамертинцев внешней силе (либо Риму, либо Карфагену) решать их судьбу перед лицом опасности со стороны Сиракуз. Это позволило значительно расширить рамки исследования дипломатического аспекта Мессанского конфликта. К. Ю. Белох отметил, что при выборе решения мамертинцы учитывали мотивы за и против обращения к той или другой стороне, что сказалось на содержании их дипломатической акции. Наряду с этим немаловажным моментом историк, пожалуй, впервые пытался увязать дипломатические мотивы с целями внешней политики как Рима, так и Карфагена. К. Ю. Белох считал, что оба государства стремились взять мамертинцев под свое покровительство, поскольку владение Мессаной обеспечивало и обладание выгодным в военно-стратегическом отношении проливом между Южной Италией и Сицилией⁴.

Эмпирические мотивы и тенденции наблюдаются и у германских антиковедов 30—40-х гг. Только после окончания второй мировой войны и освобождения немецкого антиковедения из сетей расовой нацистской идеологии изучение Мессанского конфликта поднимается на более высокий уровень. В 1949 г. появилась статья А. Хойсса «Первая Пуническая война и проблема римского империализма»⁵, в которой большое внимание было уделено римско-карфагенским разногласиям из-за Мессаны. Этой же проблеме посвятил свой труд «Консул Аппий Клавдий и начало первой Пунической войны» А. Липпольд⁶. Обе работы получили широкое признание. Этой же проблеме посвящена довольно объемная статья В. Хоффмана «Прощение мамертинцев о помощи накануне первой Пунической войны»⁷, вызвавшая в ученом мире неоднозначную реакцию. В ответ на нее А. Хойсс переиздал свою работу, значительно расширив и дополнив ее с учетом новых подходов и теорий⁸.

Следует отметить, что все названные работы лишены модернистских тенденций, в них нет попыток переоценивать «римский империализм», что в это время стало модным у историков других национальных историографий. Однако отдельные методологические установки немецких историков (в ряде случаев) взаимно противоположны. Так, В. Хоффман предпринял пространную критику стиля и достоверности повествования Полибия. А. Хойсс, наоборот, считает, что «никакая другая традиция не может претендовать на более высокую достоверность, чем этот рассказ»⁹. По его мнению, критика полибианского сообщения не имеет в распоряжении убедительных аргументов, способных опровергнуть логику мышления Полибия.

В. Хоффман ставит под сомнение сведения античного историка об одновременном обращении мамертинцев к Карфагену и Риму за помощью

в борьбе против Сиракуз¹⁰. Он также считает, что просьба мамертинцев была направлена не столько против Гиерона, сколько против Карфагена, установившего после 269 г. до н. э. свой протекторат над Мессаной. В 264 г. политическая переориентация мамертинцев на Рим послужила основанием для изгнания из города карфагенского гарнизона. Примечательно, что В. Хоффман «не обошел стороной» считавшийся вымышленным «рассказ о римском трибуне Гае Клавдии». Он полагает, что здесь есть зерно правды; вероятно, под именем Гая Клавдия выступал римский посланец, объявивший о помощи Рима союзной Мессане. Иначе, размышляет ученый, невозможно понять, почему пунийцы объединились с Гиероном II для комбинированной блокады Мессаны. По мнению В. Хоффмана, поведение Карфагена и Сиракуз в конфликте с Римом вполне отвечало их желаниям любым путем добиться статус кво. Но при этом, как полагает исследователь, карфагеняне не хотели воевать с Римом. И только когда все дипломатические средства были исчерпаны, когда ультимативное требование покинуть Мессану было отвергнуто Римом, карфагено-сиракузский союз немедленно объявил войну. Несмотря на такие оригинальные рассуждения, вывод В. Хоффмана об объявлении войны Риму неубедителен. Ученый фактически не объясняет, почему карфагено-сиракузское дипломатическое сопротивление, т. е. по существу это противоборство, осталось не рассмотренным.

Занимавшийся этой же проблемой А. Хойсс считал военное столкновение Рима с Карфагеном совершенно случайным, а именно — в результате соединения карфагенян и сиракузян. Римляне выступали против экспансионизма Гиерона II. По мнению ученого, в ходе переговоров римляне заявили карфагенянам, что явились в Сицилию для борьбы с Сиракузами, старым врагом Карфагена. На это, как полагает А. Хойсс, карфагеняне ничего не могли возразить. Наиболее ценным в труде немецкого историка мы считаем то, что им сделана попытка проследить развитие римско-карфагенских политических связей во времени и рассмотреть, как это развитие отразилось на решении Рима оказать покровительство мамертинцам. Для уяснения сути римско-карфагенского спора из-за Мессаны, подчеркивает А. Хойсс, нужно исследовать прежние отношения между Карфагеном и Римом. В этих отношениях он выделяет следующие моменты. Римляне не были мастерами крупномасштабной политики за пределами Италии. Они договором 348 г. до н. э. формально признали морское господство Карфагена и даже в Пиррову войну это положение не изменилось. Оно отвечало естественным потребностям римской политики, которая до сих пор ограничивалась континентальным ведением дел. Легкое изгнание карфагенского гарнизона из Мессаны А. Хойсс объясняет принятием условий римского покровительства абсолютным большинством мамертинцев; прокарфагенская же группировка под впечатлением римского решения не осмелилась препятствовать развитию событий. Следовательно, полагает ученый, римляне надеялись не разочароваться в своих внешнеполитических «спекуляциях» и суметь избежать конфликта с Карфагеном. Исследователь верно подметил, что самостоятельность римского консула Аппия Клавдия в ходе переговоров с карфагенянами была ограничена сложившейся обстановкой. Еще можно было уладить множество формальностей, но консул не позаботился об этом, а объявил войну, «поскольку положение ведь в принципе ничего другого не оставляло желать, после того как Мессана стала союзной общиной»¹¹. И все же А. Хойсс заключает, что можно было не объявлять войну.

Для логического обоснования своих выводов ученому, на наш взгляд, следовало бы как можно больше внимания уделить исследованию дипломатических средств, а не предаваться оборонительным рассуждениям о предвзятости римских мотивов вмешательства в конфликт. Для доказательства бесплодности усилий дипломатическим путем разрешить кризис автор даже затронул такой важный феномен, как «пуническая верность».

Оба германских антиковеда, и А. Хойсс, и В. Хоффман, не обратили внимания на особенности дипломатической ситуации в период римско-карфагенских разногласий из-за Мессаны. Они не употребляли и, естественно, не раскрыли термин «дипломатический кризис 264 г.». Впервые этот термин употребил американский исследователь А. Эстин¹². Под ним ученый разумел трансформацию первоначального раунда дипломатических переговоров из-за Мессаны в сложную и весьма изменчивую ситуацию, которая была разрешена силой оружия. Эстин добросовестно использовал достижения германских исследователей, и в частности А. Хойсса. Но если последний больше

внимания уделил политической оценке событий, то А. Эстин значительно шире выделил их дипломатический контекст.

Лучшие традиции германской историографии конца 40 — начала 70-х гг. по изучению Мессанского конфликта продолжили современные немецкие ученые К.-Х. Шварте и В. Гусс. В исследовании «Невий, Энный и начало первой Пунической войны» (1972)¹³ К.-Х. Шварте попытался рассмотреть фециальную процедуру объявления войны Карфагену так, как ее излагали римские поэты — Невий и Энный. Исследователь выделил отдельные моменты дипломатических римско-карфагенских разногласий и показал, что дипломатия способствовала осуществлению решений, принятых римским сенатом.

Профессор Бамбергского университета (Германия) В. Гусс, восприняв некоторые идеи В. Хоффмана, особо выделил «проблему виновности» в первой Пунической войне и рассмотрел ее с позиций карфагенской стороны¹⁴. Ученый считает, что инициатором конфликта выступили римляне, карфагеняне же с самого начала пытались предотвратить войну, возложив свои надежды на специальную дипломатическую миссию в Риме. Свою позицию В. Гусс выразил следующим образом: «Было совершенно ясно, что карфагеняне не хотели войны... Перед переправой из Регия в Мессану Каудекс через курьера уверял Гиерона II, что римский народ не желает вести войну против него. Эта заметка Диадора соответствует истине... Рим (во всяком случае в этот момент) преследовал намерение вступить в конфликт не с Гиероном, а с Карфагеном. Тем самым отпадает гипотеза, согласно которой римляне намеревались воевать только против Гиерона и лишь в ходе своей военной операции, вопреки ожиданиям и помыслам, были втянуты в войну против карфагенян. В действительности же они знали, что предстоял военный конфликт с Карфагеном. Масштабов же предстоящей борьбы они, конечно, не представляли»¹⁵. Корыстолюбием Рима, по мнению В. Гусса, объясняется бесплодность дипломатическим путем нормализовать обстановку в Мессане и мирно разрешить конфликт.

Таким образом, германская историография XX в. по некоторым вопросам пришла к верным, но до конца не исчерпывающим проблему выводам. Изучение дипломатического аспекта Мессанского конфликта шло в соответствии с развитием антиковедения от простой фактологии до исследований на более высоком научном уровне. Помимо хронологических принципов изложения дипломатической стороны дела со временем были использованы и новейшие методы анализа, в частности подбор и сопоставление фактов из различных источников с определением их места в римской и карфагенской истории. Это характерно для работ А. Хойса и К.-Х. Шварте. Вместе с тем далеким от окончательной разработки остается проблема кризиса в дипломатическом противоборстве между Римом и Карфагеном в Мессанском конфликте, почти не выявлены причины его нагнетания и невозможности разрешения мирными средствами. Это, в свою очередь, предполагает выход на решение немаловажной проблемы: определение роли и места дипломатии в античности. В античном мире эффективность дипломатических средств, как правило, снижалась необузданным стремлением к новым захватам. В общественном сознании Рима атмосфера постоянной поддержки войн довела над разумными мирными методами достижения целей. Дипломатическая активность государств древнего мира чаще всего порождалась войной, иногда ее предвзято, иногда завершая.

Подводя итог сказанному, отметим, что анализ дипломатической предыстории первой Пунической войны и степени ее важности для понимания закономерностей развития исторических событий, положивших начало Пуническим войнам, не исчерпывается достижениями германского антиковедения по данной проблематике и не снимает с повестки дня актуальную необходимость ее дальнейшей многоплановой разработки.

¹ См.: Reuss F. // Philologus. 1901. № 14. Bd. 60; Schermann M. Der Erste Punische Krieg in des Lichte der libianischen Überlieferung. Tübingen, 1905; Lüt erb a c h e r F. // Philologus. 1907. № 20. Bd. 66; Meyer P. Der Ausbruch des ersten punischen Krieges. Berlin, 1908; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Berlin: Leipzig, 1925. Bd. 3.

² См.: Lut erb a c h e r F. Op. cit. S. 400 und weiter.

³ Reuss F. Op. cit. S. 106.

⁴ См.: Beloch K. J. Op. cit. S. 646.

⁵ См.: Heuss A. // Historische Zeitschrift. 1949. Bd. 169; Heuss A. Der Erste Punische und des Problem des römischen Imperialismus. Darmstadt, 1966.

⁶ См.: Lippold A. // Orpheus. 1954 № 1; Lippold A. Consules. Bonn, 1963.

- ⁷ См.: Hoffmann W. // Historia. 1969. Bd. 18. H. 2. S. 153 und weiter.
⁸ См.: Heuss A. Der Erste Punische Krieg und Problem des römischen Imperialismus (Zur politischen Beurteilung des Krieges). Berlin. 1970.
⁹ Ibid. S. 21.
¹⁰ См.: Hoffmann W. Op. cit. S. 160.
¹¹ Heuss A. Der Erste Punische Krieg ...1970. S. 38.
¹² См.: Eckstein A. M. Senate and general. Berkeley ets. 1987.
¹³ См.: Historia. 1972. Bd. 21. H. 2.
¹⁴ См.: Huss W. Geschichte der Karthager. München, 1985.
¹⁵ Ibid. S. 221.

У. А. СОСНА

КІРАВАННЕ ДЗЯРЖАЎНАЙ ВЁСКАЙ НА БЕЛАРУСІ ДА РЭФОРМЫ П. ДЗ. КІСЯЛЁВА

Дзяржаўная вёска на Беларусі існавала яшчэ з часоў Вялікага княства Літоўскага і ўяўляла сабой землі з сялянамі, якія належалі вялікаму князю як носьбіту дзяржаўнай улады. У 1590 г. вялікакняскі дамен быў падзелены на староствы і эканоміі. Эканоміі прызначаліся для задавальнення патрэб двара і знаходзіліся пад непасрэдным кіраваннем каралеўскай адміністрацыі. Староствы, якія заставаліся ў казённым ведамстве, аздаваліся ва ўтрыманне шляхціцам, радзей здаваліся ў арэнду. Уласнасць тых і іншых маёнткаў пры гэтым захоўвалася за дзяржавай. У выніку трох падзеяў Рэчы Паспалітай (1772, 1793 і 1795 гг.) Беларусь была ўключана ў склад Расійскай імперыі. Кацярына II і Павел I падаравалі амаль усіх эканамічных сялян расійскім вяльможам. У складзе казённага саслоўя засталіся толькі прыгонныя старостаў, у далейшым яно папаўнялася за кошт сялян манастырскіх і духоўных вотчын, памешчыцкіх і удзельных прыгонных, асабіста незалежных ці паўсвабодных катэгорый сельскага насельніцтва. Паводле VIII рэвізіі (1834 г.), на тэрыторыі Беларусі (у сучасных яе межах) было 137 879 дзяржаўных сялян мужчынскага полу, што складала 8,6 % усяго насельніцтва¹.

Агульнае кіраванне дзяржаўнай вёскай у Расійскай імперыі, паводле указаў Пятра I, сканцэнтравалася ў Камер-калегіі, якая абавязана была мець нагляд за ўсімі дзяржаўнымі даходамі. У складзе штатаў Пскоўскай і Магілёўскай губерняў 1772 г. быў вызначаны Дырэктар камерных спраў, праўленне якога падзялялася на пяць экспедыцый, з якіх «пятая — па кіраванню дзяржаўнымі, дварцовымі і эканамічнымі вёскамі»². Але ў хуткім часе Кацярына II пераўтварыла мясцовы адміністрацыйны апарат. Згодна з «Устанаўленнем для кіравання губерняў» 1775 г., былі створаны казённыя палаты, у распараджэнне якіх трапіла ўся фінансава-гаспадарчая дзейнасць. Старшынёй казённай палаты з'яўляўся віцэ-губернатар, а ў склад яе ўваходзілі: дырэктар эканоміі, саветнік, губерньскі скарбнік, два асэсары і чатыры прсыяжныя засядацелі. Зыходзячы з мясцовых умоў, дапускаліся некаторыя адхіленні ў структуры апарату кіравання. Указам ад 30 кастрычніка 1794 г. дзяржаўныя сяляне ў заходняй частцы Беларусі былі перададзены ў распараджэнне Вярхоўнага праўлення, устаноўленага ў Гродна. «Казённае аддзяленне, — гаварылася ва ўказе, — утрымлівае ў ведамстве сваім усе каронныя і іншага звання маёнткі, прыналежаўшыя да казны, з якіх збірае падаткі і іншыя даходы па ранейшаму Рэспублікі Польскай палажэнню»³. Казённая палата была адчынена тут у 1797 г. і падзялялася «на экспедыцыі: камерную, з ведамствам маёнткаў, якія ў казённым кіраванні знаходзяцца, рэвізскую, скарбовую, страйную і падліковую»⁴. Казённыя маёнткі даручаліся таксама нагляду віцэ-губернатара. Некалькі пазней, у 1802 г., Аляксандр I правёў адпаведную рэформу цэнтральнага ўпраўлення. Старая калегіяльная сістэма была заменена міністэрскай, а паводле ўказа 25 ліпеня 1811 г., у складзе Міністэрства фінансаў з'явіўся Дэпартамент дзяржаўных маёмасцей, сканцэнтраваны ў сябе ўсе справы па казённых маёнтках, аж да скаргаў сялян на арандатараў⁵. У час французскай акупацыі 1812 г. дзяржаўныя маёнткі паступалі ў распараджэнне Камісіі часовага ўрада Вялікага княства Літоўскага, якая дзейнічала непасрэдна праз адміністрацыю ўстаноўленых ёю дэпартаметаў. Не робячы змен у існаўшай сістэме эксплуатацыі, марыянетачнае праўленне рабіла канкрэтныя захады для арганізацыі збору і ўсебаковага ўліку належных яму плацяжоў⁶. Усё гэта паказвае, што казённыя маёнткі і сяляне цікавілі іх уладальніка-казну перш за ўсё з фискальнага боку. Міністр фінансаў з'яўляўся іх галоўным начальнікам аж да канца 30-х гг. XIX ст.

Царскі ўрад захаваў за шляхціцамі, якія прынялі расійскае падданства, уступіўшы раней у сілу правы на трыманне ці арэнду старасцінскіх маёнткаў. Гэтая акалічнасць абмяжоўвала магчымасці падараванняў казённых сялян новым памешчыкам. Таму пецярбургскія дзяржаўныя саноўнікі, нават пад маркай спачування сялянам, настойліва выстаўлялі планы неадкладнага адабраўня ўсіх старостваў у казённае кіраванне. Аднак Кацярына II і тым больш яе пераемнікі, з палітычных меркаванняў, не пайшлі на такі крок. Разам з тым, першапачаткова быў прыняты шэраг мер па ўпарадкаванню існаваўшай арэнднай сістэмы. Насупраць даклада беларускага генерал-губернатара З. Чарнышова, дзе гаварылася аб уводзе пяцігадовага тэрміну арэнд і аддачы іх па імянных указах, Кацярына II зрабіла паметку: «Парабіць з арандатарамі кантракты, якія б ахоўвалі ад спусташэння тых вёскі»⁷. Просьбы аб працягу арэнд павінны былі задавальняцца толькі ў выпадку «прыстойнага кіравання».

Першая трэць XIX ст. з'явілася часам найбольшага росквіту арэнднай эксплуатацыі дзяржаўнай вёскі. Гэтану садзейнічала спыненне ў 1801 г. падараванняў сялян у прыватнае спадчыннае ўладанне, замена іх усялякага роду доўгатэрміновымі і кароткатэрміновымі арэндамі. На зварот аднаго з саноўнікаў Аляксандр I адказаў: «Маёнтак, аб якім вы просіце, будзе падараваны ў арэнду вам і вашым спадчынікам, значыць, вы атрымаеце жаданае, але толькі пры тых умовах, каб сялян не маглі прадаваць як бязмоўную жывёлу»⁸. Ужо, напрыклад, у 1807 г. практычна ўсе старасцінскія маёнткі Магілёўскай губерні знаходзіліся ў розных відах арэнды, трымання і залогу, у казённым кіраванні заставаліся толькі 30 (0,3 %) мужчынскага полу сялян⁹. Пагнаўшыся першапачаткова за арэнднымі падачкамі, рускія памешчыкі і чыноўнікі звычайна практыкавалі перадачу маёнткаў у субарэнду ці назначалі адміністратараў і ўпраўляючых з людзей, «дасведчаных у мясцовых умовах». Пасля вайны 1812 г. прызначаны Літоўскай камісіяй адміністратары былі пакінуты царскім урадам там, куды ранейшыя рускія ўладальнікі ўжо не вярнуліся. Дзяржаўныя сяляне, такім чынам, апынуліся ва ўладзе мясцовых шляхціцаў.

У адрозненне ад прыватных вотчын, дзе панавала самавольства ўладальнікаў, інвентары ў дзяржаўных маёнтках складаліся на аснове праводзімых па рашэнню ўрада люстрацый, кантроль за выкананнем якіх ускладаўся на адпаведны дзяржаўны апарат. Генерал-губернатар Чарнышоў склаў у 1773 г. форму арэнднага кантракту, дзе абавязаў арандатараў ад сялян «не патрабаваць ніякіх больш падаткаў, не накладаць на іх ніякіх для сябе збораў і не прымушаць да ніякіх панскіх работ, акрамя тых, якія яны да гэтага часу аддаваць і выконваць павінны былі і выконвалі». Каменціруючы настаўленні па кіраванню казённымі маёнткамі ў пісьме да Кацярыны II, ён адзначаў, што канчатковай мэтай іх з'яўляецца «памнажэнне казённага даходу»¹⁰. Тая ж мэта ставілася і пры правядзенні люстрацый казённых маёнткаў заходніх губерняў 1798 г. Згодна інструкцыі літоўскага генерал-губернатара М. Рапніна, павятовыя люстрацыйныя камісіі пры складанні новых інвентараў павінны былі «наогул паказаць усе выгаднасці тых маёнткаў; раўнамерна засведчыць лік дзеён паншчыны і ўсялякіх работ, выконваемых жыхарамі»¹¹. Для гэтага прадугледжвалася асабістае знаёмства з маёнткамі і прыцягненне інвентараў і эканамічных рэгістраў за апошнія шэсць гадоў. Люстратары не мелі права змяняць устаноўлены раней арэндны даход. Новыя інвентары зацвярджаліся губернартам і становіліся абавязковымі для часовых уладальнікаў і сялян. Практыка правядзення люстрацыі, якая расцягнулася на два гады, паказала як нявопытнасць і фармалізм чыноўніцтва, так сабатаж і злоўжыванні арандатараў. Як і меркавалася, люстрацыя не ўнесла істотных змен у павіннаснае ярмо сялянства, што пацвярджалася і ўказам 10 лютага 1809 г. аб захоўванні ў казённых арэндных маёнтках Віцебскай і Магілёўскай губерняў сялянскіх павіннасцей «адпаведна ранейшым Польскім інвентарам»¹².

У першыя дзесяцігоддзі XIX ст. у сувязі з агульнай накіраванасцю палітыкі Аляксандра I у адносінах да тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, цвёрдыя рэгулюючыя і кантралюючыя пачаткі кіравання дзяржаўнай вёскай, не паспелі сфарміравацца, аддаваліся забыццю. Гэтану ў рашаючай ступені садзейнічала захаванне ранейшага заканадаўства і набор чыноўнікаў, уключаючы і грамадзянскіх губернартаў, з мясцовай шляхты. Праўда, імкнучыся аслабіць нарастанне сацыяльных супярэчнасцей і адстойваючы фінансавыя інтарэсы, урад спрабаваў рэгуляваць арэндныя адносіны агульнымі правіламі, формамі кантрактаў, зменамі тэрмінаў, забаронай субарэнды, у якасці вопыту ўводзіць новыя адміністрацыйныя формы, як «Палажэнне аб кіраванні казённымі ў

Беларусі маёнткамі» 1824 г.¹³, прымушаць казённые палаты да дзейснага кантролю арандатараў і забеспячэння пакрыцця наносімага імі гаспадарчага ўрону, разгортваць дзейнасць межавых судаў і да т. п. Але ўсе гэтыя меры ва ўмовах адміністрацыйна-заканадаўчай неразбярэхі былі слабаэфектыўнымі і не прыносілі жаданых вынікаў. На шляху радыкальных пераўтварэнняў дзяржаўнай вёскі дружна стаяў памешчыцкі клас, інтарэсы якога для царызму былі ў канчатковым выніку даражэй за ўсё. «Гасудар, гэта страшэнная несправядлівасць, што ўрад не лічыць патрэбным заняцца імі, — пісаў 4 мая 1818 г. папачыцель Віленскай навучальнай акругі сенатар А. Чаргарыйскі, звяртаючы ўвагу на выгаднасць перадачы фальваркаў у арэнду самім старасцінскім сялянам, — ...Залішне многія зацікаўлены ў тым, каб адкласці гэтае пытанне і наогул перашкодзіць паспяховаму яго вырашэнню»¹⁴.

Выкрывальную характарыстыку арэнднай сістэме эксплуатацыі дзяржаўнай вёскі пакінуў рускі пэат князь П. А. Вяземскі, які служыў у Варшаве ў імператарскага камісара М. М. Навасільцава. «У Літве страшэнна пакутуюць сяляне, — запісаў ён 16 снежня 1818 г., наведваючы арандуемую яго шэфам Слонімскаю эканомію. — Мікалай Мікалаевіч можа даць выдатны прыклад, як трымаць казённую арэнду: на іх глядзяць як на лімон, каторы трапіўся да вас на хвіліну ў рукі: усякі стараецца выпіснуць з яго ўвесь сок. Чэсным арандатарам быў каля 20 гадоў маршал Пуслоўскі, адменны лімонавыцскапель. Ён кроўю сялян нажыў мільёны...»¹⁵.

Значным дзяржарам на сялян клаўся штогадовы дзяржаўны падатак. Аснову яго ў Рэчы Паспалітай складалі падымнае і гіберна (так званы грашовы пабор на зімовае утрыманне войска), а ў Расійскай імперыі — падушны падатак, памер якога ў канцы XVIII ст. вагаўся да рубля серабром. Пасля аказання ільгот ва ўплаце падушных грошай сельскае насельніцтва беларускіх губерняў было падведзена пад агульнаімперскі тып падатковага абкладання. Акрамя падушнага падатку, існавалі ў залежнасці ад мясцовых умоў земскі, «грамадскі» і «мірскі» зборы, натуральныя павіннасці (кватэрная, падводная, дарожная). У 1794—1796 гг. на тэрыторыі Беларусі ўводзілася рэкруцкая павіннасць. Спачатку казённая сяляне адносна паспяхова спраўляліся з уплатай падушнага падатку. Так, па Мінскай губерні нядоімка, якая сабралася з іх да 1812 г., складала менш 1/10 ад сумы няўнесенага падаткаў гэтага дзяржавага ваеннага года. Далей становішча пагаршалася. Ужо к 1839 г. нядоімкі ва ўплаце падаткаў і земскі збораў у дзяржаўнай вёсцы Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Віленскай і Гродзенскай губерняў складалі ў сярэднім 1,8, 1,2, 0,3, 0,8 і 0,2 аклада на душу. Прычым у Гродзенскай яны былі роўныя, а ў астатніх, акрамя Магілёўскай, перавышалі ступень такой у суседняй памешчыцкай вёсцы¹⁶.

У свеце выкладзенага ясна, што Беларусь канца XVIII — першай трэці XIX ст. была рэгіёнам, дзе казённая вёска паводле арганізацыі кіравання і эксплуатацыі па сутнасці мала адрознівалася ад памешчыцкай. Становішча сялян тут рэзка кантраставала з такім у рускіх аброчных губернях. Ліквідацыя арэнднай сістэмы і звязанага з ёй «гаспадарчага становішча» дыктавалася ўсім ходам сацыяльна-эканамічнага развіцця дзяржаўнай вёскі. Важную ролю пры гэтым адыгрываў палітычны фактар, асабліва пасля паўстання 1830—1831 гг. Пагаршэнне становішча сялянскіх мас, з аднаго боку, і агітацыя сярод іх шляхецкіх паўстанцаў — з другога, пагражалі крушэннем манархічных ілюзій насельніцтва і наносілі адчувальны ўдар па такіх ідэалагічных стаўпах самадзяржаўя, як праваслаўе і народнасць. Улічваючы гэтыя абставіны, найбольш дальнабачныя прадстаўнікі кіруючых вярхоў на чале з шэфам V Аддзялення імператарскай канцылярыі («штаба па сялянскай частцы») П. Дз. Кісялёвым распрацавалі прагрэсіўныя мерапрыемствы аб змяненні форм кіравання і эксплуатацыі казёнай вёскі заходніх губерняў.

¹ Падлічана па даных: У л а щ и к Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965. С. 45—46, 62; ЦДГА у С.-Пеіярбурзе. Ф. 571, воп. 9, спр. 36, арк. 32—37, 67—72, 134—145.

² ЦДАСА у Маскве. Ф. 16, спр. 763, арк. 2.

³ 1-е Полное собрание законов Российской империи (далей — ПСЗ-1). Т. XXIII. № 17264.

⁴ ЦДГА Літоўскай Рэспублікі. Ф. 1219, воп. 1, спр. 168, арк. 2.

⁵ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17761; Т. XXXI. № 24688.

⁶ Гл.: Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1912. Т. XXXVII. С. 227—228, 248—249, 286—287, 434—436, 486.

⁷ ЦДГА у С.-Пеіярбурзе. Ф. 379, воп. 3, спр. 886, арк. 6.

⁸ Богданович М. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 97—98.

⁹ Гл.: ЦДГА у С.-Пецяярбурзе. Ф. 1341, воп. 9, спр. 1861, арк. 2—8.

¹⁰ ЦДАСА у Маскве. Ф. 16, спр. 898, арк. 63—64; Ф. 248, воп. 64, спр. 5639, арк. 82.

¹¹ ЦДГА РБ у Мінску. Ф. 333, воп. 1, спр. 85, арк. 4.

¹² ПСЗ-1. Т. XXX. № 23475.

¹³ Гл.: ЦДГА РБ у Мінску. Ф. 1297, воп. 1, спр. 1222.

¹⁴ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. 2. С. 343—344.

¹⁵ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 103.

¹⁶ Гл.: ЦДГА у С.-Пецяярбурзе. Ф. 379, воп. 1, спр. 92, арк. 179—190; Н е у п о к о е в В. И. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г. Таллин, 1971. Приложения, табл. IV, V, VII.

Е. Г. КОЛЬ

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ ВЕДУЩИХ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ ФРАНЦИИ 80-Х гг.

В 70-е гг. по мере того, как под воздействием нового этапа НТР становилась все более очевидной тормозящая роль утвердившейся в послевоенное время в большинстве западных стран дирижистской модели регулирования, в массовом сознании Запада происходила ломка многих стереотипов, сформировавшихся под влиянием этатистской политики. В этих условиях политическое будущее как правых, так и левых партий во многом зависело от их способности разработать достаточно убедительную и реалистическую программу развития с учетом происходящих в обществе перемен. Решение этой задачи ставило многие «традиционные партии» перед необходимостью серьезного пересмотра их идеологических построений, требовало приведения партийных доктрин в соответствие с меняющимися реалиями.

Для ведущих буржуазных партий Франции (ОПР и СФД) проблема идеологического обновления была особенно актуальной. В отличие от большинства европейских стран во Франции проведение дирижистской политики было связано с деятельностью не левых, а правых партий, неизменно стоящих у власти с 1958 г. Поражение правых сил на выборах 1981 г. показало, что ОПР и СФД утратили то идейное и политическое преобладание, которое было свойственно буржуазным партиям с момента создания V Республики. В условиях традиционно сильного во Франции идеологического противостояния правых и левых сил модифицированная идеология была призвана восстановить доверие избирателей к правым партиям, закрепить за ними образ политической силы, единственно символизирующей обновление, процветание, прогресс.

Вслед за буржуазными партиями других развитых стран французские правые в поисках теоретической основы обновленной идеологии обращаются к теории экономического либерализма. Неолиберальные идеи, провозглашающие возврат к регулирующей силе рынка, к духу соревновательности и личной инициативы, получали на Западе растущее признание со стороны интеллектуальной и политической мысли по мере успехов правительств, положивших неолиберальные рецепты в основу своей антикризисной политики. Однако во Франции буржуазные партии позже, чем в других странах, обращаются к неолиберализму. Только оказавшись в положении оппозиции, когда политика перестала оказывать сильное давление на теоретическую мысль, ОПР и СФД приступили к пересмотру доктрин голлизма и жискардизма, сохранившихся в основе их программных документов вплоть до выборов 1981 г. На более позднее начало идеологического обновления правых партий оказало влияние и то, что массовое сознание Франции медленнее, чем в других странах, эволюционировало в сторону принятия неолиберальных ценностей. Наметившийся на рубеже 70—80-х годов поворот в этом направлении усилился только в 80-е годы по мере неудач политики «социалистического эксперимента», проводимой правительством левых сил в 1981—1982 гг. В 1985 г. 59 % французов считали, что либеральная политика сможет восстановить экономический рост, 48 — сократить безработицу, 45 % — увеличить покупательную способность¹. В том же направлении изменялись и представления основной массы членов и активистов ОПР и СФД. Проведенный в 1984 г. опрос делегатов съезда ОПР показал, что 84,5 % из них не одобряли регулирующей роли государства, 80 % высказывались за денационализацию предприятий, перешедших в руки государства после 1981 г., и только 15 % продолжали настаивать на необходимости решения проблемы социального нера-

венства². Эти перемены в настроениях членской базы позволили руководству ОПР в ходе обновления идеологии голлистского движения отойти от ряда основополагающих идей голлизма, не вызывая внутреннего кризиса в партии. Для СФД переход к неолиберализму был еще более легким делом, поскольку входящие в его состав партии традиционно высказывались в пользу рыночной экономики и среди членов союза практически не было сторонников дирижистских методов³.

Переход к неолиберализму был сопряжен для ОПР и СФД с трудностями иного рода. В теоретической мысли послевоенной Франции этатистские представления заняли доминирующее положение. Отсутствие развитой интеллектуальной традиции, на которую мог бы опереться неолиберализм, привело к тому, что теоретические разработки французских правых получили сильный отпечаток заимствованных идей неоконсервативных теоретиков англосаксонской школы⁴.

Вслед за буржуазными партиями других стран ОПР и СФД ставили под сомнение центральный компонент послевоенного реформизма — активную роль государства в процессе социально-экономического развития. Приводя многочисленные примеры неэффективности государственного вмешательства в экономику, ОПР и СФД настойчиво проводили мысль о том, что наилучшей формой организации экономической жизни является свободное рыночное хозяйство, избавленное от различного рода регламентаций, сдерживающих частнопредпринимательскую инициативу. ОПР и СФД принимали общую для всех неолиберальных сил теоретическую схему обеспечения динамичного экономического роста: расширение конкурентного сектора путем приватизации, ликвидации административных регламентаций в сфере производства, обмена и трудовых отношений, ослабление налогового пресса. В комплексе эти меры были призваны обеспечить рост предпринимательской активности, увеличение производственных инвестиций, модернизацию производства, гибкую приспособляемость предприятий к конъюнктуре рынка.

В основу социальных проектов ОПР и СФД был положен неолиберальный тезис, согласно которому рост жизненного уровня широких слоев населения должен достигаться не путем перераспределения доходов, а происходить на основе общего роста богатства нации в результате ускоренного экономического роста. Обе партии считали неприемлемым продолжение государственной политики выравнивания доходов и полной занятости, связывая с ее проведением падение предпринимательской активности и высокий уровень инфляции. ОПР и СФД высказывались за сокращение социальных расходов государства, требовали ограничения или даже ликвидации систем коллективной социальной защиты, порождающих, по их мнению, социальное иждивенчество и безответственность. Резкой критике французские правые подвергли профсоюзы, обвиняя их в корпоративном эгоизме, и противопоставили практике заключения коллективных договоров возврат к «контрактной политике» на уровне отдельных предприятий. Особенное место в социальных проектах ОПР и СФД отводилось идее «участия», понимаемой как создание системы «народного акционерства» и расширение представительства персонала в советах предприятий. Эти меры были рассчитаны на большую интегрированность широких слоев населения страны в существующую систему и снятие таким образом причин социальных конфликтов. Одновременно предлагаемые меры преследовали цель лишить левые партии их социальной базы, максимально ослабить профсоюзы, шире внедрять индивидуалистические нравственные ценности.

Одновременно с требованием ухода государства из социально-экономической сферы ОПР и СФД высказывались за усиление его репрессивных функций во внутривнутриполитической жизни. Обвиняя левых в том, что они своей политикой вызвали рост преступности, обе правые партии высказывались за увеличение штата полиции, расширение полномочий полицейских, требовали ужесточения законодательства, применения судьями верхних пределов наказаний. Особое место занимал вопрос об иммигрантах, приобретший для традиционных правых особую актуальность по мере роста популярности Национального фронта Ж.-М. Ле Пена. Не поддерживая требований лепенистов о высылке всех иммигрантов за пределы страны, ОПР и СФД в то же время считали их причастными к росту преступности и безработицы, утверждали, что иммигранты представляют угрозу национальному «тождеству» Франции.

Общность подходов, безусловно, не означала отсутствия расхождений в идеологических построениях французских правых. Однако теперь речь шла уже не о противостоянии в среде правых двух концепций развития, а о различных

модификациях одной — неолиберальной — модели. Расхождения касались прежде всего темпов и масштабов преобразований. Идеологию ОНР отличало стремление к быстрому и решительному разрыву с политикой послевоенного времени. Голлистская партия выступала за авторитарные методы преобразований, отстаивала жесткую позицию по отношению к профсоюзам, демонстрировала неприятие всего, что было связано с левыми силами. Одновременно ОНР широко пропагандировала такие ценности, как семья, родина, порядок, ответственность и др. Такая позиция партии обуславливалась стремлением ее лидера Ж. Ширака превратить ОНР в центр притяжения всего правого электората. Сочетание в идеологии ОНР модернистских и консервативных требований и было рассчитано на привлечение к голлистскому движению как центристских избирателей СФД, так и праворадикального электората Национального фронта.

Позицию СФД однозначно определить трудно, поскольку входящие в его состав партии никогда полностью не растворялись в рамках единой организации, осуществляя самостоятельный теоретический поиск. Тем не менее СФД не был идеологически расколотой партией. Неолиберальные идеи получили здесь широкое распространение, хотя степень приверженности его лидеров неолиберализму была различной. Сходный с предложениями ОНР радикальный вариант реформаторской политики выдвигала группа молодых политиков Республиканской партии, объединившихся вокруг ее генерального секретаря Ф. Леотара. Однако члены группы Леотара сохраняли верность «культурному либерализму», не принимая авторитарных лозунгов голлистов. Одновременно многие деятели СФД, в том числе и признанные лидеры союза Р. Барр и В. Жискард д'Эстен, не разделяли стремления радикалов покончить с любыми формами государственного регулирования, считая необходимым сохранить известную преемственность с реформистской политикой послевоенного времени, прежде всего в социальной сфере. Умеренные политики СФД, соглашаясь с необходимостью либеральных перемен, считали необходимым проводить преобразования постепенно, не нарушая макроэкономического равновесия и не вызывая напряженности в социальной сфере.

В целом в первой половине 80-х гг. в среде традиционных правых обозначились два течения, различающихся подходами к преобразованию общества на основе неолиберальной программы и не совпадающих полностью с какой-либо из партий правой оппозиции. Радикальное течение ограничилось принятием англосаксонской модели неолиберальной политики, апробированной правительствами Р. Рейгана и М. Тетчер, но недостаточно учитывающей французскую специфику. Сторонники умеренно-либерального течения склонялись к синтезу либерализма и реформизма по образцу «социального рыночного хозяйства».

Накануне парламентских выборов 1986 г. было очевидно, что ОНР и СФД использовали свое пребывание в оппозиции для серьезного пересмотра партийных доктрин. Обе партии отказались от этатистских представлений послевоенного времени, положив в основу партийных идеологий неолиберальные тезисы. Этот неоконсервативный поворот делал правый лагерь более однородным, и оформившийся в первой половине 80-х гг. союз ОНР и СФД «впервые с 1976 г. был не только электоральным»⁵. Идеологическое обновление было одной из причин нарастающего политического влияния буржуазных партий на протяжении первой половины 80-х гг. Правая оппозиция одержала победу на кантональных (1982 г.) и муниципальных (1983 г.) выборах, на выборах в Европарламент (1984 г.). Победа на парламентских выборах 1986 г. открыла перед правоцентристской коалицией ОНР—СФД возможность практической реализации разработанной ими программы неолиберальных преобразований. В случае успеха у буржуазных партий появлялся шанс еще более упрочить то политическое и идейное влияние, которое они приобрели за годы оппозиции. В этих условиях очень многое зависело от политического умения буржуазных государственных деятелей. Выборы 1988 г. показали, что большинство французов не приняло праворадикальный вариант неолиберальной политики правительства Ж. Ширака. В результате правые партии Франции вновь оказались в положении оппозиции, несмотря на то, что неолиберальная идеология продолжает оставаться доминирующей во французском обществе.

¹ См.: Casanova J.-C. // Express. 1985. № 1770. P. 15.

² См.: Brechon P., Derville J., Lecompte P. // Revue politique et parlementaire. 1987. An. 89. № 927. P. 27, 28.

³ См.: Y s m a l C. // Ibid. P. 30.

⁴ См.: Portelli H. // Ibid. 1988. An. 90. № 935. P. 25.

⁵ Y s m a l C. Les partis politiques sous la V Republique. Paris, 1989. P. 132.

М. С. КОРЗУН

ПРАВОСЛАВНО-СОЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА И «СЕНТЕНЦИЯ» Е. И. ПУГАЧЕВУ

В летопись крестьянского движения, руководимого Е. И. Пугачевым, за более чем 200-летнюю историю внесли вклад многие маститые историки. Свою лепту внес в нее не только великий А. С. Пушкин, но и мало кому известный священник Д. Бобровский, который в 1878 г. опубликовал найденное им «Увещание» вятского епископа Варфоломея. История Крестьянской войны 1773—1775 гг. и сегодня не перестает привлекать внимание исследователей.

Эта гражданская война, если называть ее современным термином, выдвинула на первый план самый насущный вопрос — отмену крепостного права, которого объективно требовало экономическое развитие России. Однако такого взгляда придерживаются не все историки. Одни считают, что к 60-м гг. XVIII в. капиталистические элементы в промышленности и на транспорте приобрели базисное значение, в буржуазном направлении эволюционировало и сельское хозяйство. Другие отмечают лишь зачатки капиталистического уклада. В любом случае с изменением экономических отношений изменялось и общественное сознание.

Формировавшаяся идеология Крестьянской войны противостояла идеологии «просвещенного абсолютизма», которая оправдывала феодальные порядки. Хотя буржуазные производственные отношения расширяли социальную свободу человека по сравнению с крепостничеством, но одновременно они увеличивали норму эксплуатации экономическими методами. При этом сохранялась и феодально-крепостническая эксплуатация в виде закрепощения государством части наемных рабочих, приписки крестьян к предприятиям. Все это вызвало необходимость усиления религиозно-психологического воздействия на верующих. Учитывая реалии российской действительности, Екатерина II допускала известную веротерпимость, но только под эгидой православия. Религиозное освящение деятельности властей уже не могло обходиться методами статьи Уложения 1649 г., которая предусматривала сожжение богохульника.

Государственное православие и церковь стали одним из важнейших элементов идеологии «просвещенного абсолютизма». В данной статье характеризуется государственно-православная социальная доктрина в узком значении — как религиозное освящение абсолютизма Екатерины II. Она основана на православии как особой ветви христианства, но не тождественна религии.

Учитель наследника престола Павла I, московский митрополит Платон (П. Е. Левшин, 1737—1812) осознавал разницу между защитой никонианского, официального, православия от нехристианских религий и освящением власти царя. Об этом достаточно убедительно говорит даже название его труда, опубликованного перед Крестьянской войной: «Православное учение или сокращенная христианская богословия для употребления его императорского высочества пресветлаго всероссийскаго наследника благовернаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича» (Спб., 1765). Наш вывод подтверждается также и названием книги Иеронима Бигнона в переводе ключаря Большого Успенского собора Петра Алексеева: «Истинное благочестие христианское доказано против безбожников, язычников, жидов и магометан» (М., 1768). Посвящение книги Екатерине II П. Алексеевым — это панегирик императрице: «Вашему Императорскому Величеству, истиннаго божества истинной наместнице... Бога человекам невозможно видити, но живой образ Божий на земли в Тебе, Великая Екатерина!» Казанский архиепископ Вениамин по-своему интерпретировал новозаветный постулат о том, что «существующие власти от бога установлены» (Римл., 13, 1). Увещание архиепископа было получено в Оренбурге 7 апреля 1774 г.: «И потому нанесенныя царю, яко Господню помазаннику, обиды, от самого бога учредившаго власть сию на земли, вместо себе, наказываемы бывают яко собственные его лицу причиненные»¹. Российские богословы обожествили Екатерину II почти так же, как католики папу римского — викария Иисуса Христа,

преемника апостола Петра. Не случайно наличие епиклесы «матерь отчества» в манифестах Екатерины II, в текстах П. Алексеева, Вениамина, поэта Державина. Если папа — «отец», то Екатерина — «матерь». Синод и в Увещании от 4 апреля 1774 г. отказался от безличной, отвлеченной формулировки апостола Павла, истолковываемой как всякая власть от бога. Христианский бог, в толковании Синода, будто бы принял самое непосредственное участие в становлении абсолютизма Екатерины II: «Бог избрал государыню нашу на российский престол... Бог... венчая на царство при священнейшем помазании, низпослал в душу ея божественныя силы»². Все эти утверждения, не являющиеся вероучением Нового завета и поэтому не имеющие прямого отношения к православию, понадобились Екатерине, Вениамину, Синоду для того, чтобы доказать, что Е. И. Пугачев, присвоив себе титул императора Петра III, выступил против самого бога. Если Екатерина и архиереи церкви ранее обвиняли Пугачева в расколе, то в манифесте от 23 октября 1773 г. этого обвинения оказалось уже недостаточно. Е. И. Пугачев и его мятежники — безбожники. Он вступил в союз с магометанами и иноверцами, ненавидящими Христа.

Увещания обращены к православным, к тем, кто находился в лагере Е. И. Пугачева и кто мог примкнуть к восстанию. Увещания требовали именно от православных исполнить долг присяги Екатерине II.

Если митрополит Платон, архиепископ Вениамин, Синод включили ветхо- и новозаветные положения в тексты своих увещаний в качестве целостной аргументации, то составители «Сентенции», приговора Пугачеву, этого не достигли. «Сентенция» — костюм, сшитый из двух разноцветных тканей: одна ткань — «божеские», другая — гражданские законы. И те и другие цитируются независимо друг от друга, сами по себе, но вывод, приговор, у них общий. Они предписывают одно наказание Е. И. Пугачеву — смерть.

Интерпретация христианских положений в духе обожевления власти Екатерины II привела и к прямому искажению новозаветного текста в «Сентенции»: «Всяк иже себе царя творяй, противится богу» (Иоан, 19, 12)³. Попытка доказать подмену слова «цесарю» в подлинном тексте словом «богу» в Сентенции как другой вариант текста не увенчалась успехом. В тексте переводов, изданных в 1764, 1766 гг. в Москве, в 1773 г. в Киеве повелением императрицы и Синода, как и в издании 1897 г., везде написано: «всяк иже царя себе творит противится цесарю»⁴. В синодальном издании 1834 г. на древнегреческом языке употреблено то же слово *to kaisari* — «цесарю»⁵. Штуттгартское издание 1937 г. снабжено вариантами разночтений. Но это слово однозначно⁶. Контекст диалога Пилата с иудеями требует слова «цесарю». Иудеи потребовали смерти Иисуса, «потому что (он — М. К.) сделал себя Сыном Божиим (Иоан, 19, 7)⁷. Пилат, не получив ответа Иисуса на вопрос «откуда Ты?», заявил: «...я имею власть распять Тебя, и власть имею отпустить Тебя» (19, 10). Иисус ответил: «Ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе» (19, 11). Пилат искал возможность отпустить Иисуса. Иудеи нашли способ лишить Пилата выхода: «Если отпустишь Его, ты не друг цесарю» (19, 12). От обвинения Иисуса в том, что он «сделал себя Сыном Божиим» иудеи перешли к утверждению, что он сделал себя царем: «Нет у нас царя, кроме цесаря» (19, 14), — отвечали первосвященники Пилату. Признание другого царя было бы изменой римскому императору, прокуратором которого в Иудее был Пилат.

Пилат и иудеи, требовавшие казни Иисуса, вели диалог с позиций противоположных систем религиозного мышления. Пилат придерживался римского многобожия. Римляне свободно включали в свой пантеон нового бога при условии почитания цесаря, которое стало внедряться уже при Октавиане Августе. В Иудее шел процесс складывания талмудического иудаизма, в котором господствовал культ единого бога Ягве, исключаяющий других богов. Проповедь Иисуса противоречила вероучению фарисеев. Для римлян же новый сын божий не опасен при условии почитания цесаря. К тому же он утверждает: «Отдавайте цесарево цесарю, а Божие Богу» (Матф. 22, 21).

Аналогично несовпадение понятий «греха» и «преступления» в Ветхом завете. Религиозное понятие употреблено в Сентенции, социальное — в новом переводе, вероятно, точнее отражающем понятие оригинала. Составители приговора цитируют Второзаконие (24, 16), подчеркивая, что отцы и дети не ответственны друг за друга. Повстанцы же убивали и дворянских детей. Обвинители Пугачева опустили противоположное положение того же Второзакония (5, 9): «Не поклоняйся им и не служи им; ибо я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за

вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих меня»⁸. Служение другим богам ставилось в вину еще Иисусу Христу, за что первосвященник призывал Пилата распять его.

Всех, кто ненавидит бога избранного народа, автор Второзакония предписывает изгнать. Изгнать семь народов (7, 1): «И поступайте с ними так: жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов (богов) их сожгите огнем» (Втор. 7, 5). Владимир, вводя христианство, сокрушил Перуна. В условиях гражданской (по современной терминологии) войны архиепископ Вениамин, императрица и Синод согласованно объясняли безбожие Пугачева тем, что он вступил в союз с иноверцами. Вениамин их перечислил: «душепагубные... иноплеменников шайки татар, говорю, чуваш, черемис, вотяков, калмык и башкирцов»⁹.

Правительственный и повстанческий лагеря разделились по принципу, провозглашенному Иисусом (Матф. 12): «Кто не со мною, тот против Меня». Непримиримость к иноверцам противостоит другой его проповеди: «Любите врагов ваших» (Матф. 5, 44).

Сословно-классовая борьба в рабовладельческой Римской империи отразилась в иисусовой проповеди, а в Иудее — во Второзаконии. Гражданская война в абсолютистской Российской империи, жестокость которой описал и Вениамин, нуждалась в освящении. Это освящение по-прежнему сохраняло не только внутрехристианские, но и внутриправославные противоречия, разделяя верующих на никониан и старообрядцев. Союз православных с приверженцами других религий объявлялся безбожным, повстанцев делили по религиозным признакам. Абсолютистское государство оказалось не в состоянии регулировать социально-классовые отношения.

¹ ЦГИА. Ф. 796, оп. 205, д. 72, л. 2 об.

² Там же. Л. 8.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Т. 20. № 14233; Пущин А. С. Соч. в 10 т. М., 1940. Т. 9. Ч. 2.

⁴ См.: Четвероевангелие. М., 1764; Библия, сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 1766; Четвероевангелие. Киев, 1773.

⁵ Novum testamentum graece. Mosquae, 1834.

⁶ Novum testamentum graece et latine. Stuttgart, 1937.

⁷ Здесь и в других местах цитируется: Новый завет. Спб., 1897.

⁸ Сноски даются по изданию: Библия или книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и указателями церковных чтений. М., 1956.

⁹ ЦГИА. Ф. 796, оп. 205, д. 72, л. 2 об.

М. Г. ЖАРКОВ

СТОИТ ЛИ ИДЕАЛИЗИРОВАТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ?

В последние годы стало модно идеализировать прошлое, особенно дореволюционное. Как тут не вспомнить слова американского политического деятеля прошлого века Х. Грили: «Заблуждение, что прошлое лучше настоящего, по-видимому, было распространено во все эпохи». Многие средства массовой информации сегодня бездоказательно твердят о цветущем состоянии пореформенной России, о благоденствии ее жителей. И что в России, особенно в годы проведения столыпинской аграрной реформы, был такой избыток хлеба (не в пример советским колхозам), что страна «обрушила на Европу горы хлеба, Россия купалась в хлебах!» и конкурировала с Америкой. А так ли это было на самом деле?

Знаток жизни русского пореформенного крестьянства А. Н. Энгельгардт, описывая быт крестьян Смоленской губернии в период с 1872 по 1887 г., отмечал: «В нашей губернии и в урожайные годы у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в «кусочки», побираться по миру». В деревнях, по свидетельству Энгельгардта, ели в ту пору «пушной хлеб», т. е. хлеб, изготовленный из смеси ржи с мякиной. Широкая крестьянская масса, добавлял он, хлеба не продавала, поскольку у мужика не только нет лишнего хлеба на продажу, но и для себя не хватает¹.

По урожайности основных сельскохозяйственных культур николаевская Россия занимала одно из последних мест в мире. С посевной десятины в начале XX в. Россия получала около 40 пудов разного хлеба, в то время как Германия и Франция — 63, Швеция — 75, Дания — 93, Голландия — 102, Англия — 112, Бельгия — 116. Средний урожай пшеницы у нас составлял 28 пудов, во Франции — 70, в Германии — 77, в Голландии и Бельгии — 111, в Англии — 124, в Дании — 179. Овса в царской России собирали в среднем с десятины 29 пудов, во Франции — 61, в Германии — 71, в Голландии — 117, в Бельгии — 125. На душу населения в России производилось 26 пудов зерна, в то время как в США и Канаде соответственно 48 и 73. Годовой надой от коровы составлял около тысячи литров.

За год до первой мировой войны в Германии был получен урожай сахарной свеклы, исчислившийся в 54 млн т, а в России — только 34,6 млн т. Даже основного после хлеба продукта — картофеля — Россия произвела в 1913 г. всего по 210 кг на душу населения, в то время как Германия — 814 кг, Австрия — 439, Франция — 320².

Низкая производительность крестьянского труда была следствием отсталой системы земледелия и агротехники вообще. 70 % полей крестьянин засеивал вручную, обрабатывал сохой-ковырялкой или допотопным сабаном, примерно половину убирал серпом и обмолачивал цепами. В разгар столыпинской аграрной реформы в сельском хозяйстве почти не было тракторов, электроплугов и других новинок техники; минеральные удобрения применялись на 2 % посевных площадей. Сельскохозяйственные машины имели лишь товарные помещичьи и крепкие крестьянские хозяйства. Крестьянину нелегко было купить даже косу из-за ее дороговизны. И это не удивительно, ибо во всей огромной стране было только одно предприятие по производству кос, которое удовлетворяло только 15 % спроса³.

На трудоспособность населения негативно влияли также скудное медицинское обслуживание (к примеру, в 1910 г. в западных губерниях на 10 тыс. населения едва приходилось по одному врачу) и его следствие — массовые инфекционные заболевания, недостаток образования и общего развития. На тысячу населения приходилось учащихся всего 36 человек, вчетверо меньше, чем во Франции и в 6 раз меньше, чем в США. Три четверти взрослого населения было неграмотным.

Безземелье, малоземелье, низкая урожайность, примитивная агротехника и т. п. факторы экономического быта крестьянской массы вызывали периодические, 3—4 раза в десятилетие, недороды или полные неурожаи. А неурожай влекли за собой голод миллионов людей.

О трагедии сельского населения, доведенного голодом до последней степени отчаяния, писал земский врач, а позже депутат II—IV Государственных дум и Учредительного собрания, член ЦК кадетской партии, министр Временного правительства А. И. Шингарев в книге «Вымирающая деревня» (Спб., 1907).

Голод 1898 и 1911—1912 гг. в России описан в книге А. С. Панкратова «Без хлеба» (М., 1913). Пламя голода охватило тогда огромные территории губерний Поволжья. Чтобы не погибнуть, люди собирали лебеду и другие травы. «Хлебом» этих несчастных служила «смесь земли, какого-то пепла, мякины и отрубей». «Иногда, — замечает Панкратов, — из него торчали хвостики отрубей и серый слой простой грязи»⁴.

О голоде 1898 г. и его последствиях писал А. С. Пругавин, секретарь Самарской губернской земской управы в книге «Голодающее крестьянство» (М., 1906). Вывод из его долгих наблюдений и размышлений однозначно мрачный: «деревня давно уже разорена... крестьянство с каждым годом нищает все более и более. Измельчавшие до последней степени земельные наделы давно уже не в состоянии обеспечить мужику даже того минимума количества хлеба, которое необходимо для прокормления его семьи до нового урожая. По этой причине голодовки становятся все чаще и чаще, поражая крестьянство то в одном, то в другом месте»⁵.

Россия была страной массовой нехватки хлеба для народа. Голод в деревнях, голод в рабочих районах. Сатирический журнал тех времен «Вич», выходящий в Томске, опубликовал парафраз известных некрасовских строк:

Выдь на Волгу! Чей стон раздается,
Как предвестник грядущей беды?
Этот вопль у нас бунтом зовется,
То голодные просят еды»⁶.

Недороды и голод и неизменные их спутники — эпидемии и хронические болезни приносили трудящимся не только физические и нравственные мучения и разорение, но и прямое вымирание. Редкий год не вымирали от голода целые губернии. По смертности Российская империя занимала первое место в Европе. Ежегодно из тысячи человек умирало 35 — на 10 больше, чем в Германии, на 15 больше, чем во Франции, на 16 — чем в Англии и на 20 больше, чем в Норвегии. Недоедание и нищета обрекали множество людей на преждевременную смерть.

Низкий жизненный уровень основной массы крестьянства определял и его быт. Сейчас даже трудно представить, какой бедной и убогой была обстановка крестьянской избы в прошлом. А. И. Шингарев, исследовавший в начале века жизнь крестьян Воронежской губернии, писал в упомянутой книге: «Собственно кроватей в избах почти нигде нет и только у двух домохозяев Животинного (один плотник, другой каменщик) имеются деревянные кровати... Постельными принадлежностями обычно служат дерюжка, верхняя одежда, солома»⁷. Жилищем Тульскому крестьянину служила обычно 8—9 аршинная изба, высотой не более сажени. «Спят в два этажа — на лавках, нарах и печи. Полы почти всегда земляные, так как в холода в избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова... Бань почти нет. Моются крестьяне в избах, в печах, размазывая грязь по телу с помощью небольшого количества теплой воды, и почти всегда без мыла... Чесотка и другие кожные болезни распространены в ужасающих размерах»⁸.

Конечно, были в деревнях и богатые крестьяне. Тем жилось неплохо. Однако послушаем опять Энгельгардта: «Если кто-нибудь, незнакомый с мужиком и деревней, вдруг будет перенесен из Петербурга в избу крестьянина... и не то, чтобы в избу средственного крестьянина, а даже в избу «богача», то он будет поражен всей обстановкой и придет в ужас от бедственного положения этого «богача». Темная, с закоптелыми стенами (потому что светится лучиной) изба. Тяжелый воздух, потому что печь закрыта рано и в ней стоит варено, серые щи с салом и крупник, либо картошка. Под нарами у печки телянок, ягнята, поросенок, от которых идет дух. Дети в грязных рубашонках, босиком, без штанов, смрадная люлька на зыбке, полное отсутствие какого-либо комфорта...»⁹. Известный писатель Глеб Успенский качество жизни зажиточных крестьян рассматривал несколько с иной стороны. Он отмечал, что эти крестьяне живут хорошо, дом у них — полная чаша, всего хватает. Но какой ценой это достигалось? Ценой бесконечной тяжелой работы, не видя белого света. Это был «вековечный труд — труд для одежды, «обужи», чтобы, приобретя то и другое, приобрести в конце концов и кусок хлеба, а при его помощи опять же биться из-за одежды и из-за «обужи», и так жить до конца дней»¹⁰. Дворянин, белогвардеец, эмигрант Дм. Мейснер в воспоминаниях о деревне своего детства рассказывал, что рядом с беднотой в деревнях были другие крестьяне. Они жили в «прочном срубленных, просторных, но плохо убранных, часто грязных, загроможденных многочисленной семьей избах». То были крестьяне хваткие, работающие, но холодные и часто бездушные, знавшие одно — стремление к наживе. «Ради этого часто неустроенно жила семья, через силу работали бабы и молодежь, надрывались в непосильном труде недоедавшие работники»¹¹.

Так было во всех регионах и губерниях Российского государства, в том числе и на белорусской земле. О нищем, бесправном белорусском крестьянине писали М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас¹² и другие выдающиеся деятели белорусской культуры.

О бедности и голоде как массовых явлениях сообщалось даже в официальных органах печати. Так, газеты «Минское слово» и «Северо-западный голос» писали, что беднейшие крестьяне едят хлеб из суррогатов, питаются мякиной, гнилой картошкой. Дети многих из них не имели даже одежды, чтобы посещать школу, от холода укрывались кое-каким тряпьем.

Общеизвестно, что важнейшей причиной трех российских революций был аграрно-крестьянский вопрос, его нерешенность.

Последняя серьезная попытка укрепить старый режим была предпринята П. А. Столыпиным — сильным, умным, властным государственным деятелем, крупным реформатором. Своей аграрной реформой он стремился расширить условия для утверждения аграрного капитализма и укрепления социальной опоры самодержавного строя. Благодаря его усилиям были достигнуты заметные успехи: возросли посевные площади, более чем на треть увеличился экспорт зерна; удвоилось количество применяемых минеральных удобрений; увеличи-

лось использование сельскохозяйственных машин. Но в конечном результате планы тогдашнего председателя Совета министров окончились неудачей. По другому не могло и быть, поскольку Столыпин хотел наделить землей одних крестьян за счет других и прежде всего — сохранить помещичье землевладение. Материальное положение широкой крестьянской массы, как и прежде, оставалось отчаянным, прожиточный минимум крестьянской семьи был самым низким в Европе. А в 1911 г., т. е. в разгар столыпинской реформы, разразился очередной неурожай, охвативший 20 губерний европейской России. Голодало и нуждалось в продовольственной помощи 30 млн человек. Бедствия голода продолжались до конца династии Романовых. По признанию А. Н. Наумова, бывшего в 1915—16 гг. министром земледелия, «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны»¹³. Экспорт зерновых и другой продукции осуществлялся не от избытка, изобилия сельскохозяйственной продукции, а за счет недоедания, ухудшения положения народных масс. Действовал принцип: «Недоедим, но продадим!», поскольку экспорт зерна был основным источником поступления валюты. Поэтому сила крестьянского движения не ослабла. В 1908 г. произошло 2008, 1909—2420 и в 1910—6261 крестьянское выступление.

Таково было положение в деревне. А в городе?

Жизнь рабочих фабрик и заводов регламентировалась безжалостными законами начального периода капитализма. Отсутствовали охрана труда и социальные гарантии; рабочий день взрослых мужчин составлял 10 часов; заработная плата была гораздо ниже, чем в развитых европейских странах. Многие проживали в квартирах т. н. коечно-каморочного типа, грязных, тесных, сырых. Средняя продолжительность жизни российского рабочего составляла 40 лет.

Несмотря на заметный подъем экономики в предвоенный период, Россия оставалась страной со средним уровнем промышленного развития, технологически отставшей от стран «первого эшелона». В 1900 г. царская Россия производила на душу населения чугуна в 8 раз меньше Соединенных Штатов Америки, в 6 раз меньше Германии, в 3 раза меньше Франции. Через 13 лет это отставание стало еще более внушительным и безнадежным: до 12,5 раза по сравнению с США и Германией и до 8,3 раза по сравнению с Францией. По объему промышленного производства на душу населения Россия отставала от США в 14 раз, от Англии в 14, от Германии в 13 раз, т. е. отставание императорской России от капиталистической Европы и США было стабильным. Об этом с тревогой говорили и писали представители делового, политического и научного мира царской империи, они считали нереальной задачу ликвидации экономического отставания России от Запада. Приведу только два свидетельства. Первое принадлежит известному текстильному фабриканту А. И. Коновалову, второе — члену Государственного Совета, профессору И. Х. Озерову. Коновалов говорил в Думе 10 мая 1913 г.: «При таком нашем медленном поступательном движении наши мировые конкуренты могут оставаться совершенно спокойными: превосходство над Россией им обеспечено»¹⁴. Вследствие черепашьяго шага, полагал Озеров, мы проиграли войну Японии и потерпели экономическое поражение от Германии. «Нельзя мириться с тем, — писал он в 1909 г., — что население у нас пьет воду горстью, а не ковшом, обуваётся в лыко, а не в кожу, ездит на неподкованной лошади, и потому объезжает шоссе. На просвещение правительство тратит в год 19 коп. на человека, а на здравоохранение — 5 коп.»¹⁵. Современный итальянский историк Дж. Боффа тоже считает, что, несмотря на значительный экономический рост, царская Россия была не в состоянии наверстать отставание от главных держав Запада. Больше того: «отставание российской экономики от экономики большинства европейских стран скорее увеличивалось, чем сокращалось. С конца XIX в. Россия перемещается на последнее место среди стран Европейского континента. Она оставалась аграрно-индустриальной страной»¹⁶.

В мировую войну 1914—1918 гг. Россия вступила неподготовленной ни в экономическом, ни в военно-стратегическом отношении. И уже начало войны для русской армии ознаменовалось тяжелым поражением в Восточной Пруссии, где вся армия Самсонова в составе 7 корпусов и 3 кавалерийских дивизий погибла в болотах. Фронт ощущал недостаток в пулеметах, орудиях и даже в винтовках и патронах. У союзников закупались топоры, кирки, конская сбруя, мешки.

Плохое оснащение русской армии, прежде всего огневыми средствами, привело к огромным людским потерям. По признанию одного из командующих армиями, «...с онемевшей артиллерией и пехотой наша армия тонет в собственной крови»¹⁷.

Военные поражения на фронтах мировой войны все больше ставили Россию в зависимое положение от союзников. Страна, если не формально, то фактически утратила положение великой державы. Как писал французский посол М. Палелог, «в мировую войну царская Россия явилась для Франции поставщиком пушечного мяса, чем-то вроде гигантского Сенегала, который должен был доставлять Франции уже не десятки тысяч, а многие миллионы не черных, а белых рабов»¹⁸.

Примечательно, что даже убежденный монархист генерал А. И. Деникин пришел к выводу, что самодержавно-бюрократический режим оказался для России анахронизмом.

Таким образом, утверждения некоторых современных ученых и публицистов о цветущем состоянии экономики пореформенной России и благополучии ее трудового люда — всего-навсего далекая от действительности легенда.

¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. Спб., 1897. С. 77, 101, 495.

² См.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 465, 466.

³ См.: Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. Иерусалим, 1987. С. 12.

⁴ Панкратов А. С. Без хлеба. М., 1913. С. 27.

⁵ Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. М., 1906. С. 210.

⁶ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978. С. 102.

⁷ Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Спб., 1907. С. 49, 50.

⁸ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1908. С. 70.

⁹ Энгельгардт А. Н. Указ. соч. С. 505, 506.

¹⁰ Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 10. Кн. 1: Очерки и рассказы. М., 1953. С. 136.

¹¹ Мейснер Д. м. Миражи и действительность. М., 1966, С. 9, 10.

¹² Колас Я. Избранное. М., 1983. С. 24.

¹³ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 289.

¹⁴ Новое время. 1977. № 24. С. 20.

¹⁵ Озеров И. Обратная сторона нашего бюджета. М., 1909. С. 37, 42, 141.

¹⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 17.

¹⁷ Палелог М. Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 250.

¹⁸ Там же. С. 229.

А. И. ЛОЙКО

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ И ТЕХНИЧЕСКИЙ МИР

В данной статье человек рассматривается в двух исторических измерениях его ценностного бытия — как индивид и как родовое существо. Поэтому целесообразно предварительно обозначить смысл, вкладываемый автором в понятие «человек культуры» и «технический мир».

По нашему мнению, понятие «культура» слишком многозначно, чтобы его можно было применять без дополнительных уточнений. В статье речь пойдет о функции культуры как культа¹. Последний имел несколько исторических форм выражения, начиная с ритуала жертвоприношения и заканчивая религиозной, национальной, вселенской и другими идеями. Культ — это состояние человека, когда он готов жертвовать индивидуальным ради коллективного, «общественного». «Человек культуры» не может существовать без идеи — цели как определенного образа деятельности, основанного на борьбе, жертвенности. Ценность коллективного бытия как объединенного целью сообщества делает индивидуальный мир пронизанным мыслями «об общем», о той или иной форме «родственности» людей, создает своеобразный духовный комплекс как специальный институт. Через последний устанавливается иерархия оснований культуры. Религиозная идея-культ придала особый оттенок духовности, общечеловеческим понятиям о добре и зле, что и отражено в Новом Завете. С коммунистической идеей-культом связаны попытки создать «моральный кодекс строителя коммунизма». В китайской культуре идея как культ предков трансформировалась в конфуцианство.

На ранних этапах истории в культе отражались так называемые «вечные проблемы» мировоззрения (жизни и смерти, веры и т. д.). Чем динамичнее становилась культура как деятельность, тем сильнее акценты внимания переменялись в ней на обоснование различных форм человеческой активности. Культ принимал форму организующей идеи. Как отметил П. А. Чаадаев, западное христианство дало европейцам не только эталон, нравственно соизмеримый с их возможностями, но и философию духовного, а затем и интеллектуального объединения. Именно христианство наряду с творческим применением основных догм сочло необходимым формировать рациональные основания западноевропейской культуры через систему университетского образования, т. е. прозорливо увидело того, с кем имело дело — человека деятельного.

По мнению русского мыслителя, народам Старого Света «с самого начала была дана некоторая идея, погоня за которой, ее развитие создали всю их историю». Утратив свое значение как культ, религиозная идея на Западе все-таки осталась, потому что «все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей на протяжении столетий; все является результатом того продолжительного сцепления актов и идей, которым создано теперешнее состояние общества...»²

Содержание идеи, детерминировавшей западноевропейскую историю, раскрывают работы М. Вебера. В «Протестантской этике труда» на большом материале немецкий социолог показал, что идея-культ стала

основанием нового мировоззрения труда и последующих, уже светских, форм практической рациональности. Подход к рациональности не только как к традиционному объекту гносеологии, связанному с определенным уровнем познания (*episteme*), а как к феномену культуры, ее универсалии, позволил совершенно по-новому взглянуть на тенденции в западной цивилизации, открыть философской и научной рефлексии весьма актуальное и, как оказалось, достаточно дискуссионное поле исследований, своеобразный ключ к тайнам технического мира.

Но только в 60—70-е гг. XIX в. складывается концептуальное поле исследований, которое оформляется в философско-научную концепцию техники. Большинство авторов имеют в виду необходимость развернутых дискуссий, в ходе которых была бы разработана систематическая «мыслительная структура из основных понятий, постановок вопросов, тезисов и моделей аргументации, которая уже с самого начала гарантирует высокий уровень специальных знаний»³.

Поскольку понятийный аппарат философии техники как метатеории не выявлен достаточно четко, то и однозначного определения техники не существует. Некоторые авторы пытаются выяснить смысловое различие между понятиями «техника» и «технология». Так, Э. Штрёкер считает, что «техника, корень которой восходит к античному *techné*, как многостороннее «умение» изготавливать полезные для жизни предметы, создавать искусственные... объекты, существовала, несомненно, еще задолго до того, как в последней четверти XVIII в. возник сам термин «технология» как область знания, исследующая то, каким образом следует производить искусственные объекты в соответствующих времени и месту условиях...»⁴

В плане содержания под техникой понимают: 1) онтологическую данность (комплекс инструментов и средств, искусственную среду, определяющую человеческую деятельность); 2) определенную природу человека как волю к власти; подчинение природы, открытие и упорядочение последней; реализацию идей, т. е. целесообразное творчество; 3) творчество как самоцель, как форму самораскрытия, обусловленную природой, ее материалом; 4) желание человека сохранить себя путем ухода из мира органического в мир искусственный; 5) деятельность, связанную с особым способом преобразования природы; 6) систему ценностей и норм, регулирующих жизнь человека в цивилизованном мире; 7) то, что не в человеке и не в природе как отдельности, а в событийности их — в отношении, располагающем к активности. Исходя из этого, техника предполагает онтологический, аксиологический, гносеологический, социальный, этический, общечеловеческий (глобально-экологический), проективный (футурологический) аспекты исследования. Их то и пытается синтезировать философия техники как метатеорию. Когда речь идет о метанауке, то авторы стремятся конкретизировать функции теории, уточнить ее понятийный аппарат. Так, Ф. Рапп пишет: «Для понимания нашего времени с его грандиозным преобразованием физического мира посредством реальной техники эвристически более плодотворным является узкое понятие техники, в то время как широкое ее понимание сосредоточивает внимание на техническом образе действий, который мы застаем во все исторические эпохи, хотя и в соответственно различающихся проявлениях». Еще более очевидно проявляется позиция этого автора в критике метафизического акцента в исследовании техники М. Хайдеггера: «Необходим такой уровень исследования, который соединил бы бессильное умозрительное «воспоминание сущего с бездумным практицизмом технической деятельности»⁵. Таким образом, философия техники рефлексировала не только над познавательными действиями, но и активно влияет на процессы формирования мировоззрения, адекватного техническим реалиям. Подобная установка основана на убеждении, что «люди сами создают свой мир». Однако любому созданию предшествует мировоззренческая программа. По мнению Г. Рополя, последняя недостаточно экологизирована: «если человек не совершит требуемого ныне экотехнического поворота, то он рано или поздно, согласно экологическим принципам, исчезнет»⁶.

Итак, философия техники как область исследований, претендующая на статус науки, дает достаточно целостное представление о технике как

сложной системе, в которой человек вступает в активные отношения с опредмеченным миром идей как объективной реальностью и органической природой. Вместе с тем эта система есть становление, поскольку в ней соседствуют два типа отношений. С одной стороны — это нарождающееся взаимодействие человека и искусственной среды (единого информационного поля планеты). С другой — это сохраняющая свое мировоззренческое влияние традиция бытия человека в физическом мире.

Длительное соседство двух мировоззренческих парадигм свидетельствует о том, что человек еще не самоопределился в себе, в своей ответственности, заброшенности в этот мир без права на оправдание и извинение⁷. Он как бы оставляет себе шанс оправдания путем обвинения не себя, а внешних обстоятельств: вспомним хотя бы Чернобыль. Авария на ЧАЭС, кстати, актуализировала проблему регионального вхождения человека в технический мир, вызванную как границами внутри мирового рынка, так и определенной исторической традицией.

Для исследования механизмов регионального вхождения человека культуры в технический мир, по нашему мнению, очень важно рассмотреть специфику исторических традиций, поскольку через них раскрывается содержание определенного типа жизнедеятельности людей, его внутренней динамики. Мы уже говорили о том, что русские мыслители XIX в. выявили объединяющую функцию христианской идеи в западноевропейской культуре — идеи как цели, программы, задающей определенный тип активности, потребностей, роли в истории. Для российского региона подобный тип активности стал очевиден только в XIX в., когда человек культуры почувствовал острое желание заявить о себе во вселенском масштабе, универсальной значимости.

Как пишет В. В. Вейдле, Россия остро почувствовала в XIX в., что далее не может «играть» с Европой. Развитие в последней шло по пути медленного превращения «старой семьи органически выросших и жизненно сросшихся между собой национальных культур в интернациональную научно-техническую цивилизацию». России как европейской стране нужно было довольно быстро определить свое отношение к этому процессу, найти свое место в многонациональном европейском единстве, поскольку вне его она не могла достичь «полноты национального бытия»⁸.

В конечном итоге российская мысль восприняла идею технического прогресса, но с сохранением значительной автономии развития России по отношению к европейскому процессу. Это было весьма ответственное решение, поскольку программа движения человека российской культуры к техническим реалиям предполагала реализацию объединяющей функции духа, подготовку его к практической рациональности через институт православия с его коллективистским, вселенским сознанием (идея Третьего Рима). Такое развитие было чревато постоянной опасностью того, что ценности технического мира в западной традиции попадут на не совсем готовую почву, или же, наоборот, достаточно автономная в своем развитии культура из-за пренебрежения к соседям захочет «спасти» их от медленного угасания, что, в принципе, в последующем и произошло.

Автономность духовного развития предполагала создание в России глубинной картины мира, отражающей универсальность мышления и культуры. Эту задачу взяла на себя русская «религиозная философия», по существу, философия деятельности, рассчитанная на определенные региональные условия и пассивного слабого человека, которому необходим как стимул к действию, так и «попечительство». Уже в первой статье Вл. Соловьева «Жизненный смысл христианства (философский комментарий на учение о Логосе ап. Иоанна Богослова)» звучит идея о том, что христианство (православие) должно взять на себя организующую, просветительскую миссию. Культ уже более не может быть ограничен «вечными» проблемами, созерцательным отношением к миру. Он пишет: «Человечество обязано не созерцать божество, а само делаться божественным. Согласно этому новая религия не может быть только пассивным богопочитанием <...> или богопоклонением <...>, а должна стать активным богодействием <...>, т. е. совместным действием Божества и человечества

для пересоздания сего последнего из плотского или природного в духовное и божественное. Это не есть творение из ничего, а претворение или преосуществление материи в духе, плотской жизни в божественную»⁹.

Вл. Соловьев практически определил вариант русского перехода к техническому миру, основанный на приоритете духа. Здесь можно говорить и об определенном влиянии взглядов Н. Федорова на эту позицию. Более конкретное выражение она находит у Н. Бердяева, который утверждал: «Постыдно для духа бояться материального развития и цепляться за материальную отсталость. Дух должен бесстрашно идти по пути материального развития, узрев в нем свою собственную объективацию и манифестацию. Материальное развитие, техника, машина — пути духа»¹⁰.

Призыв Вл. Соловьева стать богочеловеком очень похож на мечту Ф. Ницше о сверхчеловеке. Как отмечает С. Н. Носов, В. Соловьев действительно считал привлекательной идею немецкого мыслителя и по этому поводу писал: «Каждый из нас есть сверхчеловек в возможности, потенциально, но чтобы стать таким в действительности, требуется, конечно, более прочная опора, чем собственное желание, чувство, или отвлеченная мысль»¹¹.

Концепция русской религиозной философии осталась умозрительным построением, поскольку касалась лишь самых универсальных понятий. На довольно значительном расстоянии от нее находились реальные технические системы, создававшие впечатление неорганичного, искусственного внедрения в тело России. Так, петровский Урал совершенно зачас к XIX в., поскольку создавался без необходимой экономической инфраструктуры. Новый всплеск индустриального развития в других регионах России во второй половине XIX ст. даже со значительным участием иностранного капитала тоже пришел к спаду. Индустриализация 30—50-х гг. сопровождалась значительными экологическими, экономическими и социальными издержками. В результате Россия и дружественные ей государства оказались в острейшем техническом, экономическом и социальном кризисе, приобретшем глобальное значение.

Очевидно, что разрыв между умозрительными построениями русской религиозной философии и русской действительностью связан с человеком как ее субъектом. В сознании последнего пока доминируют идеологические мотивы, за которыми практически скрыт смысл бытия в техническом мире, в первую очередь организационный момент. В экономической практике последний отождествляется лишь с жестко фиксированной системой государственного регулирования, включая и собственность. Другие модели воспринимаются только с позиции идеологии: либо общество идет к социализму, либо к капитализму. Сказывается отсутствие научного, концептуального подхода к технике как комплексу проблем — философии техники, которая смогла бы синтезировать эмпирический материал с имеющимися наработками в области этики, экологии, политологии, метафизики (собственно философии).

Таким образом, региональный аспект свидетельствует о том, что «вживание» человека культуры в технический мир как мир организации, основанной на определенном типе рациональности, зависит от исторических традиций в культуре, от степени воплощенности идеи-культы в живую практику.

¹ Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990. С. 248.

² Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 98; Т. 1. С. 336.

³ Рапп Ф. // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 75.

⁴ Штрёкер Э. // Там же. С. 59—60.

⁵ Рапп Ф. // Там же. С. 78; С. 51.

⁶ Рополь Г. // Там же. С. 221.

⁷ См.: Сартр Ж.-П. // Сумерки богов. М., 1989. С. 323.

⁸ Вейдле В. В. // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 69, 68.

⁹ Соловьев Вл. // Философские науки. 1991. № 3. С. 61.

¹⁰ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 218.

¹¹ Носов С. Н. // Философские науки. 1991. № 7. С. 57.

СИСТЕМНАЯ ПРИРОДА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Современная наука как важнейший компонент индустриального развитого общества сегодня остро нуждается в новых методологических идеях. Ее социокультурная и аксиологическая размерность обнаруживается не только в очевидном факте детерминации научно-исследовательских программ технологическими и инструментальными ориентациями, но и в смене приоритетов научного познания, в его экспансии на новые, более сложные объекты. Историческую эволюцию форм научного сознания можно воспроизводить и реконструировать по разным основаниям. Но важнейшим из этих оснований был и остается тип системной реальности, который интегрировался в предметное поле науки как фундаментальная константа ее объективно-предметной составляющей. Генезис и становление исторически первых научных программ были связаны с теоретическим освоением простых составных объектов. Реальными референтами предмета науки в тот период были суммативные совокупности, отношения между элементами которых подчинялись принципу аддитивности и жестким детерминистическим зависимостям. В классической науке доминирующим типом реальности становится механическая система, которую вполне можно интерпретировать как аддитивный конгломерат частей, связанных в рамках целого по законам механической причинности. Необходимо отметить, что базисные постулаты научно-теоретической методологии познания, которые сложились и были оформлены в рамках редукционистской парадигмы, наиболее полно и исчерпывающе коррелировали именно с таким типом системных объектов. Эталоны и нормы идеализированного описания реальности в языке науки предполагали жесткое отделение субъекта от объекта, элиминацию всех мировоззренческих и субъективно-ценностных характеристик научного познания из конечного продукта научного поиска — теоретической системы знания. Фундаментальным тезисом классической методологии науки являлось утверждение о существовании радикального разрыва между активным познающим сознанием (субъектом) и противостоящим ему «пустым» пассивным космосом. Идея Декарта о параллельном существовании двух субстанций (материальной и идеальной) находит безусловное воплощение в структуре классической науки и прежде всего в концепциях физико-математического естествознания. Она имплицировала развитие редукционистской методологии познания, которая в форме феномена сциентизма органично имплантирована в культурные стереотипы и менталитет западноевропейского общества. По мнению В. И. Вернадского, этот тип методологического сознания породил ситуацию принципиального разрыва между «косной» (неорганической) и живой материей¹. Данный разрыв оказался историческим прообразом будущих глобальных конфликтов человека и природы.

Неадекватность и социокультурная ограниченность редукционистской методологии науки начинает осознаваться уже в XIX ст. В этот период в философии и гносеологии получают популярность идеи натурфилософского синкретизма и системности. В культуре Запада эти идеи обнаруживаются прежде всего в концепциях Шеллинга, немецких романтиков, в натурфилософских и научных изысканиях Фриза, Гербарта, Фехнера и других ученых. В восточной культурной традиции (в частности, в русской философии) попытки разработки антиредукционистской методологии мышления довольно очевидно обнаруживаются в таком оригинальном духовном явлении, как русский космизм.

Конечно, актуализация и поиск синтетических типов мировосприятия и комплексных форм методологического сознания определялись имманентной логикой философского и социокультурного развития, ситуациями внутренней полемики и диалога в духовной культуре. Вместе с тем немаловажно и то обстоятельство, что в этот период наука начинает осваивать новый тип системной реальности — сложные функциональные объекты с множеством взаимосвязанных элементов и вероятностными, стохастическими связями между ними. Такие объекты активно исследу-

ются в науках биосоциального цикла. Физические системы также начинают интерпретироваться уже не только в соответствии с принципами лапласовского детерминизма и механистической аддитивности. Однако редукционистская методология науки сохраняет свои позиции в XIX ст. и по-прежнему доминирует в большинстве естественнонаучных дисциплин. Более того, именно с принципами этой методологии связывают инвариантное ядро научной рациональности.

Можно сказать, что и сегодня редукционистская методология во многом символизирует собой научное познание реальности, по-прежнему с ней связывают успехи и фундаментальные особенности большинства научных дисциплин физико-математического цикла. Но если в классической и пост-классической науке эта методология господствовала почти монополично, то современная наука обнаруживает ее радикальную недостаточность. И связано это прежде всего с тем, что в современном научном познании начинают осваиваться объекты такого уровня сложности, для которых в принципе не являются приемлемыми формы идеализированного бессубъектного описания, характерные для классического естествознания. В современных научных теориях все чаще репрезентируются развивающиеся, человеко-размерные и рефлексивные системы. К ним можно отнести такие объекты, как человеко-компьютерные комплексы, био- и экосистемы, органично включающие в свой состав социантропологические характеристики, структуры духовного производства и социализации личности и др. Теоретическое освоение этих сложных объектов на основе принципов редукционистской бессубъектной методологии и в формах жестко идеализированного описания исследуемых систем становится уже невозможным. В методологии науки возникает новая ситуация, характеризующаяся отчетливо выраженным дефицитом адекватных идей и концепций. Поиск эффективных методологических схем и моделей, которые позволили бы существенно оптимизировать процедуры теоретического освоения сложных системных целостностей, осуществляется по многим направлениям и с использованием различного арсенала средств. Одним из традиционных направлений таких логико-методологических изысканий является системная адаптация тех познавательных и методических процедур, которые нарабатываются в непосредственном научном поиске (в частности, в современной генетике, физике элементарных частиц, космологии, экспериментальной психологии и др.). Весьма интенсивно нарабатываются новые методологические и логико-концептуальные схемы в рамках специализированных науковедческих и философско-методологических исследований. Здесь следует отметить идеи глобального эволюционизма и синергетики, которые позволили сформулировать представление о развивающемся объекте в терминах адекватного методологического языка.

Однако обоснованные таким образом методологические новации оказываются недостаточными для того, чтобы задать принципиально новую парадигму системного видения реальности в функции объекта научного познания. В данном случае необходим сдвиг проблемы в социокультурном ее измерении. Очевидно, что поиск новых образов методологического сознания необходимо вести в широком социокультурном и философском контексте. Именно такой акцент исследования делает весьма актуальной задачу проблемно-теоретической реконструкции тех феноменов в философии и культуре, которые обоснованно связываются с разработкой синтетической, антиредукционистской методологии мышления и мироинтерпретации.

Существует достаточно устойчивое мнение, что такие феномены характерны прежде всего для восточной культурной традиции, поскольку интенция на синкретичный и рационально не эксплицируемый подход к реальности атрибутивна для философии и культуры Востока. Однако анализ показывает, что антиредукционистские тенденции весьма характерны и для методологических концепций, развиваемых в русле западных философских и культурных традиций. Более того, эти методологические схемы, предполагавшие целостное и системное видение объекта исследования, формулировались в достаточно строгом языке нормативных предписаний и принципов, в значительной мере адаптированных к специфике научного познания. На Востоке же, как раз наоборот, идеи синкретизма

и целостности составляли инвариант довольно аморфных духовных образований, как правило, выраженных религиозно-философским языком. Очевидно, что поиск новых форм и принципов методологического сознания предполагает сравнительно-типологический анализ западных и восточных аналогов системного научно-философского мышления.

В этом плане необходимо обратить внимание на такое духовное явление, как романтическая натурфилософия, активно развиваемая в XIX ст. на основе идей Шеллинга. Важнейшим постулатом натурфилософской интерпретации объекта научного познания являлось утверждение о его целостной и органичной сущности, о возможности духовно-теоретического воспроизведения этой сущности средствами интеллектуальной интуиции и непосредственного умозрения. Эта познавательная интенция оформлялась не без влияния средневековой мистики. Так, Новалис утверждал, что возможны два пути развития науки. Первый связан с непосредственным восприятием опыта и его индуктивным обобщением. Второй предполагает внутреннее усмотрение сущности исследуемого объекта, мистическое прозрение совокупности разнообразных его связей с другими объектами, ясное и четкое видение этого объекта как фигуры на доске².

Реальный методологический потенциал натурфилософских схем и моделей познавательной деятельности заключался в требовании проводить аналогии между объектами и предметами различных областей исследуемой реальности. Особенно популярным этот метод становится в физике XIX ст. при изучении явлений электромагнетизма, гальванизма, теплоты и т. д. Влияние натурфилософской парадигмы мышления обнаруживалось здесь как в концепции дальнего действия (Х. Ф. Эрстед, А. Ампер, В. Вебер), так и в теории ближнего действия (М. Фарадей, Дж. Максвелл). Однако особенно значительно это влияние проявилось в процессе физического обоснования понятия поля и закона сохранения и превращения энергии.

Синтетическая методология мышления, базирующаяся на принципах натурфилософского подхода, достаточно очевидно обнаружила себя в математических версиях физики, представленных в творчестве Я. Фриза, Г. Фехнера, И. Гербарта и др. Так, Фриз считал, что единое унифицированное описание природы доступно только языку математики. Математическая натурфилософия должна дать нам законы построения гипотез о природе вещей, помочь определить, какие предположки допустимы, какие из них являются наиболее простыми, а какие должны из них выводиться по законам математики. Но сфера применимости языка математики к описанию сложных биосистем и явлений духовной жизни была существенно ограничена и это обстоятельство побудило Фриза активно использовать метод аналогий. Он утверждал, что системное видение реальности должно опираться на механизмы целостного функционирования человеческого организма, поскольку он лежит в основе нашей сравнительной физики. Универсальным законом функционирования организма является круговорот энергии и вещества, точно так же стремление к равновесию и внутреннему единству необходимо рассматривать как фундаментальную константу неорганической природы.

Аналогичные идеи развивает и Фехнер, утверждая, что тело и душа, материя и мысль взаимосвязаны и обладают принципиальным подобием и единством. Как тело человека входит в тело Земли, так и его дух входит в высший дух Земли³. В данном случае Фехнер формулирует важную идею о существовании некой духовной «монады», которая позволяет в метафизической и нестройной форме натурфилософских аналогий выразить постулат о существовании иерархически организованного Космоса, духовного единства мира. Эта идея оказала достаточно сильное влияние на естествоиспытателей XIX в., так как она была выражена посредством синтеза элементов редукционистской методологической программы и установки на целостную, системную реконструкцию исследуемого объекта в контексте нормативных традиций натурфилософии.

Еще более имплицитно элементы системной методологии познания представлены в сочинениях Максвелла и его теории электромагнетизма. Развивая представления об электромагнитных взаимодействиях в русле традиционных для западной методологии редукционистских принципов

и нормативов, он в то же время обосновывает тезис о наличии некой целостной субстанции полевого типа, которая задает возможные состояния физических частиц. Для Максвелла электромагнитные явления не есть функция дискретных взаимодействий между отдельными частицами, а результат существования непрерывных силовых линий, проникающих через все пространство. Соответственно и методология познания, с его точки зрения, должна ориентировать нас на то, чтобы теоретическое освоение частей осуществлялось на основе знания и концептуального оформления целого⁴. Таким образом, несмотря на то, что становление и развитие классического естествознания совершались в условиях явного доминирования редукционистской методологии мышления, в западной философии и культуре существовала очевидная альтернатива этой методологической установке. Она обнаруживается в сложном сочетании натурфилософских и собственно научных идей и представлений, выдвигаемых в эпоху кризиса элементаристской программы познания, на принципах которой базировалась классическая механика и производные от нее научные дисциплины.

Необходимость научно-теоретического освоения более сложных и комплексных объектов стимулировала поиск и обоснование новых методологических подходов. Одним из них и явилась натурфилософская программа мышления, убедительно представленная в западной культурной традиции.

В контексте восточных культурных ориентаций и влияний аналогичные процессы происходили в рамках русского космизма. В сочинениях основных его представителей отчетливо просматривается интенция постижения органической целостности бытия, имманентной причастности человеческого существования космическим процессам, потребности в цельном знании и синтетическом мироуяснении. Весьма интересным и перспективным в этом отношении является анализ идей философии всеединства и культурно-космического универсализма, активно представленных в русской философской традиции XIX — начала XX в.

Широкая панорама философии «всеединства» воссоздается в творчестве крупнейшего русского мыслителя В. С. Соловьева. Критически оценивая достижения европейского рационализма, он полагал, что ни «положительная наука», ни «отвлеченная философия» не оказались состоятельными для познания мира в его единстве и органической нерасчлененности⁵. Эти идеи критицизма и констатации неадекватности мировоззренческих ориентаций классического новоевропейского сознания особенно четко проявились в оценке Соловьевым реального состояния науки и ее технологических приложений: «...В настоящее время наука совсем не существует; все же, что носит теперь это имя, представляет на самом деле только бесформенный и безразличный материал будущей истинной науки — истинное построение науки возможно только в ее тесном внутреннем союзе с теологией и философией как высшими членами одного умственного организма, который только в этой своей целостности может получить силу и над жизнью»⁶.

Гносеологический и философско-методологический идеал всеединства выступал у Соловьева в функции порождающей нормативной структуры. Он утверждал, что только в рамках глобального синтеза культуры может быть сформировано адекватное сознание человека, предложена и обоснована такая стратегия его духовного и физического совершенствования, которая способна реально воплотить в жизнь цели и ценности европейского гуманизма. «Если исследование отвлеченных начал в области этики привело нас ко всеединству, как к верховному требованию нравственной воли, или высшему благу, то исследование отвлеченных начал в области теории познания и метафизики привело нас к тому же всеединству как к верховной идее ума, или сущей истине»⁷.

В. С. Соловьев был сторонником органического, системного мышления. Он считал, что только погружение предмета в систему связей с другими предметами дает возможность познать его истинным образом. При этом мир понимается им как имманентно органическая реальность, как всеединство великого космического разнообразия. Факторы и силы системной интеграции объектов природы и различных явлений культуры трактуются Соловьевым в широком диапазоне форм и выразительных

средств. В своем философско-мистическом трактате «Чтения о Богочеловечестве», где тема космизма представлена наиболее полно и систематически, он часто упоминает закон всемирного тяготения, химическое сродство тел, функционально-морфологическое единство растений и животных. Во всех этих естественных формах реализации глобального единения Космоса он видит проявление активности мировой души — Софии, постоянно противодействующей хаотизации и распаду, которые наблюдаются в природе.

Конечно, было бы наивно либо неискренне пытаться вывести из этих идей прямые методологические следствия и представить их как базис некой новой логики научно-теоретического освоения сложных системных объектов. Скорее, их можно интерпретировать как обладающий значительной нравственной силой призыв к отказу от хищнических устремлений западной цивилизации, основанной на логике редукции сложного к сумме составляющих его простых элементов и соответствующей модели научного познания. Софиология Соловьева — это прежде всего этическая доктрина, которая призывает через спасение человека как подлинно духовного существа спасти природу и придать смысл истории. Именно этой цели служат в итоге все натурфилософские и космогонические построения русского мыслителя.

Еще более акцентированно эта нравственно-метафизическая ориентация выражена в трудах других представителей философии всеединства. Так, например, С. Н. Булгаков считал, что христианское вероучение с его культом Божественной Софии обладает очевидным космологическим значением и призвано утвердить такую духовную атмосферу в человеческом обществе, в которой достижение гармонии Космоса будет являться основной задачей и смысложизненной ориентацией для человека-творца и организатора Вселенной. Булгаков, как и Соловьев, утверждает, что судьба целостности и гармонии мира зависит от того, какой его образ доминирует в душе человека. Необходимо утверждать любовь к миру как к бесценному художественному творению, а не как источнику удовлетворения своих безумных потребностей. Эти идеи отчетливо перекликаются с мотивами западно-европейской натурфилософии, которая рассматривала человека как «Мессию природы» (Новалис) или же «искупителя природы» (Шеллинг), призванного исцелить мир и сделать его прозрачным для действия трансцендентных творческих сил.

Весьма самобытно идеи космологического и социокультурного синкретизма проявились в творчестве Н. Ф. Федорова — выразителя наиболее радикальной философско-утопической версии русского космизма. Основной пафос его философско-космологических построений состоит в утверждении деятельной природы духа, который в актах «регуляции» и «преобразования» должен объединить мир в глобальном воскрешении прошлой жизни.

Мир для Федорова не есть объект лишь теоретической рефлексии и чисто познавательного интереса, он должен быть непременно преобразован и объединен с сознанием по плану проективной деятельности человечества. «Философия, понимаемая лишь как мышление, есть произведение еще младенствующего человечества... Но философия, понимаемая не как чистое только мышление, а как проект дела, есть уже переход к совершеннолетию»⁸. Именно в слиянии потенций познающего духа и возможностей переустройства, регулирования природы видит Федоров перспективу утверждения гармоничного образа жизни и синтетического миропонимания.

То, что в творчестве Соловьева, Булгакова, Федорова выражалось в форме философско-богословских догадок и интуиций, в последующем развитии русского космизма приобрело характер вполне корректных научных обобщений и гипотез. Идеи эволюционной развертки мира, единства его органических и неорганических компонентов, продуктивности и эвристичности методологии синтеза как альтернативы позитивистскому редукционизму получают в сочинениях Циолковского, Чижевского, Холодного и других представителей естественнонаучного крыла русского космизма статус методологических объяснительных принципов и порождающих научно-исследовательских программ.

Особое место в этом ряду ученых-космистов принадлежит В. И. Вернадскому, который осуществил радикальную методологическую экспликацию наиболее значительных идей и интуиций русского космизма и философии всеединства и использовал их как нормативно-методологические регулятивы в разработке и обосновании своей концепции биосферы. Изучение органических и абиогенных природных систем в аспекте их структурной общности позволило ему сделать фундаментальный вывод о важнейшей роли живых существ в истории атомов на планете, передаче вещества и энергии по поверхности Земли и преобразовании неорганической материи. Так был расширен горизонт геохимических исследований и основана новая наука — биогеохимия. В. И. Вернадский обосновывает такую концептуально-теоретическую модель биосферы, в рамках которой взаимосвязь живой и неживой природы является необходимой характеристикой этого общепланетарного комплекса. Даже в идеализированных моделях данного взаимодействия указанные компоненты нельзя изображать как раздоложенные, не рискуя значительно исказить реальную картину структуры и динамики биосферы⁹.

Очевидно, что основные положения концепции биосферы коррелируют с идеями всеединства и универсального синтеза. В данном случае можно говорить о переводе абстрактно-выраженных догадок и метафизических интуиций в форму вполне корректных научных понятий и концептуальных схем. Философские построения выступают в функции своеобразной порождающей эвристики и задают такое пространство интерпретации базисных положений научной теории, которое существенно детерминирует их смысл и содержательную определенность.

Таким образом, в немецкой натурфилософии и сочинениях русских космистов была сконструирована такая парадигма системного видения реальности, которая позволяет использовать ее в качестве отправного пункта и своеобразной порождающей модели в процессе поиска и обоснования новых системно-диалектических моделей научной методологии.

¹ См.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

² См.: *Novalis. Dichtungen und Prosa.* Leipzig, 1975. S. 82.

³ См.: *Fechner G. T. Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits.* Hamburg; Leipzig, 1906. Bd. 2. S. 180.

⁴ См.: *Maxwell J. C. Lehrbuch der Electricität und des Magnetismus.* Berlin, 1883. Bd. 2. S. 217 f.

⁵ См.: Соловьев В. С. Соч. В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 740.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 744—745.

⁸ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 19.

⁹ См.: Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 58.

Паліталогія Сацыялогія

В. Е. ГЛУШАКОВ

КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ И КУЛЬТУРА ПОТРЕБНОСТЕЙ (социологический анализ деятельности руководителей)

Предваряя конкретный анализ управленческой деятельности руководителей трудовых коллективов нашей республики, необходимо сделать следующее замечание. Формирование мировоззрения, ценностных ориентаций и различных потребностей является двусторонним процессом, обусловленным взаимодействием человека и окружающей его природной и социальной среды, с одной стороны, взаимодействием природного (биологического) и социального начал в самом человеке, с другой стороны. Результат данных взаимодействий — конкретные проявления деятельности человека — не всегда однозначен. Поэтому исследователь не может с абсолютной уверенностью утверждать, что в данный момент определяет поступок: внутреннее или внешнее воздействие. Именно поэтому мы будем рассматривать взаимодействие следствий, а не причин, для чего проанализируем сложившиеся потребности руководителей и их влияние на управленческую деятельность.

Данный анализ строится на материале конкретно-социологического исследования, проведенного автором в 1991—1992 гг. на ряде промышленных предприятий и в учреждениях республики. Рассмотрим те потребности руководителей, которые выявляются в сфере их политической, трудовой деятельности, образования и досуга и оказывают влияние на культуру управления.

Результаты нашего исследования показывают, что всплеск политической активности весны — осени 1991 г., характерный для всего общества (в том числе и руководителей), сменяется затем временной политической и социальной апатией, что проявилось и в некотором спаде трудовых конфликтов. Об этом свидетельствуют данные анкетного опроса руководителей. Если весной — осенью 1991 г. 65 % респондентов в той или иной форме участвовали в митингах, демонстрациях, выступали на партийных и других собраниях, то к началу 1992 г. этот показатель снижается до 31 %. На вопрос о принадлежности к какой-либо партии или общественной организации большинство руководителей ответило отрицательно. Отчасти это связано с прекращением деятельности КПСС, так как более половины опрошенных являлись ее членами.

Потребность каким-то образом разрешить назревшие в трудовых коллективах конфликты, связанные с формой собственности на средства производства, социальными условиями и собственным статусом на предприятии, выражается руководителями в весьма разных и противоречивых формах. С одной стороны, они признают необходимость развития рыночной экономики (за параллельное существование различных форм собственности высказались 92,5 % респондентов), а с другой, выход из создавшейся ситуации 37 % из них видят в избрании дееспособного, авторитетного руководства страны. Причем, помимо уже имеющих у

государства функций, ряд респондентов считает необходимым наделить его еще и такой функцией, как формирование гармонично развитой личности.

Подобная противоречивость в оценках, отсутствие четких жизненных ориентаций — типичная черта большинства современных руководителей. Правда, у группы руководителей выявилась некоторая стабильность в этом вопросе. Это связано с тем, что 42 % интервьюированных (директора заводов, их заместители, начальники служб, отделов и цехов) вполне удовлетворены своим статусом на государственном предприятии. Но эта удовлетворенность, и кажущаяся стабильность — мнимые, ибо не подкреплены в должной мере ни соответствующим уровнем культуры руководителей, ни стабильностью и эффективностью работы предприятий. Об этом свидетельствуют как частые конфликты между рабочими и их начальниками, так и расхождения в оценках по различным вопросам. По мнению 300 опрошенных руководителей, 73 % из них считают свое образование вполне достаточным для выполняемой работы, а 40 % отмечают, что у них профессиональных знаний даже больше, чем требует работа. Лишь 14,3 % руководителей отметили, что у них не хватает знаний и хотели бы их восполнить. Надо отметить при этом, что 4,3 % из них окончили два и более высших учебных заведения.

Отсутствие потребности постоянно совершенствоваться, пополнять свои знания ведет к негативным результатам. Итоги опроса 700 рабочих показали, что у значительной части управленцев преобладает авторитарный стиль руководства. Так 46,9 % опрошенных отмечают, что их начальник обычно приказывает подчиненным и никогда не просит, 18 % — часто делает незаслуженные замечания работникам. Выставляя 50,4 % руководителей высшую оценку за их профессиональные знания, 16,4 % рабочих отмечают у них отсутствие знания психологии людей, а 12 % — высокой культуры. Не случайно поэтому на вопрос о способности их руководителя к творческому поиску, изменению стратегии руководства коллективом отрицательно ответили 65 % рабочих.

В процессе социологического исследования перед руководителями был поставлен и такой вопрос: какие качества, по Вашему мнению, являются наиболее важными для современного руководителя? Анализ ответов и их сопоставление с данными анкетного опроса рабочих, мнением экспертов показал, что, как правило, руководители выделяют в предложенном им списке именно те качества, которыми в недостаточной степени обладают сами. Полученные ответы свидетельствуют о весьма низкой культуре наших управленцев. Достаточно лишь сопоставить те качества, которым они отдают предпочтение, с теми, которые не рассматриваются ими в качестве приоритетных.

Так, например, компетентности отдают предпочтение 85 % респондентов, а высокой культуре — 40 %, видимо, не усматривая между ними взаимосвязи. Далее, деловитость, по мнению 72 % респондентов, является очень важным качеством, а заботу о человеке, его нуждах таковым считают лишь 45 %.

Весьма важным фактором управления, способным значительно усилить воздействие руководителя на подчиненных, является его авторитет, который выступает своеобразным идеалом, личностным образцом. Весьма точно определила сущность личностного образца М. Оссовская: это «реальное или вымышленное лицо, которое побуждает или должно побуждать к подражанию. Точнее, личностным образцом для данного индивида или группы будет образ человека, который должен служить или фактически служит для этого индивида или для этой группы объектом притязаний»¹.

Однако названные выше качества не обеспечивают нашим руководителям должный авторитет. По мнению рабочих, лишь 27,6 % из них являются авторитетными и могут быть уважаемы коллективом. Такое положение определяется еще и тем, что лишь треть (32,4 %) управленцев считает, что без авторитета невозможно руководить коллективом, а 32,6 % из них считают главными для руководителя профессиональные и иные знания и качества, а не авторитет.

Как показывают данные интервью, большинство руководителей испытывает потребность сохранить свою должность в иерархической системе управления и готово для этого на все, ибо потеря ее зачастую рассматривается как жизненный крах. Этим отчасти объясняется их явное и неявное противодействие экономической реформе, приватизации государственной собственности. Еще К. Маркс дал меткую характеристику этому слою чиновников, стремящихся всю окружающую жизнь подчинить своим собственным интересам. «Бюрократия, — писал он, — считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные цели» своим содержанием, то она повсюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Поэтому мир предстает для нее как «объект... деятельности»².

Такая психология, а если говорить точнее, образ и смысл жизни, воспитывалась и передавалась из поколения в поколение. Наследуемость традиций и норм этой социальной группы была одним из тех важнейших предохранителей Системы, который обеспечивал ее стабильность. Эта стабильность проявлялась в заданности интересов, потребностей, степени свободомыслия ее носителей. Новое поколение руководителей привнесло с собой лишь те новации и изменения, которые поддерживали Систему, сохраняли ее основы, а следовательно, и их собственный статус, и их привилегии.

Весьма показательной в этом отношении, на наш взгляд, оказалась информация о том, как руководители проводят свой досуг. Здесь отчетливо проявляются приоритеты и предпочтения, отражающие степень духовной культуры и развитости личности. На вопрос о том, чем занимаются руководители в свободное от работы время, были даны следующие ответы: домашними делами (64 %); воспитанием детей, внуков (50); работаю на приусадебном участке, даче (65); учусь заочно в вузе (5); читаю книги, газеты, журналы (41); хожу в кино, театр (12); смотрю телевизор (70); занимаюсь спортом, рыбалкой (10); играю на музыкальном инструменте (3); слушаю музыку (18); занимаюсь общественной работой (7); ничего не делаю, просто отдыхаю (57 %).

Расхождение между объективными требованиями, предъявляемыми к руководителям и культуре управления, и реальным положением дел будет постепенно уменьшаться. Ломка экономических, социокультурных и государственных оснований тоталитарной системы, основанной на идеологии монокультуры, ведет к формированию принципиально иной культуры общества. Этот весьма сложный, отягощаемый рядом объективных и субъективных моментов процесс предполагает гораздо большую свободу индивида во всех сферах жизни и, как следствие, иные, чем теперь, потребности и ценности.

Складывается ситуация, когда прежняя идеология управления и стоящие за ней люди все более и более отторгаются логикой эволюции общества, самими его основаниями. Смена одних ценностей другими, одних потребностей — более адекватными переживаемому периоду является объективным процессом, который будет принципиально менять всю культуру управления. Поэтому чрезвычайно важно готовить наших руководителей к упреждению событий, выработать у них способность возглавлять этот процесс. Такие качества предполагают развитые потребности и в целом высокий духовный уровень развития личности. Само положение руководителя на производстве обязывает его быть лидером, а это значит быть человеком, чья нравственность и высокая культура могут служить примером, выступать своеобразным эталоном.

¹ О с с о в с к а я М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С. 29.

² М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. I. С. 271, 273.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Прогноз на современном этапе становится объективной потребностью ведения хозяйства, управления, ибо очевидна необходимость определенной долгосрочной стратегии, которая подразумевает построение какого-либо проекта, программы жизнедеятельности объекта. Динамизм и новизна процессов, охватывающих все сферы жизнедеятельности людей, а также потенциальная возможность возникновения различных факторов, способных так или иначе воздействовать на результаты принимаемых решений и планы действий, требуют шире использовать социологическую науку для выбора наилучших вариантов решения сложных научно-технических и социально-экономических задач.

Любая прогнозная информация может разрабатываться путем моделирования, экстраполяции и анкетирования (опроса населения, либо экспертов), основываясь на: 1) оценке перспектив развития будущего состояния прогнозируемого явления на основе имеющегося опыта; 2) экстраполяции на будущее уже хорошо известных тенденций развития; 3) построении модели будущего состояния изучаемого явления или процесса с учетом известного изменения условий и перспектив развития. Эти процессы подразумевают проведение процедуры анализа, «диагноза», прогноза как способов повышения эффективности принимаемых решений. В последние годы прогнозирование (краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное) стало играть важнейшую роль в планировании и управлении социальными процессами. Квалифицированное использование прогнозных информации позволяет заметно повысить оперативность решений, их научную обоснованность и действенность.

Социальное прогнозирование, являясь функцией общественных наук, тесно связано с экономической, политической, идеологической структурой общества и выражается в том, какие проблемы предлагаются для исследования и каким образом они решаются.

В настоящее время в прогнозировании завоевывают все большую популярность методы экспертных оценок. Области их применения весьма разнообразны, они охватывают множество сторон человеческой деятельности. Методы экспертных оценок дают возможность предвидеть качественные скачки в развитии того или иного объекта, в наибольшей степени определяют вероятностный характер развития систем. А при долгосрочном прогнозировании развития, когда вероятность качественных изменений объекта очень велика, эти методы незаменимы.

Генераторами прогнозных информации могут быть эксперт или группа экспертов. Использование коллектива экспертов в качестве источника прогнозных информации, с одной стороны, более рационально, так как позволяет в известной степени избежать субъективизма, неполноты и односторонности принимаемых решений. С другой стороны, возникают немалые трудности в процессе обработки информации, полученной методом экспертного опроса.

Основу экспертных методов составляет определенная совокупность норм, правил, которая обеспечивает приписывание обоснованных оценок последующим событиям. Задача получения экспертных оценок сводится к получению мнения на основе некоторой совокупности индивидуальных субъективных мнений экспертов, а сформированные ими (экспертами) представления о дальнейшем развитии объекта прогнозирования имеют вероятностный характер. В связи с этим экспертиза возможна лишь при самом серьезном отношении к ее проведению и результатам со стороны экспертов и организаторов. Интуитивное знание весьма субъективно, поэтому необходимо добиться того, чтобы экспертиза как метод сбора данных предполагала возможность преобразования, конкретизации, рационализации и объективизации информации. В связи с этим для упорядочения опроса экспертов необходимо учитывать основные проблемы метода: подбор экспертов, организацию процедуры их работы, систему обработки результатов опроса.

Проблема методического обеспечения экспертизы и повышения достоверности ее результатов также включает вопросы, связанные с определением оптимальной численности экспертной группы, техникой оценки компетентности экспертов.

В литературе выделяется целый комплекс требований, которые необходимо соблюдать при подборе экспертов для решения прогнозных задач. Мы рассмотрим в статье следующий ряд методических требований, предъявляемых к различным этапам организации экспертного опроса: **I. Подбор экспертов** — 1) объективный: экспериментальный (подбор экспертов на основе тестирования, проверки эффективности их прежней деятельности в роли экспертов) или документальный (на основе социодемографических данных); 2) субъективный: голосованием; посредством взаимооценки будущих экспертов; посредством самооценки. **II. Виды опросов:** а) *по численности экспертов* — 1) индивидуальные, 2) групповые и 3) общенациональные; б) *по характеру взаимосвязи экспертов* — 1) очные (свободное интервью, «мозговая атака»), 2) заочные (метод сбора мнений, формализованный опрос, дельфийская техника), 3) связь отсутствует; в) *по методике опроса* — 1) интервью (как правило, оно имеет разведывательную цель, помогает уточнить некоторые понятия, наметить основные направления исследования); 2) метод «мозговой атаки», основная цель которого — оперативно собрать как можно больше нужных идей и предложений, из которых затем выбираются самые ценные; 3) метод «обмена мнениями» или метод отнесенной оценки, задача которого не только определить способы решения какой-либо проблемы, но и добиться единства взглядов в оценке достоинств и недостатков выдвинутых идей и выработке наиболее согласованного мнения; 4) метод «стимулирования наблюдения» (суть его заключается в том, что составляется сценарий развития воображаемого объекта, на котором и «проигрываются» варианты решения проблемы). Можно использовать формализованный опрос экспертов (анкетирование), метод сбора мнений (экспертам рассылаются в данном случае специально подготовленные опросные листы, где они в развернутой форме излагают свое мнение). Этот метод позволяет исключить эффект интервьюэра, опросить большое число экспертов, но и имеет свои недостатки: возникает проблема интерпретации высказываний экспертов, возврата анкет. Применяются также шкалированные оценки (получение количественной информации с помощью измерения по какой-либо шкале отношения специалистов к предмету экспертизы), которые подразделяются на ранжирование (процедура установления относительной предпочтительности объектов на основе их упорядочивания: наиболее предпочтительному объекту приписывается первый ранг, а наименее — последний), непосредственная оценка (процедура помещения анализируемых объектов в определенный оценочный интервал в соответствии со степенью обладания каким-либо свойством); последовательное сравнение (при установлении взаимосвязи между альтернативами наиболее важной из них приписывается оценка 1, а остальным (в зависимости от их важности) — между 1 и 0, а также решается вопрос, будет ли важнейшая альтернатива превосходить все остальные вместе взятые; такая процедура продельвается с каждой последующей альтернативой); парное сравнение (применяется при большом количестве альтернатив) позволяет установить наиболее значимую альтернативу в каждой из пар. Можно также использовать метод Дельфи, который предусматривает многократный анкетный опрос одной и той же группы экспертов, где применяются и шкальные оценки. После первого опроса участников результаты обрабатываются и сообщаются экспертам, которые должны либо подтвердить свою точку зрения, высказанную при первом опросе, либо изменить ее в соответствии с мнением большинства участников. Затем новая информация обрабатывается, а результаты опять рассылаются участникам, и так до тех пор, пока новые туры опросов не перестанут давать статистически значимое увеличение согласованности оценок экспертов. По процедуре согласованности оценок выделяют одноразовые методы (например, интервью) и интерактивные (например, дельфийская техника).

Особые требования предъявляются к самому эксперту. Они широко освещены в литературе и предполагают компетентность, эрудицию, оп-

ределенный стаж научной или практической работы, принципиальность, способность творчески анализировать, объективность и другие качества. «Идеальный эксперт должен обладать такими качествами, как интуиция, креативность, всесторонность¹. Однако до сих пор остается спорным вопрос об определении понятия «компетентность эксперта» и о способах ее оценки. Ряд авторов стремится определить содержание данного понятия через тесную связь с конкретной узкой областью знаний², другие толкуют его более расширенно, включая сюда общий кругозор, эрудированность³. В любом случае использование экспертов в качестве своеобразных арбитров основано на предположении наличия у них гипотетических представлений о возможных путях решения различных проблем, интуитивных догадок об инвариантах развития какого-либо явления или процесса. К тому же утвердились принципы, которыми должен руководствоваться эксперт и в достаточной мере обладать ими в процессе «производства» рациональных идей: обладать исходной информацией для глубокого анализа проблемной ситуации и принятия целесообразной программы действий; соблюдать строгую последовательность оценок при поступлении дополнительной информации.

Экспертный опрос позволяет получить определенную совокупность мнений экспертов по обсуждаемой проблеме. Эти мнения вполне могут служить основой для построения картины будущего. Однако следует учитывать, что наличие разнообразных мнений по обсуждаемому вопросу само по себе еще не дает исчерпывающего ответа. Отличительная особенность метода опроса экспертов, характерная его черта, состоит в том, что групповая оценка явления, события или процесса часто предусматривает неоднократные повторные туры опросов, целью которых является выбор самого оптимального, наиболее точного варианта решения проблемы, разработки прогноза (т. е. сумма оценок экспертов на первом туре не является конечной, а часто даже ей не равнозначна).

Научно-исследовательское начало и комплексный характер прогнозирования должны быть основой эвристической деятельности экспертов. Важно учитывать и требование надежности (устойчивость результатов экспертных оценок по сравнению с другими методами) и достоверности прогноза. Для повышения достоверности прогноза предлагается соблюдение таких требований, как точный и полный сбор информации об объекте прогноза; постановка адекватных целей и задач прогноза; теоретический анализ объекта прогноза как целостной системы; выделение показателей прогностического фона; учет новых факторов, признаков объекта прогноза; учет изменения условий прогностического фона; определение возможных способов верификации прогностических данных.

Для более полного использования метода экспертных оценок в социологическом прогнозировании необходимо стимулировать дальнейшее его развитие, а также найти единые основы использования специалистов в качестве экспертов.

¹ См.: Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Экспертные оценки. М., 1973.

² См.: Маслин А. А. // Социальное прогнозирование. М., 1975.

³ См.: Александров В. А. Прогнозирование и управление нововведениями. Мн., 1988.

ЦЗЯН Е (КНР), Л. В. СТАРОВОЙТОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ

Политическая индифферентность — явление столь же давнее, как и сама политика. Еще Перикл, которому история приписывает роль основателя афинской демократии, столкнулся с нежеланием некоторых граждан посещать народные собрания и пользоваться политическими правами. В современных условиях политическая индифферентность становится явлением массовым даже в странах с устойчивыми и длительно существующими демократическими режимами. Под политическим

индифферентизмом понимают равнодушие, безразличие к политике, нежелание принимать участие в политической жизни. Зримо проявляется политический индифферентизм в абсентеизме, т. е. в уклонении избирателей от участия в голосовании, но может принимать другие, менее явные формы.

Отношение к политической индифферентности граждан в различных политико-идеологических течениях и режимах неодинаковое. *Радикализм* как левый, так и правый осуждает индифферентизм, требуя от личности четкой политической самоидентификации. Эта традиция ведет свою линию от якобинцев. Сен-Жюст, бросая знаменитый клич «Свобода должна победить какой угодно ценой», потребовал карать не только всех сторонников старого режима, но и всех равнодушных. От своих же последователей радикалы требуют ревностного служения идее, политической активности и нетерпимости к политическим противникам. Так, в период якобинской диктатуры был принят закон о подозрительных, по которому карались даже «подозреваемые в подозрительности», ибо подозрительными являются «все те, кто своими действиями, отношениями, речами, сочинениями и, короче говоря, чем бы то ни было навлекают на себя подозрение»¹.

Либерализм не столь нетерпим к политическому индифферентизму. Либерализм признает свободу мнения как неотчуждаемое право человека, для него характерен дух терпимости и компромисса. Согласно либерализму, любой принцип, возведенный в абсолют, исключает свободу. Судьба индивидуальной свободы связана не с реализацией какого-либо заранее заданного принципа, пусть самого демократического и справедливого, а с возможностью хотя бы частично уклониться от него. Обладая политическими правами, гражданин не обязан пользоваться ими, будучи существом разумным, он сам способен регулировать весь уклад жизни, в том числе и свое политическое поведение. «Все, что уничтожает индивидуальность, есть деспотизм», — утверждал Дж. Ст. Милль². Плюрализм мнений и политических позиций естествен и необходим так же, как и аполитичность.

Консерватизм еще более терпим к политическому индифферентизму и заинтересован в нем. Консерваторы настойчиво отвергают примат политики и идеологии в жизни общества и личности, ибо основные человеческие проблемы находятся в повседневной жизни. Консерваторы решительно не согласны с утверждением, что не существует онтологии, которая не была бы политикой. Более того, политизация человека рассматривается ими как одна из опасностей, которая появилась еще в Новое время и превратилась в серьезный фактор, дестабилизирующий социум в XX в. Политика — это всего лишь одна из сфер общественной жизни, которой должны заниматься профессионалы. Вовлечение в политику широких масс, с точки зрения консерваторов, приводит к падению авторитета власти, беспорядкам, насилию. Массы в политике некомпетентны, безответственны и поэтому их «деятельность сводится к тому, чтобы как-то увертываться от поминутных осложнений и конфликтов; проблемы не разрешаются, а лишь откладываются со дня на день любыми средствами, даже с тем риском, что они скопятся и вызовут грозный конфликт»³.

Будучи сторонниками элитарной демократии, консерваторы считают, что лучшей формой защиты демократии от «некомпетентного плебса» является передача власти правящей элите в духе устоявшихся традиций парламентской демократии. Обычный гражданин лишь в установленном законом порядке выражает свое мнение по определенному вопросу в определенный день (выборы, референдум), а затем возвращается к своим житейским проблемам, которые гораздо важнее не только потому, что решение их жизненно важно для индивида, но и потому, что их решение необходимо для всего общества. На основе этого взаимодействия возникает социальная саморегуляция, которая и является фундаментом поступательного развития общества. Чрезмерно политизированное общество несет в себе заряд собственной гибели, или, как отмечает французский политолог Мишель Дебрэ, «...государство, нация, где каждый день большинство граждан обсуждают проблемы политики, близки к разрушению»⁴.

Государственно-властные механизмы политических режимов также по-разному реагируют на политический индифферентизм. В тоталитарном режиме политическая индифферентность рассматривается на уровне антигосударственного преступления. Любовь к властям, вождю, государству должна быть выражена активно, публично, эмоционально окрашена верноподданическими настроениями. Тоталитарный режим держится не только мощным карательным аппаратом, но и культом власти, ее сакрализацией, культом вождя — своеобразной формой светского религиозного сознания. Поэтому политический индифферентизм опасен для тоталитарного режима.

Авторитарный режим, руководствующийся во многом принципом «Разрешено все, кроме политики», предпочитает иметь дело с политическими конформистами, на худой конец с политически индифферентными гражданами, лишь бы не лезли в политику, или, как выразился в свое время академик Л. Абалкин, «не мешали работать».

Либерально-демократические режимы относятся к политическому индифферентизму граждан как к неизбежному явлению в политическом процессе, но пытаются управлять его колебаниями. В одних ситуациях — предвыборная кампания — снизить уровень индифферентности, поднять политическую активность, уменьшить число избирателей, зараженных политической апатией. В других ситуациях, наоборот, увеличить социальную группу индифферентных. Для либерально-демократических режимов важна динамика политической индифферентности граждан. Ее нарастание является тревожным симптомом ослабления демократического потенциала политической системы, признаком политического регресса. В любом случае позиция политически индифферентных граждан должна так же учитываться, как и волеизъявление голосующих и проявляющих политическую активность в других формах. Как отмечает в своем исследовании П. Ленэн, «правлящие элиты любого толка понимают, что ничего нельзя делать без индифферентных или против них»⁵. Их позиция во многом выступает стабилизирующим фактором в политической системе. Однако стабилизирующая роль политически индифферентных в либерально-демократических режимах проявляется лишь до того момента, пока политическое равнодушие не охватило подавляющего большинства граждан.

Проблема политического индифферентизма представляется непростой и для демократического режима. На первый взгляд, демократии как власти народа, осуществляемой самим народом и для народа, должна быть присуща высокая политическая активность граждан и чужд индифферентизм. Но уже Ж.-Ж. Руссо обратил внимание на то, что самые демократические процедуры даже на уровне прямой демократии чреваты искажением воли народа. При подлинно демократическом режиме никакой закон неправомерен, если он не может трактоваться как вытекающий из народного решения. Но само народное решение есть лишь выражение воли большинства. Восторгствует ли в этом большинстве компетентность и разум или верх возьмут предрассудки и неукротимые эмоции? Не произойдет ли искажение воли личности в большинстве? А может быть, политическая логика именно меньшинства соответствует логике экономического развития и социальному прогрессу? Проблема политического большинства и его взаимоотношения с оппозиционным меньшинством — одна из серьезнейших проблем функционирования демократического режима. Очень важно не деперсонализировать личность в большинстве и учесть волю меньшинства. Иначе меньшинство может довольно быстро потерять интерес к политическому процессу.

Кроме того, демократическому режиму всегда угрожает опасность конформистской деформации народовластия либо перерождения демократии в охлократию. Поэтому несовершенство самой демократической процедуры, ошибочность принятых волей большинства решений могут породить рост недоверия к власти и нарастание политической индифферентности масс. Это касается не только крупных решений, связанных с формами собственности, социальными программами, политическим строем, но и решений иного уровня, отражающих ментальность нации, гражданского общества в целом. Мнение большинства часто имеет ситуационно-временный характер,

поэтому без учета позиции меньшинства невозможно репрезентировать народную волю во всей ее конкретности и целостности. Важнейшей гарантией от политического индифферентизма таким образом становится правовая защита меньшинства как нормативная основа граждански-публицистической активности личности.

Многие философы, социологи, правоведы давно обратили внимание и на то, что демократия как «система свободы и свободной игры жизненных интересов и сил, система открытых дверей и неопределенных возможностей» может «утомить» людей и не удовлетворять их более. Такая ситуация особенно характерна для периодов, когда в обществе долгожданное ожидание демократии сталкивается с реальной сложностью перехода к демократическому правлению и еще большей сложностью функционирования самого демократического процесса. «Своими широчайшими перспективами и возможностями, — пишет П. И. Новгородцев, — демократия как будто бы вызвала ожидания, которых она не в силах удовлетворить. А своим духом терпимости и приятия всех мнений, всех путей она открыла простор и для таких направлений, которые стремятся ее ниспровергнуть. Она не могла быть иною, ибо в этом ее природа, ее преимущество. Но этой своей природой и этим своим преимуществом она могла удовлетворить лишь некоторых, а не всех»⁶.

Экономический, социальный, политический индифферентизм взаимосвязаны, что хорошо просматривается на маргинальных слоях. Получая социальные пособия либо минимальную, но гарантированную зарплату, эти слои пробуждаются к социальному действию только тогда, когда возникает прямая угроза уменьшения социальной помощи или появляется возможность улучшить свое положение путем давления на власть. Это касается и тех работников, которые получают зарплату не по труду, а по нужде. Угроза потерять гарантию труда и уравнительной оплаты делает просительное, петиционное сознание чрезвычайно агрессивным и, сохраняя свою экономическую пассивность, дисквалифицированная, по сути, рабочая сила делает рывок в политику, требуя от государства-работодателя все новых и новых гарантий своей социальной стабильности.

Редистрибутивная модель сословной стратификации создает человека пассивного как экономически, так и политически. Сознательное и бессознательное включение такого человека в политику происходит под угрозой потери устоявшихся гарантий. Включаясь в политику, он привносит в нее «консервативный синдром» и «психологию социальной инерции». Переход от редистрибутивной модели социальной стратификации к производственно-экономическому процессу классовообразования чреват избавлением от политического инфантилизма различных социальных слоев и серьезными политическими потрясениями. «Социальные винтики», включаясь в политический процесс, вновь и вновь искажают сущность социально-экономических преобразований, насыщают новые политические структуры своим мировоззрением. Направить в демократическое русло эту политическую стихию сложно, но направление движения очевидно — преодоление системы несвободы, выработка массового демократического сознания.

Когда демократическое сознание становится частью мира человека, тогда даже политический инфантилизм проявляется иначе. Для человека самоценными становятся демократические нормы частного и гражданского права. В такой ситуации во многом политически индифферентные граждане вынуждают правительство, парламент и даже оппозиционные политические силы придерживаться линии, освященной демократической традицией, и формируют политическое пространство доверия к власти.

¹ Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991. С. 474.

² Милль Дж. Ст. Утилитаризм. О свободе. СПб., 1882. С. 274.

³ Ортега-и-Гассет Х.//Вопросы философии. 1989. № 3. С. 135.

⁴ Manuel de la science politique. Paris, 1978. P. 14.

⁵ Лэнэн П.//Зарубежная политическая наука: история и современность. М., 1990. Вып. 3. С. 234.

⁶ Новгородцев П. И.//Об общественном идеале. М., 1991. С. 553—554.

А. М. БОНДАРОВА

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В странах плановой экономики процесс отрицания природной и социальной¹ основ частной собственности и частного труда принял форму такую, что государство — политический надстроечный орган — оказалось собственником общественного богатства и основным предпринимателем, главным субъектом ведения хозяйства. Фактическая экономическая власть сосредоточилась в руках управленческого аппарата, особых социальных групп людей. В таких условиях, очевидно, «... люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников»².

На каком-то этапе из экономической жизни практически был исключен накопленный веками опыт самоориентации миллионов через рынок, когда взаимозависимость сочетается с индивидуальной свободой таким образом, что «(а) ... конечными договаривающимися сторонами являются индивиды... (б) индивиды обладают полной свободой вступать или не вступать в каждую конкретную сделку...»³

Конечно, экономическая свобода индивида, включенного в систему товарного производства, не абсолютна. Рынок развивает только те способности, которые в опредмеченном виде или непосредственно можно продать. Власть рынка оказывается не менее жестокой, чем власть рабовладельца или помещика, но она представляется индивидам свободой, ибо дает возможность проявлять те способности, на которые общество предъявляет спрос через меновую стоимость и рынок. На рынке перед человеком, сузившим цель своего труда до абстракции стоимости, раскрывается все универсальное богатство товарного мира. Его заинтересованность в труде как средстве безгранична лишь постольку, поскольку безграничны его потребности, расширившиеся до границ осязаемого им товарного мира. Активность индивида как производителя выступает функцией его активности как потребителя.

Централизация производства и производителей в связи с расширением рынка не должна подавлять экономическую свободу индивида, которая проявляется не только в свободе выбора деятельности, но и в его экономической активности как производителя, новых направлениях развития ее, а также в возможности отчуждения доли общественного продукта в частное пользование.

Представление об индивидуальной частной собственности как адекватной полной свободе личной инициативы, проявляющейся в частном труде индивида, верно лишь для простого товарного производства, где индивидуальный и частный труд совпадают. Когда же производство выходит за рамки индивидуальной трудовой деятельности, превращается в крупное машинное производство, свобода личной инициативы проявляется в рамках и интересах либо частнокапиталистической собственности, либо общественной (государственной).

Организация труда частным образом связана с выполнением специфической формы деятельности — предпринимательством. Современный предприниматель не обязательно является индивидуальным капиталистом — собственником

средств производства: им может быть и коллективный предприниматель, и управляющий. Однако конечная цель этой деятельности, какова бы ни была ее персонализация, — формирование и умножение частной собственности. «... Сформировавшаяся в результате осуществления предпринимательской деятельности частная собственность является существенным (если не главным — А. Б.) показателем эффективности этой деятельности». Предприниматель — «носитель рисков»⁴. Ему, равно как и другим атрибутам этой деятельности (инициативность, желание господства и власти и т. п.), уже нет применения в сбалансированном кругообороте как экономическом идеале. Деятельность предпринимателя хотя и способствует выправлению дисбалансов через поиск наиболее выгодных комбинаций факторов производства, но в целом проблема сбалансированности должна решаться на национальном уровне, поскольку выправление частных диспропорций, выгодное данному предпринимателю, может оказаться ущербным для общества. Кроме того, глубокие дисбалансы, как то: нехватка энергоресурсов или избыток накоплений, равно как и социальные проблемы, могут быть решены лишь на государственном уровне.

Памятуя о примитивности капиталистических отношений, зарождающихся в рамках квазирыночных экономик, следует ожидать возникновения антагонизмов, которые «преподнесет» нам «внезапность увеличения экономической свободы». Еще предстоит понять «... пределы, до которых капиталистический наниматель, не подготовленный к своим новым обязанностям, имеет соблазн подчинить благосостояние своих работников собственному стремлению к выгоде...»⁵ Следует полагать, что гуманизация, социализация отношений частной собственности, эволюция ее к общественно-полезным формам не найдет себе места в обществе, переходном к капитализму, поскольку процессы эти свойственны развитому капиталистическому обществу.

Процесс становления частного производства находится под влиянием факторов, экзогенных и эндогенных. Изменения в общественно-политической системе, идеологии, формирование правовой базы и системы поддержки предпринимательства, относящиеся к экзогенным факторам, в значительной мере способствуют положительному решению вопроса о частном производстве, хотя ни один из этих факторов не имеет завершенной формы. Неопробированность же прав частного предпринимателя, а также кризисное состояние экономики, влекущее за собой «жесткую» налоговую и финансово-кредитную политику, не создают благоприятной внешней среды для развития предпринимательства. Сущность эндогенных факторов заключена в «готовности» населения к предпринимательству, которая, в свою очередь, определяется мотивационными установками к предпринимательской деятельности и реальной возможностью заняться ею. Имея определенную степень свободы, эндогенные факторы определяются экзогенными, особое влияние на них оказывает формирование правовой базы и системы поддержки со стороны государства, причем влияние это однозначно. Первые правовые акты, относящиеся к 1986 году и разрешающие индивидуальную трудовую деятельность (ИТД), положили начало частному производству и формированию рыночных отношений.

Согласно хрестоматийному определению, ИТД — общественно-полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию услуг, не связанная их трудовыми отношениями с государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями. Сюда следует относить всякого рода ремесленное производство, торговлю, промыслы, производство сельскохозяйственной продукции фермерами и в личном подсобном хозяйстве (в той мере, в которой производимые продукты продаются), а также оказание всех видов услуг. Статистика, однако, вычленяет фермерство и личные подсобные хозяйства из ИТД, что, на наш взгляд, неверно, поскольку указанные виды деятельности имеют единые существенные признаки: индивидуально-семейный характер труда (что не исключает возможность найма рабочей силы), товарный характер производства, т. е. они могут быть объединены понятием ИТД.

Роль ИТД пока в нашей экономике незначительна. Масштабы материально-технических и трудовых ресурсов, вовлеченных в эту сферу, ее вклад в производство национального дохода тоже скромны. По оценкам Госкомстата СССР в 1990 году доля индивидуального сектора в объеме реализованной продукции составила около 5, а ИТД — около 0,5 %. Между тем неофициальными источниками роль ИТД оценивается значительно выше: соотношение «легальных» и «нелегальных» индивидуалов определяется пропорцией 1:20.

Частное производство, долгое время принимавшее форму «теневой» экономики, нашло себе выход в сферу легальности не только через ИТД, но и через организацию частнокапиталистических предприятий в относительно «чистом» виде, т. е. на базе первоначального накопления капитала мелкотоварными производителями. Такие предприятия сейчас приняли организационную форму малых предприятий, что, надо полагать, обусловлено, во-первых, наличием разработанных правовых норм именно относительно данной формы, во-вторых, сравнительно небольшими размерами капиталов, находящихся в распоряжении частных предпринимателей.

В нашей республике еще не разработана четкая государственная политика по отношению к малому бизнесу, предусматривающая не только правовые гарантии, но и меры включения такого рода производств в решение рациональных задач посредством продуманной фискальной политики, привлечения их к выполнению национальных программ экономического развития. По сведениям Госкомстата, сегодня в Беларуси около 1,5 тыс. малых предприятий, на которых занято 40 тыс. человек. Но что это за малые предприятия, какова направленность их деятельности и эффективность ее — об этом нет должного представления. Хотя известно, что госбюджет республики за 1991 г. получил от малых предприятий 150 млн. руб. (для сравнения — от кооперативов 120 млн. руб.)⁶, но, не имея данных о направлениях работы, степени ориентации на рынок, организационной структуре, продолжительности функционирования, системе управления, уровне концентрации и т. п., нельзя судить об экономическом потенциале и эффективности работы этой формы частного производства. В западных экономиках, по некоторым оценкам, малый бизнес дает от 40 до 70 % ВВП. Для достижения даже более скромных результатов этой сфере без государственной поддержки (системы гарантий, льгот) и государственного регулирования не обойтись. Нужна и национальная программа развития малого бизнеса, поскольку если малое предприятие функционирует отдельно от крупного (т. е. не является, по существу, его филиалом) или отдельно от государственных структур, то ему приходится «сталкиваться» с местными властями, которые, как правило, не имеют стратегического плана развития частных производств.

Третьим направлением генезиса частной собственности и частного труда является представительство иностранного капитала, принимающее организационную форму совместных предприятий. В Беларуси зарегистрировано около 160 совместных предприятий (СП) и около 30 их филиалов. В них занято 4,5 тыс. человек. Действующих СП из числа зарегистрированных значительно меньше (около половины указанной цифры), хотя этот процент «выживания» выше, чем в других республиках, где работает лишь одно из десяти зарегистрированных СП. Однако доля производственного типа невелика. Превалируют здесь отрасли, относящиеся главным образом к сфере обслуживания: торговля, общепит, туризм, инжиниринг, оказание посреднических услуг. Основная побудительная причина к инвестированию капитала со стороны западных фирм — высокий спрос на нашем рынке на ту продукцию и услуги, которые уже имеются в избытке на мировом. Иностраный капитал представлен небольшими, часто неконкурентоспособными на своем рынке фирмами. Лишь они согласны преодолевать препятствия, создаваемые нестабильностью политической обстановки, частым изменением условий регулирования деятельности иностранного капитала. Гарантированность сбыта объясняет низкую заинтересованность иностранного партнера в участии в текущем управлении предприятием, во внедрении передовых методов производства, контроля за качеством продукции. Даже на начальных стадиях работы СП чрезвычайно редки случаи создания смешанных коллективов, включающих иностранных специалистов и рабочих, совместные подразделения или группы, занятые научными исследованиями. Таким образом, у нас отсутствует СП как форма совместного предпринимательства. Хотя создавались СП главным образом для внедрения в нашу экономику наиболее передовой техники, технологии, методов управления и организации производства, но на деле происходит снижение технического и организационного уровня их деятельности до привычных нам норм.

Пытаясь избавиться от трудностей, порождаемых неудовлетворительным состоянием материально-технического снабжения, СП в ряде случаев идут на включение своей продукции в госзаказ, но не более. Для того чтобы СП стали объектами государственного регулирования, необходимо выработать единую концепцию совместного предпринимательства, которая обосновала бы распределение иностранных капиталовложений по отраслям. Средством такого распреде-

ления должна стать система финансовых и налоговых приоритетов, что позволит ориентировать деятельность СП на развитие производства, необходимого национальной экономике, а следовательно, на насыщение рынка.

Кроме рассмотренных нами направлений развития и организационных форм частного труда, существуют и разнообразные смешанные формы: государственно-коллективные, государственно-частные, коллективно-частные производства, что в целом не меняет их специфической ориентации на рынке как частных. В нашей экономике имеют место различные вариации мимикрийных и симбиозных частнопредпринимательских структур, когда фактически частные предприятия зарегистрированы как кооперативные, коллективные и т. п. Кроме того, поскольку развитие частной собственности протекает в тесной зависимости от государственного аппарата, постольку существует скрытая или явная коммерциализация его как органа, контролирующего властные функции в центре и на местах. Государственные чиновники — еще один источник пополнения числа частных предпринимателей.

Все формы и направления развития частной собственности и частного производства обладают общими свойствами — свойствами частного труда как такового. Это формы общественного труда, поскольку они обслуживают конкретную систему общественных потребителей. Это самостоятельные и независимые друг от друга производства, но лишь настолько, чтобы продукты их труда были противопоставлены друг другу как товары. Для них характерно наличие специфического способа привлечения к труду — найма рабочей силы; признание общественной значимости трудовых затрат, совершаемых на таких производствах посредством денег; наличие во всех (кроме ИТД) формах отделения собственности от труда. Тем самым формируется такая система отношений, когда во главу угла ставятся собственническая ответственность и ответственность распорядителя, пользователя частной собственностью, а также конкурентный режим хозяйствования и труда как такового, что изменяет и усиливает мотивацию к труду и управлению. Здесь сохраняется противоречие частного и общественного труда: частный труд по своим параметрам может представлять не то, что необходимо обществу. Возрастает роль государственного регулирования как способа снятия данного противоречия.

¹ Л о к к Дж. // Соч. М., 1988. Т. 3. С. 278; М а р к с К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. М., 1978. Ч. 1. С. 466.

² М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 22. С. 200.

³ Ф р и д м а н М. // Фридман и Хайек о свободе. М., 1990. С. 15.

⁴ Ш у м п е т е р И. Теория экономического развития. М., 1982. С. 194; 171.

⁵ М а р ш а л л А. Принципы политической экономии. М., 1984. Т. 3. С. 180.

⁶ См.: Человек и экономика. 1991. № 12. С. 8.

В. И. СИЛЬВАНОВИЧ

ПРОБЛЕМЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Переход от административной к рыночной системе хозяйствования тесно связан с осуществлением глубоких структурных изменений во всей экономике. Реструктуризация как процесс создания качественно новой организационно-экономической и социально-экономической структуры хозяйства направлена на создание рыночной системной инфраструктуры.

Необходимость перехода от сложившейся структуры хозяйства к рыночной связана с тем, что в условиях функционирования системной организации, характерной для централизованно управляемой экономики, действие рыночного механизма приводит к результатам, которые во многом не соответствуют ожиданиям. Пример этого — ограниченность результатов макроэкономической стабилизационной политики. Вначале наблюдаются стабилизация и снижение бюджетного дефицита, обуздание инфляции, положительное внешнеторговое сальдо. В дальнейшем бюджетный дефицит растет, увеличиваются темпы инфляции, резко уменьшается производственная активность, сокращается занятость населения, импорт превышает экспорт. Причина этого — отсутствие системной инфраструктуры, свойственной рыночной экономике, детально разработанного законодательства, регламентирующего хозяйственную деятельность в условиях рынка, многообразных форм хозяйствования и конкуренции между ними, развитой кредитно-финансовой системы. Поэтому главной задачей реформирования

экономики сегодня является формирование структур, адекватных закономерностям рыночного хозяйства.

В этой связи на первый план выдвигаются проблемы реструктуризации аграрного сектора. Развитие сельского хозяйства является необходимым условием осуществления процесса воспроизводства во всей экономике, особенно такой, в воспроизводственной структуре которой преобладают природоэксплуатирующие отрасли и отрасли первичной переработки сырья. Сырьевая направленность экономики, ее сильная зависимость от характера воспроизводственных процессов в добывающей промышленности и сельском хозяйстве диктуют необходимость первоочередного проведения структурных изменений в этих отраслях в соответствии со спецификой рынка. Только на основе создания качественно новой организационно-экономической и социально-экономической инфраструктуры в природоэксплуатирующих отраслях возможно успешное внедрение рыночных структур в других сферах экономики.

Реструктуризация сельскохозяйственного производства представляет собой процесс перехода от форм хозяйствования, характерных для централизованно управляемой экономики (колхозы, госхозы), к формам рыночной экономики (фермерские хозяйства, акционерные сельскохозяйственные предприятия, сельхозкооперативы). В ходе структурной перестройки аграрного сектора происходит изменение социально-экономических отношений на базе перехода от государственной и колхозно-кооперативной собственности к различным формам коллективной, частной собственности на землю.

В мировой практике апробированы два варианта структурных преобразований сельскохозяйственного производства — шоковая и постепенная реструктуризация. Шоковая реструктуризация — это путь создания рыночной системной инфраструктуры на основе быстрого включения сельскохозяйственных товаропроизводителей в конкурентную борьбу на мировом рынке, ускоренного перехода к основанным на частной собственности на землю форм хозяйствования, в первую очередь к фермерским хозяйствам. Ускоренная перестройка структуры сельского хозяйства имеет ряд негативных экономических и социальных последствий. Включение сельскохозяйственных товаропроизводителей в мировую систему хозяйства ведет к резкому и болезненному свертыванию производства, что во многом является результатом высокой себестоимости и низкого качества продукции. Свертывание производства, высокие темпы приватизации в сельском хозяйстве служат причиной аграрного перенаселения, резкого падения жизненного уровня сельских товаропроизводителей.

Постепенный переход аграрной сферы экономики к новой структуре посредством плавной замены устаревших форм хозяйствования новыми, адекватными рыночной экономике, занимает длительный период, для которого характерна организационно-экономическая размытость. Так, в этот период продолжают сохраняться формы хозяйствования, функционирующие на базе государственной и колхозно-кооперативной собственности. Параллельно происходит процесс постепенной замены коллективных и государственных хозяйств акционерными сельскохозяйственными предприятиями, сельхозкооперативами, частными фермерскими хозяйствами. Удельный вес новых хозяйственных форм возрастает медленно, что может способствовать консервации старой организационно-экономической структуры, а в дальнейшем привести к структурному кризису аграрной сферы. Последовательное осуществление рыночных реформ в других отраслях экономики, либерализация внешней торговли, в том числе импорта сельскохозяйственной продукции, активизируют конкуренцию на аграрном рынке. Высокая себестоимость, низкое качество продукции, неприспособленность к условиям рыночной конкуренции коллективных и государственных хозяйств может стать причиной резкого сокращения производства и банкротства основной массы товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах, что в свою очередь увеличит аграрное перенаселение. Следовательно, кратковременное смягчение социально-экономических последствий при постепенной реструктуризации чревато их обострением в дальнейшем.

Применение первого или второго пути реструктуризации зависит от объективных условий функционирования сельскохозяйственного производства, господствующих в той или иной национальной экономике форм собственности на землю и соответствующих им форм хозяйствования, степени огосударствления и монополизации сельского хозяйства, а также от последовательного проведения экономических реформ.

В условиях преобладания мелкотоварного крестьянского производства, на основе частной собственности на землю, невысокой доли государственных сельхозпредприятий и при последовательном осуществлении экономических реформ применяется шоковая реструктуризация, которая сводится к ликвидации государственного сектора в сельском хозяйстве и его полной замене частным (Польша). В условиях господства крупных коллективных и государственных хозяйств, значительного огосударствления и монополизации аграрного сектора и при непоследовательном проведении экономических реформ осуществляется постепенная перестройка структуры сельского хозяйства (Беларусь).

Темпы проведения реструктуризации в значительной мере зависят от роли государства в деле преобразования структуры сельскохозяйственного производства. По степени вовлечения государства в процесс структурной перестройки можно выделить стихийную и управляемую реструктуризации.

При стихийной реструктуризации роль государства сводится к сдерживанию спроса сельскохозяйственных производителей, особенно на кредитные ресурсы, с целью изменения структуры сельскохозяйственного производства на путях экономического принуждения. Невмешательство государства в структурные процессы мотивируется тем, что оно своими действиями деформирует создающийся рыночный механизм, способствует консервации существующих структур, чрезмерному искусственному разрастанию новых. Негативным моментом проведения стихийной реструктуризации является то, что ее механизм действует медленно и направлен на ограниченное число сельских товаропроизводителей, а именно на хозяйства, находящиеся на грани банкротства, слабо затрагивая структуру сельскохозяйственного производства.

Управляемая реструктуризация предполагает усиление роли государства в структурных преобразованиях сельского хозяйства и направлена на проведение активной приватизации и демополизации отрасли, стимулирование развития рыночной инфраструктуры. Рост вмешательства государства в процесс реструктуризации мотивируется невозможностью осуществления глубоких структурных изменений в условиях неразвитости рыночного механизма, ограниченности стабилизационной политики, глубокого экономического спада и снижения хозяйственной активности.

Поддержка изменений в структуре сельскохозяйственного производства включает в себя дифференциацию экономических условий: селективное кредитование, дифференцирование уровня налогов и дотаций, прямое и косвенное регулирование цен, нацеленное на стимулирование частных производителей сельскохозяйственной продукции.

Одним из наиболее эффективных инструментов структурной перестройки сельского хозяйства является его приватизация. В широком смысле приватизация представляет собой процесс передачи прав собственности на предприятия, имущественные комплексы, иное имущество от государства к гражданам и юридическим лицам, деятельность которых основывается на негосударственных формах собственности¹. Это полный или частичный переход государственной собственности в частные руки путем открытой или закрытой продажи акций, новых частных капиталовложений в государственный сектор экономики, путем аукционной продажи государственных активов, передачи государственного имущества трудовым коллективам.

Необходимость проведения приватизации следует из того, что функционирование рыночной экономики невозможно без существования множества частных субъектов, наделенных собственностью и ответственностью за нее. Поэтому передача прав собственности частным агентам означает перемещение контроля и ответственности за использование собственности лицам, способным обеспечить ее лучшее использование, управление и сохранность².

Приватизация в аграрном секторе экономики — это процесс передачи прав собственности на землю и другие средства производства от государственных и огосударствленных организационно-экономических структур (государственных и коллективных хозяйств) гражданам и трудовым коллективам; движение от государственной и колхозно-кооперативной форм собственности к различным формам коллективной и частной собственности на землю и основанном на них формах хозяйствования.

Можно выделить несколько направлений приватизации и развития на ее основе различных хозяйственных форм в аграрном секторе экономики. Проведение приватизации в коллективных и государственных хозяйствах может осуществляться путем их трансформации в акционерные сельскохозяйственные

предприятия, посредством определения паев или долей работников в виде акций, начислением на эти акции части получаемой сельхозпредприятием прибыли. При этом реализация прав собственника земли каждого из членов акционерного общества происходит через включение ее стоимости (той доли, которая принадлежит акционеру) в индивидуальный пай. В условиях слаборазвитой рыночной инфраструктуры акционерные сельскохозяйственные предприятия имеют замкнутый характер (акции распространяются лишь между работниками предприятия), что сужает возможность привлечения в сельское хозяйство капиталов, ограничивает гибкость и мобильность акционерной формы³.

Другое направление приватизации — это трансформация коллективных и государственных хозяйств в фермерские хозяйства на основе раздела имущества и земли между работниками сельхозпредприятий, с передачей земли в частную собственность. В этом случае создание фермерских хозяйств целесообразно проводить на базе ликвидируемых общественных хозяйств, находящихся на грани банкротства. Распространение фермерских хозяйств полностью соответствует интересам формирования рыночной инфраструктуры в сельском хозяйстве.

Третий путь приватизации аграрного сектора экономики — преобразование коллективных и государственных хозяйств в малые сельхозкооперативы, в которых возможна как частная (наделная), так и коллективная с элементами частной (стоимость земельного пая, право получить надел) собственность на землю⁴.

Приватизация как основной инструмент структурных преобразований в сельском хозяйстве должна осуществляться параллельно с реформированием всей экономической системы. Исторический и современный опыт совершенствования земельных отношений свидетельствует о непосредственной зависимости отношений собственности на землю от действующего хозяйственного механизма⁵. Рациональная приватизация способствует эффективности хозяйственного механизма в условиях рыночной экономики.

¹ Народная газета. 1991. 19 июня. С. 3.

² С л э й Б.//Вопросы экономики. 1992. № 3. С. 58.

³ С е р о в а Е.//Вопросы экономики. 1990. № 5. С. 72.

⁴ Н и к и ф о р о в Л.//Экономика и жизнь. 1992. № 20. С. 13.

⁵ Р ы б а к О.//Экономические науки. 1991. № 3. С. 14.

В. М. ВОЙТОВИЧ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕР ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В настоящее время в результате разгосударствления и приватизации значительной части средств производства в республике начинает формироваться многоукладная экономика и функционировать большое количество разнотипных предприятий-природопользователей (государственных, коллективных, совместных, частных, акционерных и т. д.), ведущих свою производственно-хозяйственную деятельность на рыночной основе. Совмещение свободного предпринимательства с соблюдением жесткой экологической безопасности производства предполагает регулирование рыночных отношений. Оно должно осуществляться с учетом требований сохранности природной среды и рационального природопользования. Проводимые мероприятия немыслимы без внедрения таких экономических рычагов и стимулов, как плата за природные ресурсы и за загрязнение окружающей среды. Нормативы и сроки подобной оплаты регулируются соответствующим Законом Республики Беларусь от 23 декабря 1991 г.

Природные ресурсы включаются в процесс производства как внутренний его элемент, а природные условия обеспечивают общий ход воспроизводственного процесса. Однако грань между природными ресурсами и природными условиями носит подвижный характер. Необходимость разграничения понятий диктуется рационализацией природопользования. Дело в том, что решение проблемы восстановления нарушенных в результате антропогенной деятельности свойств и структуры отдельных элементов природной среды невозможно без определения величины экономического ущерба. Проблема экономического ущерба имеет двойное отношение к экономическому механизму природопользования: во-пер-

вых, экономический ущерб обуславливает необходимость вложения средств в средозащитные мероприятия, во-вторых, для предупреждения и ликвидации загрязнения окружающей среды необходимо внедрение определенных хозрасчетных отношений в сферу природопользования.

Экономический ущерб, причиняемый непосредственно природной среде, зависит от того, в какой степени элементы природы вовлечены в хозяйственный оборот. Однако существуют определенные трудности в определении этой меры. То, что сейчас не вовлечено или вовлечено в малой степени в хозяйственный оборот, может представлять определенную общественную ценность в будущем, но когда и какую — точно предсказать невозможно. Помимо экономического, выделяют еще два вида ущерба: натуральный и социальный. Объективная неопределенность границы между экономической и неэкономической областями обуславливает и неопределенность в подсчете ущерба. В наибольшей степени подсчету поддается экономический ущерб.

При определении величины ущерба необходимо оценить потери и нереализованные отходы сырья, материалов, энергии; полный комплекс затрат, связанный с хранением отходов, включая стоимость используемой земли и необходимых сооружений; дополнительные затраты общества на возмещение ущерба здоровью людей и восстановление экологически уязвимых объектов природы.

Трагический опыт Чернобыля показал, что отсутствие налаженной системы оценок ущерба и, как результат, несвоевременность принимаемых мер привели к тяжелым осложнениям здоровья людей. По уточненным данным, на ликвидацию последствий аварии Чернобыльской АЭС необходимо в ближайшие годы затратить не 6—8 млрд. рублей, как предполагалось в 1986 г., а 34 млрд.¹

Важно разграничить понятия: плата за загрязнение и плата за природные ресурсы. Плата за загрязнение окружающей среды вызвана не воспроизводством природной среды как вещественного фактора производства, а воспроизводством природной среды как общего условия производства и обеспечения жизнедеятельности человека.

В данном случае предметом труда является окружающая природная среда как совокупность природных и природно-антропогенных объектов, условий и явлений, которые оказывают непосредственное влияние на уровень жизни населения и экономические показатели функционирования народного хозяйства региона. Предметом труда становится природная среда определенного качества. Поэтому плата за загрязнение не может рассматриваться как составляющая издержек производства и должна осуществляться за счет прибыли предприятия. Это положение не всегда учитывается исследователями. Так, например, К. Г. Гофман обосновывает необходимость выделения издержек загрязнения и классифицирует их по трем признакам: затраты, связанные со снижением вредных выбросов в окружающую природную среду до нормативного уровня; затраты, связанные с компенсацией негативных социальных последствий, и затраты, связанные с возмещением потерь сырья и продуктов, которые выбрасываются вместе с газами и сточными водами. Указанные затраты обозначаются как «издержки предотвращения, издержки компенсации и сырьевые потери»². При этом ничего не говорится о влиянии природоохранных затрат на деятельность предприятия. Между тем издержки предотвращения загрязнения зависят от общего уровня развития производительных сил и не связаны с хозяйственной деятельностью предприятия. А издержки компенсации связаны с ней, поэтому их покрытие должно осуществляться за счет прибыли. Именно такой порядок предусмотрен действующим законодательством. Отсутствие должных законодательных мер наносило в недавнем прошлом существенный урон природе. Так, в 1989 г. в бывшем СССР общая сумма штрафов с виновников экологических нарушений всех видов составила всего 100 млн. рублей, а суммарный ущерб природе достиг 15—20 млрд рублей³. Основная часть этого ущерба компенсировалась государством в виде бюджетных затрат на проведение различного рода восстановительных работ, выплату компенсаций пострадавшим, на очистку территорий (акваторий) и т. п., а конкретные виновники ущерба оказались ненаказанными.

Причина такой ситуации состоит в отсутствии экономического механизма реализации ответственности предприятий за ущерб, нанесенный окружающей среде. В основу этого механизма должна быть положена многоуровневая система резервирования средств на возмещение потерь, которая существует в большинстве стран с развитыми рыночными отношениями.

Плата за загрязнение окружающей среды является основным источником образования республиканского и местных внебюджетных фондов охраны природы, направляемых на финансирование различных видов средоохранной деятельности в республике.

Помимо этих источников, финансирование внебюджетных фондов охраны природы может осуществляться за счет платы за размещение отходов, добровольных взносов населения, доходов от проведения природоохранных лотерей и других источников.

Так как методика определения обязательных и штрафных платежей за загрязнение базируется на расчете обезличенного ущерба, который наносится народному хозяйству в целом, то внесение платы за загрязнение окружающей среды не должно освобождать предприятие и от возмещения вреда, причиненного им физическим и юридическим лицам.

Поскольку денежная компенсация ущерба неравнозначна фактической ликвидации последствий экологических нарушений, следует стимулировать предприятия на возмещение причиненного им ущерба в натуре. Таким стимулом может стать наделение органов управления охраной окружающей среды правом снижать сумму штрафного платежа за загрязнение с предприятия, если оно берется ликвидировать его в установленный срок и восстановить природную среду.

Крайне неблагоприятная экологическая ситуация в республике требует принятия действенных мер по активизации рыночного механизма природопользования. Как временное, но достаточно эффективное средство активизации рыночного механизма природопользования, может быть предложен выпуск так называемых экологических акций. Обращаться эти акции могут следующим образом. Предприятие, которое за счет проведения природоохранных мероприятий, снизило выбросы вредных веществ ниже установленного ему уровня, выпускает экологические акции на сумму, которая соответствует нормативным региональным затратам на достижение данного природоохранного эффекта. Покупателями экологических акций могут быть те предприятия, которые не уложились в установленные природоохранные нормативы. Таким образом, экологические акции представляют собой гибкий инструмент перераспределения ограниченных финансовых средств для улучшения качества обитания среды в регионе.

Дополнительные возможности создаются республиканским внебюджетным фондом охраны природы для регулирования качества окружающей среды с помощью рыночной системы «торговли загрязнениями». В этом случае фонд охраны природы скупает у предприятий и резервирует квоты на выбросы. Однако для этого фонд должен предложить предприятиям более выгодные условия сделки, чем конкуренты (предприятия, организации). Подобного рода система функционирует, и довольно успешно, в США.

Главное условие, которое предъявляется и к обращению экологических акций, и к системе «торговли загрязнениями», должно состоять в допустимости такого рода сделок по экологическим критериям (не должен превышаться лимит, установленный для района). Критерий допустимости подобных сделок должен зависеть от исходной экологической ситуации в регионе — сохранение качества окружающей среды в принятых показателях измерения или соблюдения достигнутых стандартов.

По мере развития рыночной экономики часть функций по регулированию процесса природоохраны может перейти к «экологическим банкам» коммерческого типа, которые принимают вклады от предприятий в виде «излишков выбросов» и отдают в ссуду (продают) квоты на выбросы другим предприятиям.

Важным направлением более полного использования природных ресурсов является организация рынков отходов в виде бирж, которые помогут сберечь ресурсы и сократить объем направляемых в среду отходов производства, обеспечивая предприятиям экономический выигрыш. Особенностью бирж отходов является то, что товар на них должен продаваться по минусовой цене. Это значит, что продавец должен оплатить покупателю затраты на подготовку отходов к производительному потреблению. Подобная организация возможна только в случае, когда плата за размещение отходов на свалках будет больше платы, которая вносится на бирже.

Фонды охраны природы должны стать исходным звеном всей системы управления природопользованием в республике, на которой должны создаваться

дополнительные надстройки типа экологических банков, систем экологического надзора, мониторинга и т. д. Слабым местом фондов охраны природы, в особенности местных, является несбалансированность финансовых и материальных ресурсов. Недостаток мощностей строительных организаций, отсутствие лимита на материалы и мн. др. препятствуют полному использованию имеющихся средств.

Стержнем экономического механизма компенсации экономического ущерба от экологически опасных аварий в республике должна стать система страховых экологических фондов. В рамках этой системы должны существовать, дополняя друг друга, страховые фонды предприятий (источников повышенного экологического риска) и совместные страховые фонды, которые формируются в результате объединения (отраслевого или регионального) таких предприятий. Страхование может быть как обязательным (государственным), так и добровольным. В бывшем СССР не существовало добровольной системы страхования имущественной ответственности предприятий, поэтому ее создание — первоочередная задача при переходе к рыночной экономике. Необходимо законодательно закрепить свободу выбора предприятием способа возмещения экологического ущерба, а для этого разработать и принять республиканские основы законодательства об экологическом страховании.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что рынок способен выработать инструменты охраны окружающей среды от загрязнения и возмещения причиняемого ей ущерба, однако это не произойдет автоматически с помощью стихийно действующих регуляторов. Необходима система экономических, административных и правовых инструментов природоохраны, которая соответствовала бы поэтапному переходу к рынку и учитывала чрезвычайную остроту экологической ситуации в республике.

¹ См.: Известия. 1990. 26 марта. С. 3.

² Гофман К. Г. Экономическая оценка природных ресурсов в условиях социалистической экономики. М., 1977. С. 181, 189, 190.

³ См.: Гофман К. Г., Моткин Г. А. // Экономика и математические методы. 1991. № 6. С. 1005.

В. Н. БИБИЛО

МЕСТО И РОЛЬ СУДА В ОБЩЕСТВЕ

Среди государственных органов суду как органу правосудия принадлежит особое место. Проблемы правосудия в Республике Беларусь стали объектом пристального внимания не только юристов, но и широких слоев общественности. Курс на проведение судебной реформы невозможно реализовать только путем обновления законодательства. Необходимо менять традиционные принципы замещения государственных должностей, а также преобразовать систему подготовки юридических кадров. Первые шаги судебной реформы выявили ряд проблем как практического, так и научно-теоретического характера, которые требуют углубленного исследования.

Государство выступает единым субъектом государственного управления. Свои функции оно реализует через государственные органы. Если в функциях государства выражается содержание его деятельности в целом, то в функциях отдельного государственного органа — содержание относительно обособленной части деятельности. Среди разнообразных функций государства существует и такая, как охрана и защита прав человека и гражданина. В ее рамках проявляется функция правосудия, для осуществления которой предназначен суд.

Функции государственных органов сами по себе явления не юридические. Но поскольку закон возлагает на соответствующие органы выполнение тех или иных функций, то у них появляется компетенция на их осуществление. Компетенция государственного органа становится юридическим выражением его функций.

Правовая регламентация функции правосудия — не самоцель. В ее реализации возникает такое юридическое явление, как компетенция суда. Соразмерность компетенции суда его функции определяют правовые нормы, закрепленные в нормативно-правовых актах. Возложение на суд слишком широкой компетенции приведет к размыванию граней функции правосудия и осуществлению судом компетенции за ее пределами, без гарантий, которые присущи природе этой функции. В свою очередь, слишком узкая компетенция суда оставит функцию правосудия не реализованной.

Наделение суда компетенцией, отвечающей политическим, экономическим и социальным условиям жизни общества, а также требованиям научной организации труда, является одной из важнейших предпосылок эффективного использования всех возможностей государства по руководству социальными процессами.

Определяя компетенцию судов, входящих в судебную систему, государство тем самым производит «разделение труда» между ними. Важным является, чтобы суды, по возможности, имели стабильную компетенцию. Это, конечно, не означает, что их компетенция не должна меняться на протяжении длительного времени. Механизм осуществления функции правосудия должен быть гибким, способным реагировать на меняющиеся общественные отношения.

Устанавливая компетенцию суда, государство посредством правовых норм регулирует общественные отношения между государством и судом, судом и участниками судебного процесса, а также между различными судами, входящими в судебную систему. В конечном счете отношения первого и третьего вида существуют ради осуществления общественных отношений второго вида.

В действующем законодательстве, регулирующем компетенцию суда, наблюдается разноречивость в терминах, используемых при ее очерчении. В частности, закон оперирует такими понятиями, как суд «вправе», «имеет право», «может», «должен», «обязан» и др. Между тем введение в правотворческую практику унифицированных понятий для выражения одноклассных явлений — важное условие повышения юридической культуры. Пробелы в теоретических исследованиях отрицательно сказываются на законодательной технике.

Суд реализует свою компетенцию на протяжении всей своей деятельности, независимо от того, урегулирована она нормами права или иными социальными нормами. Правовые нормы, конечно, образуют основу судебной деятельности, организуют осуществление функции правосудия, придают ей определенную направленность. Но одних их недостаточно для ее выражения. В системе социального регулирования правосудия особенно важная роль принадлежит нормам морали, которые представляют собой определенную систему нормативных предписаний, в специфической форме выражающих потребности и интересы общества, групп людей, личности. По своему характеру моральные нормы неоднозначны. Одни из них прочно укоренились в сознании людей и стали их поведенческим мотивом, другие только зарождаются, третьи отживают, поскольку не поддерживаются большинством людей, четвертые, хотя и отражают моральную практику, но для их развития уже нет социальной основы. Моральные нормы обеспечиваются общественным мнением. Они ориентируют людей на добровольное их применение в качестве внутренних побуждений к совершению определенных социальных поступков или воздержанию от них. Сама же весомость норм морали в деятельности судьи зависит от многих факторов, в том числе от его возраста, стажа практической работы. Анкетирование судей показало, что в случае, если подлежащий разрешению вопрос не урегулирован нормами права, то 37,2 % судей используют нормы морали. Установлена закономерность: чем большим профессиональным опытом обладает судья, тем в значительной мере он опирается на нормы морали.

В силу диалектичности общественных отношений, судебная деятельность едина, правовая и неправовая ее стороны переплетаются между собой. Но поскольку правовая сторона в деятельности суда выступает более наглядно, рельефно, создается иллюзия будто компетенция суда распространяется только на ту часть деятельности, которая урегулирована правом. На самом же деле суд осуществляет свою компенсацию и тогда, когда наряду с нормами права он использует иные социальные нормы. Так, подготовка судьей дела к слушанию почти не урегулирована правом. Тем не менее судья не может поручить ее прокурору, адвокату или другим участникам процесса, не только потому, что именно суду предстоит разрешить дело, но и в силу того, что судья в большей мере профессионально осведомлен, как это лучше сделать. В этом смысле компетенция суда — это объем его возможностей по реализации функции правосудия.

Компетенция суда и его правоспособность близкие явления, но неоднозначные. Применительно к суду закон не употребляет термин «правоспособность», ибо в этом нет необходимости. Раз суд наделен компетенцией, то наличие его правоспособности осуществлять эту компетенцию предполагается. Правоспособность суда по сравнению с его компетенцией более статична. Компетенция подвижна. Она меняется сообразно изменениям, происходящим в обществе. Но не только в этом состоит их различие. Если компетенция — это уже имеющиеся у суда права и обязанности, то правоспособность состоит в его возможности иметь больше прав и обязанностей, чем есть. Правоспособность суда является как бы «запасной» компетенцией, ее продолжением на случай, если законом будут расширены права и обязанности, то он в состоянии их выполнить. Правоспособность состоит в возможности правообладания.

Значительная роль в обеспечении этой резервной компетенции принадлежит общим нормам права: нормам-задачам, нормам-принципам, нормам-дефинициям, нормам-презумпциям, статусным нормам. Такие нормы не говорят о конкретных правах и обязанностях суда. Тем не менее регулирующее воздействие их довольно велико. Оно проявляется прежде всего в том, что эти нормы служат правовым материалом для создания конкретных норм. Кроме того, общие нормы обладают и собственными регулятивными возможностями, которые наиболее активно реализуются в случаях наличия пробелов в законодательстве. Благодаря им возникают общие правоотношения, в рамках которых осуществляются пра-

воотношения, основанные на конкретных нормах права. Остальная судебная деятельность непосредственно исходит от общих норм права. Получается как бы двухслойная компетенция.

В системе правовых категорий компетенция суда занимает такое место, что, относясь к правам и обязанностям суда, появляется до возникновения деятельности по их реализации. Сама же судебная деятельность включает совокупность действий, совершаемых в определенной последовательности. В ее ходе реализуется судебная власть, которая существует автономно от законодательной и исполнительной.

Судебная власть в какой-то мере пассивна. Если нет спора, то нет и судебного процесса. Инициатива судебной деятельности находится, как правило, в руках заинтересованных сторон. Законодательная и исполнительная власти обладают опережающим отражением действительности, воздействуют не только на сложившиеся общественные отношения, но и учитывают их развитие в будущем. В связи с этим деятельность законодательных и исполнительных органов носит отвлеченный от конкретного случая характер. Судебная власть распространяется на конкретный случай и поэтому она должна быть в стороне от политической ответственности. Главное, чтобы суд утверждал господство права. Подчинение суда политическим событиям сделает его зависимым прежде всего от исполнительной власти.

Как же сформировать суд, чтобы он был независимым?

В последнее время в Республике Беларусь получило распространение мнение о том, что судьи всех уровней должны быть назначаемы и несменяемы. В какой-то мере это обеспечит их независимость. Но от кого? От народа, который будет полностью отстранен от участия в формировании одной из сторон государственной власти. Для упрочения независимости суда нужен дифференцированный подход к комплектованию судейского корпуса. Отправным здесь должно являться то, какие суды образуют судебную систему.

Очевидно, самым низовым судом должен быть мировой, в компетенцию которого входило бы рассмотрение дел частного обвинения, гражданских дел на небольшую сумму иска, а также дел о некоторых административных правонарушениях. Мировые суды не должны рассматривать жалобы на незаконные действия органов государства и должностных лиц, ввиду того, что подобные дела не соответствуют самой природе мирового суда, в основе которой лежит идея примерения конфликтующих сторон. Судьи мировых судов должны избираться гражданами на определенный срок.

Определение способа замещения судейских должностей в Верховном суде государства является особенно важным, поскольку он ближе всех остальных судов находится к законодательной и исполнительной власти и может своими средствами влиять на политику государства, не говоря уже о том, что путем руководящих разъяснений может воздействовать на судебную практику. Судьи высшей судебной инстанции должны обладать особой легитимностью. Поэтому применительно к ним надо использовать принцип выборности избирателями или парламентом на определенный срок.

Что касается судей остальных судебных инстанций, то они должны быть назначаемы главой исполнительной власти. Это в какой-то мере обеспечит их независимость от местных государственных и общественных структур. Именно эти суды будут рассматривать основную часть юридических дел и от качества их работы в значительной мере будет зависеть правопорядок в государстве. Глава государства будет ответственен перед обществом за допущенные судьей ошибки.

Наряду с государственными судами существуют и общественные, которые у нас принято именовать товарищескими судами. Хотя их количество неуклонно сокращается, но как явление они продолжают функционировать. В связи с этим актуален вопрос, какое место они занимают в обществе.

Товарищеские суды образуются на основе единого нормативно-правового акта, принятого высшим органом власти в государстве. Порядок их формирования одинаков, независимо от места создания, будь то предприятие, учреждение или организация. Причем ни один из них не имеет права разрабатывать свои локальные акты, которые действовали бы вместо единого нормативно-правового акта либо в дополнение к нему. Следовательно, нет оснований считать, что товарищеские суды — чисто общественное формирование. Но вопрос об образовании товарищеского суда ставится в зависимости от усмотрения граждан, а не какого-то государственного органа. Если рассматривать статус товарищеских

судов с этих позиций, то можно сделать вывод, что они занимают промежуточное положение между государством и гражданским обществом.

В отличие от государственных судов местом общественных судов должна быть сфера гражданского общества, а не государства. Органы государственной власти не имеют права принимать нормативно-правовые акты, регулирующие порядок их образования и деятельности. В правовом государстве, где большой простор для реализации индивидуальных свобод человека, то или иное сообщество людей, образующих коллектив, не может не иметь права вырабатывать такие нормы поведения, которые были бы авторитетными именно для этих людей. Локальное или корпоративное регулирование общественных отношений способно оказывать творческое воздействие на развитие всей правовой системы.

Локальные или корпоративные нормы права имеют ограниченную сферу действия, конкретизируют и модифицируют общие правовые нормы с учетом местных условий, регулируют такой комплекс общественных отношений, который не получил общегосударственного значения. Акты, которые носят такой автономный характер, не требуют утверждения государственными органами, а самостоятельно регулируют круг вопросов, специфических для данного коллектива. За его пределами они не будут иметь никакого значения. Но чтобы коллектив людей мог принимать такие локальные, корпоративные правовые акты относительно общественных судов, необходимо иметь предварительное разрешение со стороны законодательного органа. Это разрешение требуется закрепить в общегосударственном нормативно-правовом акте, в виде определения направлений децентрализованного правового регулирования вообще. Иначе будет существовать угроза, что сообщество людей превысит свою компетенцию и закрепит такие нормы права, природа которых соответствует централизованному правовому регулированию, в задачу которого входит запретить, разрешить или сделать желательными действия субъектов и определить пункты опоры этих общегосударственных положений. Промежуток между этими полюсами — предмет децентрализованного правового регулирования.

Децентрализованное правовое регулирование является строго подзаконным. Вот почему не только в процессе образования локальных, корпоративных правовых норм, но и при их применении обязательно соблюдение закона. В случае его нарушения заинтересованное лицо может обратиться за помощью в государственные органы. Нормативные же системы, основанные на принципе свободы и формального равенства, действующие в рамках очерченной общественной структуры, а также правовых обычаев, которые стихийно складываются в обществе помимо государства, не обеспечиваются государственным принуждением.

Современные товарищеские суды, носящие полугосударственный характер, будут постепенно отмирать вместе с пороками неправового государства. Их место займут общественные суды, которые переместятся в сферу гражданского общества. Укрепление правового государства, рост творческой активности личности приведут, с одной стороны, к повышению авторитета государственных судов, а с другой — к образованию истинно общественных структур.

А. Г. ТИКОВЕНКО

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В условиях активной институционализации национальной государственности на территории бывшего СССР приобретает особую важность теоретическое осмысление проблем суверенитета нации, его гарантий, соотношения с суверенитетом народа и государства. Так, провозглашение Республики Беларусь как национального государства закреплено в ее Декларации о государственном суверенитете (ст. 1), имеющей статус конституционного закона. Причем важно особо отметить отражение в указанной статье Декларации самоопределения белорусской нации, составляющей основу белорусского государства, что прежде всего свидетельствует о национальном характере происхождения последнего, подчеркивает ее первичность, приоритет перед белорусским народом, обуславливая этническую легитимацию государственной власти. Белорусская нация составляет ядро белорусского государства, сугубо культурное качественное начало в политической и государственной жизни. Государство выступает органом нации, позволяющим реализовать все ее потенции, что, однако, не исключает противо-

речий между ними в силу несовпадения целей и задач: приверженности национального начала к застойной, консервативной жизни, его недостаточной защищенности государственными институтами в условиях антикультурной агрессии так называемого рынка и подверженности государственного начала определенному динамизму, в особенности в кризисных обстоятельствах. Нация оказывает влияние на организацию и работу органов власти, своими идеями одухотворяет политические институты, интегрирует общество, ориентирует его деятельность на построение общего будущего. Как видно, нация, опираясь на общее прошлое и стремясь осуществить проект своего будущего, творит государство, стоит выше последнего, занимая в иерархии ценностей высшую ступень. При этом Республика Беларусь как государственно-юридическое олицетворение нации «охраняет и защищает национальную государственность белорусского народа» (ч. 2 ст. 1 Декларации), имеющего политическое, сугубо количественное бесклассовое многонациональное содержание, поскольку включает в себя граждан всех национальностей (ст. 2 Декларации). Преамбула и ст. 1 и 4 Закона Беларуси о народном голосовании (референдуме) понятие «народ» определяют юридически более точно, как совокупность граждан, имеющих право голоса, т. е. как коллектив избирательного корпуса¹. Поэтому государственно-политическое понятие «народ» нельзя смешивать с толпой, населением, как это делает, к примеру, В. В. Копейчиков², и в особенности с нацией. Вместе с тем не следует и противопоставлять нацию и народ, как это допускалось в советской национальной практике и марксистском государствоведении. Белорусская нация как конституированная основная, преобладающая часть белорусского народа реализует государственный суверенитет лишь совместно с представителями других народов, проживающих на территории Беларуси, что изначально обуславливает проведение национальной политики на основе равноправия, согласия всех наций и народностей, создания правовых гарантий (например, Закона о национальных меньшинствах) для их национального развития и уважения суверенных прав и интересов.

Юридические акты государственного самоопределения белорусской нации, возрождение и придание ее национальным символам — гербу «Погоня» и бело-красно-белому флагу — государственного статуса не исчерпывают национального суверенитета, а, напротив, выступают в качестве законодательной первоосновы дальнейшего его развития и институционализации. Ведь национальный суверенитет характеризует собой не только политическую, экономическую, социальную, территориальную, культурную и языковую самостоятельность нации, но и ее определяющее влияние на государственные институты, формы их деятельности, преимущественное представительство в них, индивидуальное специфическое развитие в указанных суверенных областях с целью утверждения права на уважение национальной чести и достоинства, обычаев и культуры. Важным проявлением суверенитета белорусской нации явилось наделение ее языка в 1990 г. статусом государственного (ч. 1 ст. 2 Закона о языках). Реализация национального суверенитета осуществляется на общей языковой, культурной основе многочисленными законодательными актами. Здесь прежде всего следует выделить законы о культуре и образовании³. К сожалению, несмотря на очевидную положительную направленность последнего из законов, систему принципов государственной образовательной политики в нем возглавляет принцип приоритета общечеловеческих ценностей (ст. 3), что ставит в подчиненное положение национально-культурную основу образования, является одним из препятствий формирования этнического самосознания. Кстати говоря, и в преамбуле проекта Конституции Беларуси декларируется приверженность лишь общечеловеческим ценностям.

Несмотря на постоянное сокращение доли белорусов в составе населения республики, выражение их национальной воли обеспечивается существующей мажоритарной системой выборов органов государственной власти, наметившейся тенденцией законодательного разделения последней на три известные «ветви», окончательным утверждением в практике депутатской деятельности свободного мандата, позволяющего депутату быть представителем и выразителем всей единой нации, а не определенного числа граждан «своего» избирательного округа. Ведь воля нации как органического коллективного целого, этнокультурной совокупности людей, связанных единоклассным желанием жить и строить сообщество настоящее и будущее и таким образом осуществляющих своего рода внутренний «ежедневный плебисцит»⁴, не всегда может быть выражена путем широкого полновластия народа, прямой демократии (референдума), пропорциональной избирательной системы, количественно отражающих интересы разных

наций (народностей). В условиях многонациональной классовой структуры общества, господства политических партий на практике весьма трудно осуществлять в полном объеме национальный суверенитет и национальную волю. Ныне последняя все больше ограничивается суверенитетом народа, власть которого имеет сугубо количественный, «атомистический» характер и тяготеет к непосредственной демократии. Однако основным препятствием для осуществления нацией своего полного суверенитета является, как и раньше, повсеместно поддерживаемая ортодоксальным доктринерским государствоведением тотальность государственного суверенитета, исключающая существование какого-либо национального права, народных традиций, обычаев. В частности, обесновывая необходимость верховенства, неограниченности государственной власти⁵, максимально сильные возможности деятельности законодателя⁶, авторы этих установок в определенной степени способствуют практическому сохранению государственного суверенитета в прежнем, тоталитарном качестве на республиканском уровне.

Необходимость обеспечения надежными правовыми гарантиями суверенной роли белорусского народа особенно очевидна в условиях экономической и политической нестабильности соседних государств бывшей Советской империи, их стремления сохранять «прозрачные» границы в рамках СНГ. Другое дело, можно ли реально обеспечить государственный суверенитет в традиционном, советском его понимании при высокой степени интеграции народного хозяйства республики с государствами бывшего СССР, ее финансовой и материально-ресурсной зависимости от России и других государств, ориентации национальной экономики на рыночные отношения с привлечением иностранных инвестиций, добровольном отказе от ракетно-ядерного оружия. Вместе с тем в активном практическом укреплении государством своего суверенитета, при отсутствии четкой концепции национально-государственных интересов, просматривается тоталитарная, этатистская направленность, оттеснение на задний план проблем суверенности нации, ее гарантий. Так, в Декларации о государственном суверенитете Беларуси и Законе об основных принципах народовласти основное внимание концентрируется на государственном суверенитете, раскрывается его основа и содержание, определяются роль суверенитета народа, формы его выражения и некоторые гарантии. В частности, важную гарантийную значимость для народного суверенитета имеет ст. 5 Декларации, провозгласившая, что земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Беларуси являются собственностью белорусского народа. Вместе с тем в указанных законодательных актах в недостаточной мере определены историческая судьба и значение белорусской нации, способы защиты и формы выражения ее суверенитета, пределы вмешательства тоталитарного государства в общественную жизнь. В этой связи в Декларации о государственном суверенитете или в новой Конституции Беларуси необходимо установить хотя бы соотношение суверенитетов следующим образом: «Беларусь как суверенное государство гарантирует всемерное уважение суверенитета белорусской нации, других народов, исторически проживающих на ее территории. Государственный суверенитет как важнейшая форма реализации суверенитета белорусской нации простирается лишь в границах, определяемых национальным, народным суверенитетом». Национальный суверенитет является основой государственного суверенитета, первичным по отношению к последнему и народному суверенитету. Однако в преамбуле Закона о статусе народного депутата Беларуси приоритетным, ведущим «принципом депутатской деятельности является осуществление суверенитета Республики Беларусь»⁷. Гражданство Беларуси определяется как «принадлежность лица к государству» (ст. 1 Закона о гражданстве), что подчеркивает тотальность государственного суверенитета, изначально придает отношениям граждан с государством неравный характер, вроде собственника с вещью. Преамбула проекта белорусской Конституции, начинающаяся словами: «Мы, народ Республики Беларусь...» также подчеркивает принадлежность граждан государству. В таком традиционном, этатистском мировоззрении есть логика. Ведь территория проживания народов исторически была в исключительной собственности государства, выступала непосредственным предметом, объектом его власти, что позволяло последней обладать ею как вещью вместе с ее придатком — населением, распоряжаться по своему усмотрению «землёю и людьми», не замечая существования национального или безразлично относясь к нему. Практика Российского самодержавия и Советской власти дали в этом отношении достаточно примеров. Тотальное непосредственное господство советского государства над своей территорией,

характерное для средневековой патримониальной (вотчинной) власти, находило обоснование в государствоведческой мысли, усматривающей в нем отличительную черту территориального верховенства⁸, а ныне получает дальнейшее укрепление в достаточно противоречивой законодательной практике. К сожалению, и в проекте белорусской Конституции территория Беларуси рассматривается в качестве основы (!) государственного суверенитета (ст. 13), а не как самостоятельная конституционно-правовая категория. Территория является элементом нации, единственной средой ее существования и развития и должна принадлежать ей и другим народам по праву неотчуждаемой собственности. В этом — залог независимости территории от государства, свободного развития проживающих на ней народов, основа национального и народного суверенитета, важнейший предел агрессивной деятельности государственной власти. При этом существование территории в качестве элемента государства возможно лишь как опосредованное проявление национального или народного суверенитета. Государственная территория должна выступать только пространственным пределом властвования, опосредованного господства государства, а не исключительным объектом, предметом его собственности, обладания.

¹ С.: Народная газета. 1991. 17 июля.

² См.: К о п е ч и к о в В. В. Народовластие и личность. Киев, 1991. С. 45—46.

³ См.: Народная газета. 1991. 26 червня; 26 листопада.

⁴ См.: Р е н а н Э. Что такое нация. Спб., 1886. С. 39.

⁵ См.: Национальная государственность союзной республики. Киев, 1991. С. 108, 112;

Ш а б а й л о в В. И. // Белорусская ССР: статус, достижения, развитие. Мн., 1989.

⁶ См.: С и л ь ч е н к о Н. В. // Сов. государство и право. 1991. № 8. С. 19, 23.

⁷ Народная газета. 1991. 27 марта.

⁸ См.: Ш е в ц о в В. С. Суверенитет Советского государства. М., 1972. С. 96 и далее.

Д. М. ДЕМИЧЕВ

КОМПЕТЕНЦИЯ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В УСЛОВИЯХ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

Функции и содержание деятельности местных органов государственной власти проявляются прежде всего при реализации ими компетенции. На наш взгляд, наиболее удачно дано определение понятия «компетенция» К. Ф. Шереметом и О. Е. Кутафиним. Они определяют ее как правовое средство разделения труда между государственными органами по осуществлению власти, как юридическое выражение конкретных функций государственного органа и как сложную правовую категорию, структура которой складывается из предметов ведения, прав и обязанностей. Причем все составные части компетенции обладают внутренним единством и согласованностью¹.

В зависимости от изменения общественной жизни, различных обстоятельств, задач и политики государства изменяется и компетенция местных советов. Четкое научно обоснованное определение компетенции и ее реализации советами обеспечивают правопорядок и стабильную жизнь. Это требует от высших органов государственной власти постоянного наблюдения и оперативного уточнения компетенции каждого подведомственного органа.

После аварии на Чернобыльской АЭС советы оказались в чрезвычайных условиях. Жизнь требовала безотлагательного решения многих сложных вопросов, не регулируемых нормативными актами. Тем не менее ни Верховный Совет СССР, ни Верховный Совет БССР не проявили активности и оперативности в обновлении компетенции местных советов, оказавшихся в экстремальных условиях. Местные советы были вынуждены сами определять важнейшие направления своей деятельности, исходя из складывающейся обстановки, требований штабов гражданской обороны и правительственных комиссий.

Осуществляя свои полномочия по организации защиты населения от радиоактивного облучения, местные советы Гомельской и Могилевской областей, территории которых в наибольшей степени подверглись радиоактивному загрязнению, после 26 апреля 1986 г. оперативно провели комплекс соответствующих организационных, технических, медико-профилактических, санитарно-гигиенических и других первоочередных мер. В качестве первоочередных мер, осуществленных местными советами Брагинского, Наровлянского и Хойникского

районов Гомельской области, расположенных в непосредственной близости от Чернобыльской АЭС, были: выявление обстановки, масштабов воздействия последствий аварии и поражающих факторов с целью принятия обоснованных решений, защита и спасение людей и животных, а впоследствии обеззараживание очагов радиоактивного загрязнения. Для изучения радиационной обстановки в срочном порядке была налажена радиометрическая разведка, было развернуто 62 поста радиационного и химического наблюдения. Все гидрометеостанции, расположенные на территории Гомельской области, по решению облисполкома со второй половины дня 26 апреля стали осуществлять ежечасное измерение мощностей гамма-излучения².

По решению исполкома Хойникского районного Совета народных депутатов в колхозах «Новая жизнь» и «1 Мая», находящихся в пяти километрах от атомной станции, с 28 апреля были прекращены все полевые работы и пастьба скота, проведена герметизация помещений. Животные были переведены на стойловое содержание.

В связи с усложнением радиационной обстановки, вызванной продолжавшимися выбросами радиоактивных веществ из разрушенного реактора и изменением направления движения воздушных масс, исполком Гомельского областного Совета, не ожидая указаний правительственной комиссии СССР и санкции Минздрава СССР (как это предусматривалось существовавшим в то время порядком), принял решение об эвакуации с 1 мая детей в возрасте до 15 лет, беременных женщин и больных из 25 населенных пунктов Крюковского и Колыбанского сельских советов Брагинского, Довлядовского сельского совета Наровлянского и Радинского сельского совета Хойникского районов, расположенных в 30-километровой зоне³. В тот же день они были размещены в домах отдыха, профилакториях, пионерских лагерях на территории Гомельской области, не затронутой радиацией.

В соответствии с решением правительственной комиссии СССР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС перед Гомельским облисполкомом была поставлена задача эвакуировать все население и скот из расположенных в 30-километровой зоне атомной станции 50 населенных пунктов Брагинского, Наровлянского и Хойникского районов. Для организации эвакуации исполком облсовета направил в южные районы области 75 сотрудников аппарата и группу народных депутатов. В ходе этой кампании расширилась компетенция областного совета и особенно его подразделений: возникли новые и обновлялись прежние их функции. За каждым сельским советом, населенным пунктом, хозяйством были закреплены члены исполкомов областного, районных советов, народные депутаты, наделенные определенными полномочиями.

Местные советы заботились о создании необходимых условий для жизни и быта эвакуированного населения, трудоустройства людей, возобновлении производственных процессов. Прием и размещение эвакуированных производились специально сформированными исполкомами сельских советов комиссиями.

В первой декаде мая 1986 г. состоялись совместные сессии эвакуированных Радинского и Оревичского сельских советов Хойникского района с принявшим их Дворишанским сельским советом, обсудившие задачи советов по нормализации жизни и деятельности эвакуированного населения. Принятые ими решения способствовали мобилизации советов, их исполкомов и постоянных комиссий, депутатского корпуса на реализацию поставленных жизнью необычных задач.

Компетенция сельских и поселковых советов расширилась в связи с необходимостью проведения в этот период оценки оставленного населением домов, надворных построек, личного имущества, а также всего общественного и государственного фонда. Исполкомы сельских советов, депутаты, актив совместно с финансовыми органами на основании разработанной инструкции по оценке и оплате строений, других ценностей, посевов и плодово-ягодных насаждений, находящихся до эвакуации в личной и общественной собственности, провели большую работу в этом направлении. На основании документов, составленных общественными комиссиями, эвакуированному населению и колхозам области за счет средств Госстраха республики было возмещено за утраченные строения, имущество, другие ценности более 103 млн рублей⁴.

Под руководством местных советов Гомельской и Могилевской областей осуществлялась медицинская помощь пострадавшему населению. С этой целью были привлечены медицинские работники местных амбулаторий,

ФАПов, поликлиник и больниц, а также медицинские бригады из других городов, районов области и Гомеля.

Местные советы и подчиненные им штабы ГО устанавливали порядок и очередность проведения дезактивации, связанных с ней работ по комплексному благоустройству населенных пунктов, созданию нормальных условий для жизнедеятельности людей, функционирования объектов народного хозяйства. Осуществление дезактивационных работ поставило перед местными советами совершенно новую проблему — сбора и захоронения значительного количества радиоактивных отходов (зараженного грунта, травы, кустарников, деревьев, старых строений и т. д.). К тому времени не существовало еще организационных, инженерно-технических решений или рекомендаций на этот счет. По инициативе местных советов Гомельской, а затем и Могилезской областей в июне 1986 г. на территории республики был осуществлен выбор мест и начато строительство пунктов захоронения отходов дезактивации (могильников). После окончания дезактивационных работ населенные пункты, объекты, участки принимались специальной комиссией с участием руководящих работников местных советов и передавались местным органам по акту с приложением данных радиометрического контроля.

Существенно расширилась компетенция местных органов власти в такой сфере, как морально-психологическая обстановка. Главным здесь было компетентно объяснить обстановку, довести до сознания людей понимание важности и ответственности работ, связанных с необходимостью их эвакуации, расселения и оздоровления. В сложившейся длительной жизнеопасной ситуации большое количество людей подверглось сильным психогенным воздействиям, осложненным еще и стресс-факторами (утрата дома, имущества, изменение обычного жизненного уклада). От представителей государственной власти требовалось нестандартное воздействие на людей с целью достижения психологической устойчивости. Местные советы совместно с общественными организациями постоянно изучали общественное мнение, настроение людей, морально-психологический климат в трудовых коллективах, семьях. Необходимо было знать и доводить до сознания людей решения правительственной комиссии, штабов по ликвидации последствий аварии, ускоренно овладевать определенной суммой специальных знаний по вопросам радиации, радиофизики, радиобиологии, медицины. Огромную роль в этом сыграл авторитет органов местной власти, достойное в большинстве случаев поведение руководителей советов, народных депутатов, актива.

Таким образом, совершенствование компетенции местных советов в зоне радиоактивного загрязнения в первоначальный период проходило в какой-то мере стихийно, по их инициативе, а также под влиянием требований штабов гражданской обороны, органов здравоохранения. Этот процесс проходил, по существу, без определяющей роли Верховного Совета республики как органа, регламентирующего в соответствии с законодательством компетенцию нижестоящих советов.

Как показывает анализ, и сегодня значительная часть жизненно важных вопросов ликвидации последствий аварии решается медленно. Это во многом связано с недостаточной разработанностью правового статуса местных органов государственной власти.

Складывающиеся обстоятельства требуют незамедлительного обновления законов о местных советах Республики Беларусь, закрепляющих четкую регламентацию их прав и обязанностей применительно к областям, сферам, объектам управления и руководства, а также характер предметов ведения, которыми им надлежит заниматься с учетом условий ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Необходимо наделить местные органы государственной власти такой компетенцией, которая наилучшим образом отвечала бы экономическим и социальным условиям пострадавших от чернобыльской катастрофы регионов республики.

¹ См.: Шеремет К. Ф., Кутафин О. Е. Компетенция местных советов депутатов трудящихся. М., 1976. С. 13; Кутафин О. Е., Шеремет К. Ф. Компетенция местных советов. М., 1986. С. 31.

² См.: Советская Белоруссия. 1990. 19 июня.

³ См.: Текущий архив Гомельского облисполкома за 1986 г.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)*

На працягу 1991—92 гг. наш часопіс знаёміў чытачоў з праграмнымі дакументамі асноўных палітычных партый дзевянаццвятай Расіі, што дзейнічалі тагасам і на Беларусі. Але на Беларусі меліся перш-наперш свае, беларускія, палітычныя арганізацыі і найбольш вядомая сярод іх — Беларуска-Сацыялістычная Грамада (Б.С.Г.), створаная ў 1902 г. на аснове нацыянальна-культурных гурткоў беларускай моладзі. Яна аб'ядноўвала інтэлігенцыю, шляхту, сялянства, уваходзілі ў яе арганізацыі і рабочыя. Друкаванымі органамі грамады былі спачатку «Наша доля», а потым «Наша ніва». У 1907 г. партыя была распушчана, узнавіла сваю дзейнасць пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. Аднак неўзабаве ўнутры Б.С.Г. ўзнікла размежавальная плынь, што ўжо ў 1918 г. прывяло да яе распаду і стварэння некалькіх новых палітычных партый.

У гэтым нумары часопіс публікуе дзве праграмы Б.С.Г. Першая з іх была прынята I з'ездам у 1903 г. і ўдакладнена II з'ездам у 1906 г. Другая праграма прынята III з'ездам у 1917 г.¹

Процовитая беднота усих краёў, злучайся.

ПРОГРАММА БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРОМАДЫ²

«Белорусская Социалистическая Громада», организуя «процовиту бедноту» Белорусского Края без различия национальностей, имеет конечной целью замену капиталистического строя социалистическим, замену частной собственности на орудия производства и обращения — общественною, для организации общественного производства.

Признавая, что главным врагом всех освободительных стремлений «процовитой бедноты» в России является царское самодержавие, Б.С.Г. считает своей ближайшей политической задачей ниспровержение самодержавия, выступая в борьбе за осуществление этой задачи совместно с пролетариатом всей России.

Стремясь заменить самодержавный строй Российского Государства Федеративно-демократическою республикою с свободным самоопределением и культурно-национальною автономией народностей, входящих в состав государства, Б.С.Г. выставляет требование автономии Белорусского Края с местным сеймом в Вильне.

Демократическая Республика должна опираться на следующие основания: 1) Законодательная власть народа, как санкция и как инициатива: сосредоточение верховной власти в руках законодательного собрания. 2) Всеобщее, прямое, равное избирательное право; тайное голосование при выборах, пропорциональные выборы. 3) Самое широкое областное, местное и т. п. самоуправление. 4) Рав-

* Раздел вядзе прафесар У. К. Коршук.

ные права для всех народностей, живущих на одной территории (культурно-национальная автономия). 5) Равноправие всех граждан без различия пола, религии, национальности и расы; уничтожение сословий. 6) Выборность чиновников. 7) Даровый суд, выборные судьи; подсудность чиновников. 8) Полная свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек и забастовок. 9) Неприкосновенность личности и жилища. 10) Даровое полное обязательное образование для всех за счет государства. 11) Уничтожение постоянного войска, всеобщее ополчение народа. 12) Уничтожение всех косвенных налогов, установление прогрессивного налога на доходы и наследства.

В целях охраны рабочего класса Б.С.Г. стремится осуществить следующие требования:

- 1) Установление 8-часового дня — кроме исключительных случаев в деревне.
- 2) Установление минимума платы за работу.
- 3) Одинаковая плата мужчинам и женщинам за одинаковую работу.
- 4) Воспрещение ночного труда в принципе.
- 5) Безусловное воспрещение ночного труда для женщин.
- 6) Воспрещение предпринимателям пользоваться трудом детей до 14 лет; ограничение рабочего времени для подростков (от 14 лет до 18 лет 6 часами в день).
- 7) Еженедельный отдых от работы не менее 42 часов без перерывов.
- 8) Воспрещение выдачи заработной платы товарами, по крайней мере еженедельная выдача заработной платы в рабочее время.
- 9) Гигиенические условия труда.
- 10) Даровая врачебная помощь.
- 11) Государственная страховка рабочих от несчастных случаев, болезни, старости и недостатка работы.
- 12) Фабричная и сельская инспекция, избираемая рабочими.
- 13) Охрана отхожих работников.
- 14) Биржи труда и секретариат работников.
- 15) Свобода стачек и забастовок.

Принимая во внимание: 1) что невозможное, тяжелое положение безземельных и малоземельных трудящихся масс сельского населения, являющееся следствием недостатка земли и бесправия и основанная на этом эксплуатация и земельная кабала, привлекли к неуперизму (об'единению) со всеми его преследованиями и 2) что для выхода из этого положения и развития производительных сил страны необходима коренная аграрная реформа, расширяющая прежде всего землепользование малоземельных сельских трудящихся масс, Б.С.Г., стремясь к переходу всей земли в общественную собственность, выставляет в момент революционной реорганизации государственного строя на демократических началах с самым широким областным и местным самоуправлением — требование следующей аграрной реформы:

- 1) Образование областных земельных фондов из казенных, удельных, кабинетских, церковных, костельных, монастырских и частно-владельческих земель.

- 2) Малоземельным и безземельным, трудящимся на земле, необходимо прежде всего открыть свободный доступ к земле для жизненного пользования; преимущество на пользование участком общественной земли, оставленной землевладельцем по неработоспособности, смерти и прочее, предоставляется его ближайшим сотрудникам. Доступ к земле по возможности должен быть обеспечен материальной поддержкой нуждающимся в ней для заведения хозяйства.

- 3) Земельная рента должна быть собственностью края и перейти в пользу самотрудящихся областных организаций.

- 4) Областные государственные организации определяют форму и порядок конфискации земель.

- 5) Мелкие самоуправляющиеся организации определяют количество земли, нужное для обеспечения трудящихся на земле. Б.С.Г. требует перехода на общественную собственность лесов, пастбищ и водяной силы.

Для осуществления всех указанных выше политических и социальных преобразований Б.С.Г. считает необходимым при революционном низвержении самодержавия созыв Учредительного Сейма для Белорусского края на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права.

**ПРОГРАММА
БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРОМАДЫ³**
(принята III партийным съездом 14—25 октября 1917 года в Минске)

Белорусская Социалистическая Громада имеет своей конечной целью осуществление социалистического строя посредством развития международной классовой борьбы и социальной революции.

В ближайшее время Белорусская Социалистическая Громада требует следующих реформ:

(ПРОГРАММА МИНИМУМ)

В политическом строе

§ 1. Свобода слова, печати, собраний, обществ и союзов; неприкосновенность личности, жилища, переписки; свободный выбор профессии; свобода совести.

§ 2. Равноправие всех граждан без различия пола, сословия, национальности и религии.

§ 3. Всеобщее, прямое, равное, тайное и пропорциональное избирательное право для каждого гражданина, достигшего 18 лет, без различия пола, при выборах в законодательные учреждения и в органы местного самоуправления.

§ 4. Непосредственное участие самого народа в законодательстве: право законодательной инициативы, введение референдума для решения наиболее важных вопросов.

§ 5. Установление в России Демократической Федеративной Республики.

§ 6. Автономия территориальная и персональная для всех национальностей; автономия областей и общин, выделяющихся экономическими и бытовыми условиями.

§ 7. Установление международного суда для разрешения споров между государствами.

§ 8. Отмена военной службы и установление вместо войска всенародного ополчения с территориально-национальной системой военной службы и набора.

§ 9. Всеобщее, обязательное и бесплатное обучение всех детей во всех школах; оплата их содержания, пока они находятся в школе.

§ 10. Выборность администрации местными жителями; ответственность ее перед судом и сменяемость по требованию народа.

§ 11. Выборность судей; бесплатный суд и защита; вознаграждение невинно осужденным; уничтожение смертной казни во всех судах.

§ 12. Отделение церкви от государства; светское обучение в школах, религия — частное дело каждого человека.

В экономическом строе

§ 13. Немедленное запрещение купли и продажи земли.

§ 14. Вся земля переходит без выкупа во всенародное владение.

§ 15. Земля наделяется в пользование только тем гражданам, которые собственноручно на ней работают; размер наделения — не выше трудовой нормы и не ниже продовольственной.

§ 16. Специальный налог на наиболее доходную землю (урожайную, подгородную и т. д.) таких размеров, чтобы уравнивать оплату труда на бедной и богатой земле (конфискация поземельной ренты).

§ 17. Всем земельным устройством в Белоруссии должна руководить Белорусская Краевая Рада, избранная всем народом через посредство всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального голосования. Рада заведует сама участками для переселения, а всю остальную конфискованную землю передает в распоряжение местных органов самоуправления.

§ 18. Переход без выкупа всех лесов, рек, озер и недр земли во всенародное владение в распоряжение Краевой Рады.

§ 19. Помощь организации и развитию производительной кооперации; пропаганда идеи социализации всего производства через школу и внешкольное образование.

§ 20. Широкая поддержка и распространение кооперативных организаций: потребительных обществ, кредитных, товариществ и др.

§ 21. Рабочий день — 8-часовой и меньший в тех предприятиях, где это необходимо; еженедельный отдых не менее 42 часов, определенный минимум заработной платы.

§ 22. Полное запрещение сверхурочной работы; запрещение ночного труда (с 9 час. веч. до 6 час. утра), кроме тех случаев, когда на такой труд дадут согласие рабочие организации ввиду технической необходимости.

§ 23. Запрещение детского труда до 16 лет. Максимальный шестичасовой рабочий день для рабочих от 16 до 18 лет.

§ 24. Запрещение женского труда в отраслях, где труд вреден для женского организма. Освобождение от работы в течение 4-х недель до родов и 6 недель после родов с сохранением заработной платы за это время и бесплатной медицинской помощью. Отпуска во время работы сколько будет нужно, чтобы кормить дитя грудью.

§ 25. Свобода и безнаказанность забастовок; сохранение заработной платы за все время забастовки; заводской или промысловый суд, избираемый рабочими.

§ 26. Выборная инспекция для надзора за фабриками и заводами. Выборная медицинская комиссия для надзора за тем, чтобы работники жили и работали в здоровых помещениях.

§ 27. Основание бирж труда и передача управления ими в руки рабочих.

§ 28. Установление уголовной ответственности капиталистов за нарушение законов по охране труда.

§ 29. Широкая помощь профессиональным союзам и обществам, обслуживающим трудовой народ.

§ 30. Государственное обеспечение лиц, не способных к труду; государственное страхование от безработицы, несчастных случаев и профессиональных болезней.

§ 31. Введение прогрессивного налога на доходы и наследства. Отмена косвенных налогов, кроме налогов на предметы роскоши.

По национальному вопросу

Так как социальные и политические реформы могут быть успешно и прочно проведены в жизнь только при значительном повышении культурного уровня народных масс, то Белорусская Социалистическая Громада считает необходимым:

§ 32. Широкое развитие Белорусской национальной культуры, как единственный путь к развитию общественности и общему поднятию культуры масс в Белоруссии.

§ 33. Законодательное признание права белорусского языка на развитие и употребление в школе, суде, административных и общественных учреждениях Белоруссии.

§ 34. Полное самоуправление (автономия) Белоруссии с законодательным органом Краевой Радой, избранной на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права для местного законодательства, разработка и развитие законов, издаваемых Российским Парламентом.

§ 35. Отсутствие таможенных границ между Белоруссией и другими частями Российской Федерации.

§ 36. Полное политическое и экономическое равноправие для всех национальностей, живущих на территории Белоруссии.

¹ Праграмы друкуюцца на мове арыгінала.

² Польмя. 1925. № 5. С. 158-161.

³ Издание «Белорусской центральной войсковой рады». Мн., 1917, ноябрь. (Текст праграмы прадставіў Н. С. Сташкевіч.)

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР
ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ
(Перевод с немецкого)¹

От переводчика

Работа «Понятие времени» принадлежит к числу ранних работ крупнейшего мыслителя XX в. Мартина Хайдеггера и представляет собой доклад, с которым философ выступал перед теологами г. Марбурга в 1924 г. Чем интересна сегодня эта ранняя работа? С одной стороны, этот период творчества Хайдеггера наименее известен нашему читателю и данный перевод в какой-то степени может способствовать устранению этого пробела. Тут мысль Хайдеггера еще не обращена к «эзотеричности», известной по работам, последовавшим за его «поворотом» к поэтической когнитивности. Хайдеггер еще не далек от метафизически истолкованного сциентизма, о чем свидетельствуют неоднократные отсылки к авторитету Эйнштейна и физики вообще. Хотя эти апелляции и не служат верифицированию его мысли, но сам факт возможности, по крайней мере, оттолкнуться от естествознания достаточно показателен.

С другой стороны, в этой четко тематизированной, небольшой по объему и в силу этого синкретичной работе имплицитно содержатся некоторые концептуальные эмбрионы, подробно разработанные затем в других работах и, в частности, в «Бытии и времени». (Отметим, что понятие времени всегда привлекало особое внимание Хайдеггера и в заглавии главного труда именно время было поставлено рядом с главнейшим понятием мышления Хайдеггера — бытием). Эта компактность хотя и не дает возможности составить сколько-нибудь полное представление о «Бытии и времени» или других крупных работах, но имеет преимущество предварительного, «пилотажного» ознакомления с проблематикой периода первой половины творчества Хайдеггера, достоинство взгляда «с высоты птичьего полета».

И, наконец, «ранность» этой работы совсем не однозначна ее «незрелости». Здесь репрезентативно представлены самобытный язык Хайдеггера, оригинальность и глубина проработки затрагиваемых проблем.

В. В. Сафронов

ПОСЛЕДУЮЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ПОСВЯЩЕНЫ ВРЕМЕНИ.

ЧТО ЕСТЬ ВРЕМЯ?

Если время обретает свой смысл в вечности, то оно должно и пониматься из нее. Тем показывается исход и путь этого поиска: от вечности ко времени. Эта постановка вопроса в порядке вещей при том условии, что мы располагаем вышеуказанным исходом, то есть знаем и достаточно понимаем вечность. Если вечность должна быть чем-то другим, чем пустое всякобытие (*Immersein*), $\alpha\epsilon\iota^2$, если Бог должен быть вечностью, тогда упомянутый способ рассматривания времени должен долго оставаться в некотором затруднении, как не знающий о Боге, не понимающий вопрошания к нему. Если подступ к Богу есть вера и соотнесенность с вечностью — ничто иное как эта вера, тогда философия никогда не будет обладать вечностью, и последняя, таким образом, никогда не может быть взята как возможное основание для дискуссии о времени в методическом применении. Это затруднение для философии никогда не устранимо. Так разве что теолог есть настоящий ценитель времени; и если память не изменяет, теология постоянно имеет дело со временем.

Во-первых, теология говорит о человеческом существовании³ (*Dasein*) как о бытии перед Богом, о его временном бытии по отношению к вечности. Сам Бог не нуждается в теологии. Его экзистенция основывается не на вере.

Во-вторых, христианская вера в Него сама должна иметь отношение к чему-то, что происходило во времени, — как мы слышали о времени, о котором говорится: оно было временем, «когда пришла полнота времени...»⁴

Философ не верит. Если философ спрашивает о времени, значит, он решился понять *время из времени*, иначе из $\alpha\epsilon\iota$, которое выглядит как вечность, но выявляется, однако, только как голое производное временного бытия.

Нижеследующее обсуждение не является теологическим. Теологическое обсуждение времени — и вам не надо смущаться таким его пониманием — может иметь только тот смысл, чтобы задаться вопросом о вечности, чтобы его подготовить и, собственно, правильно

поставить. Но это сочинение также и не философское, поскольку оно не претендует на общее законосообразное определение времени, каковое (определение) должно соответствовать взаимосвязи с другими категориями.

Предлагаемые соображения принадлежат, возможно, *преднауке*, дело которой заключается в следующем: разобраться, что с чем: что говорят философия и наука и что говорит истолковывающая речь существование о нем самом и о мире, что, в конце концов, здесь может быть подразумеваемо. Если нам станет ясно, что есть часы, тогда проявится образ схватывания, укорененный в физике, и тем самым способ, которым время получит возможность проявиться. Преднаука, внутри которой совершается это рассматривание, питается тем, возможно, своенравным предположением, что философия, как и наука, развивается через понятия. Ее возможность основана на том, что каждый исследователь уясняет себе то, что он понимает и что он не понимает. Она отвечает, своим ли делом занят исследователь, или живет древним и истертым буквоедством. Такое расследование есть словно наряд полиции при процессии наук, однако обусловленный иногда неотложным делом, как полагают некоторые. Отношение преднауки к философии является разве что сопутствием для совершения обыска у древних, что они сами, собственно, и делали. С философией последующие соображения имеют ровно столько общего, чтобы не быть теологией⁵.

Сначала рассмотрим предварительные ссылки на время, встречающиеся в повседневности, на природное и мировое время. Интерес к тому, что есть время, снова оживился в связи с осмыслением в физических исследованиях основных принципов осуществляющегося здесь схватывания и определения: измерение природы в пространственно-временной системе соотносительных понятий. Нынешнее состояние этого исследования зафиксировано в эйнштейновской теории относительности. Несколько положений оттуда: пространства-в-себе нет; нет абсолютного пространства. Оно существует только благодаря содержащимся в нем телу и энергии. (Старое аристотелевское положение). Времени тоже нет. Оно существует только вследствие разыгрывающихся в нем событий. Нет абсолютного времени, нет также абсолютной одновременности. За деструктивной частью этой теории легко упускают из виду тот позитив, что она прямо доказывает инвариант уравнений, описывающих природные процессы, по отношению к любым трансформациям.

Время есть то, в чем разыгрываются события⁶. Так это виделось уже Аристотелю в связи с основным способом существования природного бытия: изменение, перемена места, передвижение: «следовательно, время есть или движение, или нечто, связанное с движением»⁷. Тут оно есть не само движение, но должно как бы иметь дело с движением. Время встречается сначала в изменчивом сущем; изменение существует во времени. Что есть в этом способе встречи, а именно, изменение чего обнаруживает время? Имеется ли оно здесь как само по себе в том, что оно есть? Сможет ли экспликация времени, которая здесь начинается, иметь гарантию, что время тем самым как бы откроет фундаментальные феномены, которые оно определяет в собственном бытии? Или при отыскании основания феноменов нужно ссылаться на что-то другое?

Чем представляется время физику? В его восприятии время имеет характер измерения. Измерение указывает, как долго и когда, отскольки-до-скольки. Часы показывают время. Часы есть физическая система, в которой постоянно повторяется равная временная последовательность под воздействием внешнего влияния. Повторение циклично. Каждый период имеет равную временную продолжительность, к которой всегда можно вернуться. Делить протяжение продолжительности можно как угодно. Часы измеряют время в той мере, в какой протяженность продолжительности событий сверяется с равными последовательностями состояний и численно многократно определяется.

Что мы знаем без часов о времени? Время есть что-то, в чем любая наносекундность может фиксироваться как существующая всегда между двумя различными точками времени — одна раньше, другая позже. Причем ни одна наносекундность не отличается от другой. Она как Сейчас

есть возможное Предыдущее Последующего, как Последующее Последовавшего Раньше. Это время сплошь однородно, гомогенно. Только поскольку время конституируется гомогенно, оно измеримо. Время есть такое развертывание, стадии которого стоят друг к другу в отношении Раньше и Позже. Каждое Раньше и Позже определимо из Сейчас, которое, однако, само произвольно. Если подходить с часами к событию, то часы делают событие более ясным относительно его протекания в Сейчас, чем относительно многократной его продолжительности. Первичное определение, какое дают часы в каждом случае, есть не указание многодлительности, многократности теперешнего текущего времени, а соответствующая фиксация мгновения. Когда я вынимаю часы, то первое, что я говорю: «Сейчас 9 часов, 30 минут с тех пор, как это произошло. Через три часа — двенадцать».

Время сейчас, когда я смотрю на часы: Что есть это Сейчас? Сейчас, когда я это делаю; сейчас, когда здесь как будто излучается свет. Что есть Сейчас? Располагаю ли я Сейчас? Есть ли я Сейчас? Каждый другой есть ли Сейчас? Пусть же Я сам был бы временем и пусть каждый другой был бы временем — никто и каждый. Есть ли я Сейчас или только тот, кто говорит? С явными часами или без? Сейчас, вечером, утром, этой ночью, сегодня: здесь мы сталкиваемся с часами, которыми издавна обзаводилось человеческое существование, природными часами смен дня и ночи.

Какое обстоятельство способствовало тому, что человеческое существование приуготовило себе часы уже прежде всех карманных и солнечных часов? Располагаю ли я бытием времени и полагаю ли я себя в Сейчас? Есть ли я сам Сейчас и есть ли мое существование — время? Или, в конце концов, это само время приготавливает себе часы в нас? У Августина в XI книге его «Confessiones» есть до сих пор гонимый вопрос: не есть ли душа само время. И Августин задается здесь этим вопросом: «В тебе, душа моя, измеряю я времена; и ты не круши меня требованием уяснить эту тайну, и не томи себя различными недоумениями и предположениями. Да, еще раз повторяю, в тебе измеряю я времена; и когда измеряю их, то измеряю не самые предметы, которые проходили и прошли уже безвозвратно, а те впечатления, которые они произвели на тебя. Сами предметы прошли и не стало их, впечатления же остались в тебе и их-то я измеряю, как присущие мне образы, и это значит, что я измеряю времена»⁸. Другими словами: «В тебе, моя душа, измеряю я времена; тебя измеряю я, как измеряю время. Приди ко мне без неуместного вопроса: как же это? Не побуждай меня фальшивым вопросом отводить от тебя взор. Приди к себе самой без блужданий в пути по поводу того, что тебя самой может касаться. В тебе, говорю я, снова и снова измеряю время; преходящие, случающиеся вещи приносят тебя в пребывание, которое остается, между тем как те исчезают. Пребывание измеряю я в теперешнем существовании, а не вещи, которые преходят, дабы оно возникло. Само свое местонахождение (Michbefinden) повторяю, измеряю я, когда измеряю время»⁹.

Вопрос о том, что есть время, на наш взгляд, относится к существованию, если существование полагается сущим в своем бытии, которое мы знаем как человеческую жизнь; это сущее в данности (Jeweiligkeit) своего бытия, сущее, которое есть каждый из нас, которое каждый из нас встречает в фундаментальном выражении: Я есть. Выражение «Я есть» — собственное выражение бытия характера существования людей. Это сущее есть в данности как свое собственное.

Однако нужно ли это подробное рассуждение, чтобы приблизиться к существованию? Не достаточно ли ссылки, что акты сознания, душевные движения существуют во времени даже тогда, когда эти акты обращены к чему-то, что само определяется не временем? Есть и обходной путь. Однако вопрос о времени состоит в том, чтобы получить такой ответ, из которого временное бытие будет понято вами разными способами, и в том, чтобы с самого начала сделать очевидным возможную связь того, что есть во времени, с тем, что представляет собой собственно Временность.

Природное время как издавна известное и изученное до сих пор давало основание для его экспликации. Если во времени, в указанном смысле, должно быть человеческое бытие, то оно должно быть охарактеризовано

в основных определениях этого бытия. И в таком случае должно быть так, что временное бытие (правильно понятое) есть фундаментальное выражение существования относительно своего бытия. Однако в этом случае тоже требуется вышеупомянутое определение некоторых основных структур самого существования.

1. Существование есть сущее, характеризуемое как *бытие-в-мире* (In-der-Welt-sein). Человеческая жизнь не какой-то субъект, который должен сделать какой-то фокус, чтобы прийти в мир. Существование как *бытие-в-мире* подразумевает: быть таким способом в мире, чтобы это бытие означало обходить (umgehen) с миром; пребывать в нем в способе исполнения, осуществления, оканчивающего, но также рассматривающего, опрашивающего; рассматривающего, сравнивающего определения. Бытие-в-мире характеризуется как *озабоченность* (Besorgen)¹⁰.

2. Существование как бытие-в-мире существует в первую очередь, чтобы *быть-друг-с-другом* (Mit-einander-sein), быть с Другими, иметь в распоряжении один и тот же мир, встречать друг друга, быть друг с другом способом Быть-друг-для-друга. Но это существование есть одновременно наличное присутствие для других, а именно так, как если бы здесь был какой-нибудь камень, не стремящийся владеть миром и не озабоченный им.

3. Быть друг с другом в мире, иметь его друг с другом является отличительным определением бытия. Основной способ существования мира, которым совместно распоряжаются, есть *говорение* (Sprechen). Говорение понимается как себя *вы-говаривающее* с другими о чем-то говорение. В говорении преимущественно разыгрывается бытие-в-мире людей. Это знал уже Аристотель. В нем выговаривается существование в своем мире, способ обращения существования со своим миром, придается самотолкование существованию. Оно высказывает, в качестве чего понимает само себя существование в том качестве, в каком оно себя воспринимает. В говорении друг с другом, в том, что выбалтывают, находится, собственно, самотолкование современности, которое заключено в этом обсуждении.

4. Существование есть сущее, которое определяется как «Я есть». Для существования *данность* «Я есть» конституитивна. Итак, существование так же первично «есть», как оно есть бытие-в-мире и *мое бытие*. Оно *есть свое же собственное и как собственное — данное*. Если это сущее определяется через характерность своего бытия, его не следует абстрагировать от данности как моей же собственной данности (Mea res agitur)¹¹. Все основные характеристики должны быть вкуче, в данности как *моей же собственной данности*.

5. В той же мере, в какой существование есть сущее, которое есть я и определяемое одновременно как бытие-друг-с-другом, я есть мое существование преимущественно и в общем, не сам, а другие; я есть с другими и другие так же — с другими. Никто не есть в обыденности он сам. Что он есть и как он есть, так это — никто: никакой, но все друг с другом. Все есть не они сами. Этот Никто, являющийся нами самими в *обыденности*, есть «*Безличность*» («Man»). Говорят, слышат, выступают «за», заботятся. В устойчивости господства этой «Безличности» лежит возможность моего существования и из этой уравниловки возможно вывести, что «Я есть». Сущее, которое есть возможность «Я есть», преимущественно такое сущее, которое есть *безличность*¹².

6. Так охарактеризованное сущее в своем повседневном и данном бытии-в-мире *зависит от своего бытия*. Поскольку во всех разговорах о мире лежит самовысказывание существования о себе самом, постольку существует *всем озабоченное обращение озабоченности бытия существования*. То, с чем я обращаюсь, чем я себя занимаю, с чем связано мое призвание, есть до некоторой степени я сам и тут разыгрывается мое существование. *Забота о существовании занималя временами бытие*, как оно известно и понято в господствующем понимании существования.

7. В усредненности обыденного существования нет никакой рефлексии над «я» и самостью, но зато имеется само существование. Оно *находится* в себе самом. Оно само находит себя в том, с чем обычно обращается.

8. Существование как сущее нельзя ни доказать, ни хоть раз показать. Первичное отношение к существованию есть не рассмотрение, а «*оно само*». Само-узнавание как о себе говорение, само-толкование существует только в определенном отмеченном смысле, в котором существование каждый раз обладает самим собой. В общем, толкование существования определяется обыденностью, тем, что издавна мнят о существовании и человеческой жизни, безличностью, традицией.

В выявлении этой характерности бытия все подлежит предположению, что это сущее в нем самом доступно для исследования, *толкующего* его из его собственного бытия. Верно ли это предположение или оно достаточно шатко? В самом деле. Но это затруднение возникает не из ссылки на то, что психологическое рассматривание существования ведет в темноту. Серьезное затруднение, вызванное ограниченностью человеческого познания, должно сделаться очевидным в такой, однако, степени, чтобы у нас не возникла уступчивость перед трудностью возможности охватить *существование в подлинности его бытия*.

Подлинность существования есть то, что составляет *предельную возможность его бытия*. Этой своей предельной возможностью существования первоначально определено само существование. Подлинность как предельная возможность бытия существования есть определение бытия, в котором все упомянутые характеристики есть то, что они есть. Затруднения охватывания существования определяются не ограниченностью, неуверенностью и несовершенством возможностей познания, а самим сущим, которое должно быть познано, некоторыми основными возможностями его бытия.

Среди других называется определение: существование есть в данности; поскольку оно есть то, чем оно само может быть, оно есть мое же собственное. Такое определение общо, конституитивно. Кто его перечеркивает, просто теряет предмет разговора по этой теме.

Однако как должно узнаваться это сущее в своем бытии, пока оно не подошло к своему концу? Я все же с моим существованием еще в пути. Оно все еще что-то, что еще не окончено. В конце концов, насколько оно есть, ровно настолько его уже нет. Перед этим концом оно, подлинно, никогда не есть то, чем оно может быть; и не успеет оно стать чем-то, как его уже нет.

Но не может ли существование в подлинном смысле быть заменено существованием Других? Ссылка на существование Других, которые были так же, как и я, и обретали свой конец — негодная ссылка. В определенный момент этого уже и в помине не будет. Такой конец был бы — Ничто. Поэтому существование Других не может заменить существование в подлинном смысле, если только нужно твердо придерживаться данности как моей собственности. Существование Других я никогда не воспринимаю как первоначальный единственно приемлемый способ обладания существованием: я никогда не есть Другие.

Чем незаметнее пытаются ускользнуть от этого затруднения, чем дольше его терпят, тем яснее становится: в том, что подготавливает в существовании эту трудность, оно обнаруживается в своей предельной возможности. Конец моего существования, моя смерть не есть что-то, обрывающее связное течение, а возможность, о которой существованию так или иначе известно: предельная возможность себя самого, которая может быть усвоенной в предстоящем. Существование имеет в себе самом возможность находиться вместе со своей смертью как предельной возможностью себя самого. Эта предельная возможность бытия зависит от характера предстояния в достоверности, а эта достоверность, со своей стороны, характеризуется полной неопределенностью. Самоистолкование существования, которое превосходит любое другое выражение достоверности и данности, есть толкование своей смерти, *неопределенная достоверность специфичнейшей возможности бытия-к-концу* (Zu-Ende-sein).

Что означает это для нашего вопроса: что есть время и особенно для следующего — что есть существование во времени? Существование, всегда мое же собственное в данности, знает о своей смерти и

даже тогда, когда оно ничего не хочет о ней знать. Что это: *когда-нибудь да обрести свою смерть? Это предвидение (Vorlaufen) существованием своей мимолетности (Vorbei) как какой-то достоверной и полностью неопределенной предстоящей предельной возможности себя самого.* Существование как человеческая жизнь есть *первичная бытийная возможность (Möglichkeitsein)*, бытие возможности известной и притом неопределенной мимолетности.

Бытие возможности есть всегда такая возможность, каковая знает о смерти преимущественно в смысле: я уже знаю, но не думаю об этом. О смерти я знаю преимущественно задним умом. В качестве истолкования существования это знание всегда имеется под рукой; эта возможность моего бытия скрыться. Существование имеет собственную возможность избежать своей смерти.

Эта мимолетность как предвиденная мною открывается в самом моем предвидении: это *моя* мимолетность. В качестве этой мимолетности она вскрывает мое существование как такое, которое никогда уже не будет здесь; ни разу я уже не буду здесь с этими или другими вещами, этими или другими людьми, с этим тщеславием, этими уловками, этой болтливостью. Мимолетность гонит прочь всякую таинственность и усердие, мимолетность все забирает с собой в Ничто. Мимолетность — не упущение, не случай в моем существовании. Она есть *своя же собственная мимолетность*, не Что к чему, что происходит, что с ней случается и что она изменяет. Эта мимолетность не Что, а Как и именно подлинное Как моего существования. Эта мимолетность, которую я могу предвидеть как свою, не Что, а подлинно Как моего существования¹³.

В той мере как предвидение мимолетности держится Как данности, существование само становится видимым в своем Как. Предвидение мимолетности есть сталкивание существования со своей предельной возможностью; и поскольку это «сталкивание с...» («Anlaufen gegen») серьезно, оно отражается в этом течении в пока-еще-существовании (Noch-dasein) себя самого. Оно есть возвращение существования к своей повседневности, каковой оно все еще есть, однако так, чтобы мимолетность в качестве подлинного Как вскрывала также и повседневность в ее Как, возвращала в Как ее деятельности и ее действия.

Эту мимочеголетность (Vorbei-von) в качестве Как существование непреклонно привносит в свою единственную возможность себя самого, оно само представлено самому себе. Эта мимолетность может перевести существование среди великолепия его повседневности в зловещую непотаенность (Unheimlichkeit)¹⁴. Предвидение, в той мере, как ему представляется предельная возможность существования, есть коренная всеполнота истолкования существования. Предвидение рвет в себе основные связи, которыми существование связывает себя. Оно одновременно показывает: основная категория этого существования есть Как.

Возможно, не случайно основной принцип своей этики Кант определил так, что мы считаем, будто он формален. Возможно, он знал, приблизившись к самому существованию, что оно есть Как. Только нынешним пророкам было дано право организовать бытие так, что Как ускользает.

Существование есть, подлинно, при нем самом, оно есть поистине экзистентное, когда оно держится этого предвидения. Это предвидение есть не что иное, как *подлинное и единственное будущее собственно существования*. В предвидении существование есть свое будущее, правда, такое, что оно в этом бытии будущего возвращается к своему прошлому и настоящему. Существование, понятое в своей предельной возможности бытия, *есть само время*, не во времени. Это так характеризуемое будущее бытие есть то подлинное Как временного бытия, способа бытия существования, в котором имеется и из которого исходит само время¹⁵. В предвидении, придерживаясь своей мимолетности, я обладаю временем. Всякая болтовня, все, на чем она держится, всякая суетливость, всякая предприимчивость, всякая суматоха исключается, отбрасывается. Не иметь времени означает: бросать время в дурную обыденность будней. Будущее бытие обладает

временем, развивает настоящее и оставляет прошедшее повторяться в Как его пережитого бытия (Gelebtsein).

(Окончание статьи см. в № 2 нашего журнала).

¹ Перевод выполнен по изданию: Heidegger M. Der Begriff der Zeit. Tübingen, 1989.

² Всегда, постоянно, всякий раз (греч.).

³ Фундаментальную хайдеггеровскую категорию Dasein очень непросто передать на русском языке. Уже существуют переводы: *присутствие, тут-бытие, здесь-бытие, бытие-тут, существование*. Подробнее о проблеме перевода этого понятия см. напр.: Михайлов А. А. Современная философская герменевтика: критический анализ. Мн., 1984. О самом понятии см.: Хайдеггер М. // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 324—326.

⁴ Гал. 4, 4; ср. Мар. 1, 15; ср. далее Еф. 1, 9 (прим. автора).

⁵ Подробнее об этом см.: Хайдеггер М. // ВФ. 1989. № 9. С. 116 и далее.

⁶ Ср.: Аристотель. Собр. соч. в 4-х т. М., 1981. Т. 3. С. 148.

⁷ Там же.

⁸ Исповедь бл. Августина, Епископа Иппонийского. М., 1914. С. 334—335.

⁹ Один из многочисленных приемов, переводов Хайдеггера — «парафраза» чужой мысли, многократно им применяемая, за что его часто упрекали, видя в этом неаутентичность интерпретации. См. напр.: Ознобкينا Е. В. // Историко-философский ежегодник '89. М., 1989. С. 125 и далее.

¹⁰ Подробнее о бытии-в-мире и о озабоченности (заботе) см.: Проблема человека в западной философии. С. 319, 344—345.

¹¹ Дело касается меня, дело идет обо мне (лат.).

¹² См.: Проблема человека в западной философии. С. 318.

¹³ Оппозициональность *Как* и *Что* представляется в данном случае в горизонте оригинальной перверсии субстанционально-акциденционального членения. Переведение зрения от брутальной наглядности *Что, являющейся* субстанцией повседневного темпоралитета, к потаенной незыблемости *Как, являющейся* поверхностно-формально, но *бытийствующей* как коренная трансформация существования.

¹⁴ Словари передают это слово буквально как «тревожность, зловещесть». Но оно явно распадается на две части: «Уп-» — префикс, передающий отрицание, и существительное «Heimlichkeit» — тайна, таинственность, скрытость, т. е. смысл этого слова можно попытаться передать и как «зловещая непотаенность».

¹⁵ Ср.: «Имеет себя», а поэтому может и дарить себя, само же бытие. Этим «имеет себя» обозначена дающая, хранящая свою истину сущность бытия. Само-отдача открытости вместе с самой открытостью — это, собственно, и есть Бытие само по себе (Проблема человека в западной философии. С. 331).

НОВАЕ Ў ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

У. К. КОРШУК

АБ ВЫВУЧЭННІ ГІСТОРЫІ НА НЕГІСТАРЫЧНЫХ ФАКУЛЬТЭТАХ

Гістарычная адукацыя адыгрывае істотную ролю ў набыцці асобай і грамадствам у цэлым гуманітарнага, інтэлектуальнага патэнцыялу. Атрыманне ўрокаў з мінулага вопыту дазваляе скарыстаць усё лепшае, пазбегнуць паўтору памылак. Адаваць належнае нацыянальнаму прыярытэту, нацыянальным каштоўнасцям у курсе вывучэння гісторыі — значыць перш за ўсё вызначыць месца і ролю Беларусі ў сусветнай гісторыі. Адначасова трэба мець на ўвазе, што гістарычная адукацыя павінна ажыццяўляцца праз супастаўленне, параўнанне з агульнасусветнымі тэндэнцыямі і працэсамі, праз аналіз іх узаемасувязі. Гэта задача рэалізуецца шляхам ахопу сусветных (перш за ўсё сацыяльна-палітычных) працэсаў, якія адбываюцца ў рамках XX стагоддзя.

Неабходна раскрываць агульныя тэндэнцыі развіцця народаў свету і дзяржаў, бо па-за нацыянальнай гісторыі няма, а ўсеагульная гісторыя складаецца з гісторыі асобных краін. У гэтай сувязі мэтазгодна вывучэнне курса «Актуальныя праблемы гісторыі XX стагоддзя». Ён павінен стаць не проста абагуленай тэарэтычнай мадэллю, але і новай парадзігмай сучаснай гістарычнай навукі. Яго мэтазгодна вывучаць пасля таго, як моладзь засвоіла курс гісторыі Беларусі. Важна даць навучэнцам сведкі аб асноўных гістарычных працэсах сусветнай гісторыі, паказаць альтэрнатыўнасць і супярэчнасць гістарычнага развіцця, асэнсаваць функцыі дзяржаўных інстытутаў, структур і механізмаў улады, палітычных рэжымаў і палітычнай культуры мас, эканамічныя праблемы, вывучыць дзейнасць урадаў і мас, класаў і сацыяльных груп, партый і грамадскіх арганізацый, паказаць ролю лідэраў розных рухаў.

Актуальныя праблемы гісторыі — гэта і такія феномены, як рэформы і контррэформы, прагрэсіўныя і рэгрэсіўныя сацыяльныя працэсы. Храналагічныя рамкі прапанаванага курсу — XX стагоддзе. Аб XX стагоддзі гаворка ідзе таму, што гэта час развіцця сусветнай цывілізацыі, паскоранага навукова-тэхнічнага прагрэсу, росквіту манапалізму, трыумфу і крушэння таталітарных рэжымаў і паступовага зацвярджання дэмакратызму. XX стагоддзе — гэта стагоддзе дзвюх сусветных войнаў, якія паказалі чалавецтву немагчымасць рашэння праблем ваенным шляхам. Гісторыя XX стагоддзя даказала, што суіснаванне чалавецтва магчыма толькі на шляхах згоды, што бескампрамісная барацьба ў эпоху зброі масавага знішчэння — гэта пагібель чалавецтва. Такім чынам, насычанае калізіямі XX стагоддзе валодае багацейшым запасам гістарычнага вопыту і ўрокаў. Вывучэнне і асэнсаванне іх з'яўляецца галоўнай задачай курсу.

Прадстаўляецца мэтазгодным разгледзець у ім такія праблемы як: Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё свету на рубяжы XIX — XX стагоддзяў; Грамадска-палітычныя рухі і партыі ў канцы XIX — пачатку XX стагоддзяў; Буржуазна-дэмакратычныя рэвалюцыі пачатку XX стагоддзя; Першая сусветная вайна: сацыяльна-палітычнае развіццё дзяржаў-удзельніц сусветнай вайны 1914—1918 г.; Лютаўская буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя ў Расіі; Беларусь у лютым 1917 г.; Альтэрнатывы развіцця Расіі ў 1917 г.; Беларусь у 1917 г.; Рэвалюцыйны выбух у свеце ў

1918—1923 гг.; Грамадзянская вайна ў Расіі. Становішча ў Беларусі; Перагрупіроўка сацыяльна-палітычных сіл у 20-я гг.; Стабілізацыя капіталізму; Цяжкасці рэалізацыі ідэй сацыялізму ў СССР; Абвастранне супярэчнасцяў сусветнага развіцця (1930—1939 гг.); Спраба вырашэння супярэчнасцяў 30-х гг. на шляхах рэфармізму і таталітарызму; Нарастанне ў 30-я гг. пагрозы сусветнай вайны; Сусветная вайна 1939—1945 гг.; Беларусь у гады вайны; Пасляваенны свет: супрацьстаянне дзвюх сусветных сістэм (1945—1955 гг.); Уступленне свету ў эпоху навукова-тэхнічнай рэвалюцыі: змяненні ў грамадскіх адносінах у СССР (другая палова 50—60-х гг.); Супярэчлівыя тэндэнцыі развіцця сусветнага супольніцтва ў другой палове XX стагоддзя; Сусветнае грамадскае развіццё ў 1970 — сярэдзіне 80-х гадоў: нарасцанне крызісных з’яў у СССР; Новыя тэндэнцыі развіцця сусветнага супольніцтва: курс на абнаўленне савецкага грамадства (1985 г.); Трансфармацыя ідэй і дзеянняў традыцыйных рухаў і партый; Новыя палітычныя рухі і арганізацыі, іх падыходы да вырашэння глабальных праблем чалавецтва; Эвалюцыя таталітарных рэжымаў дзяржаў сацыялістычнага лагера; Праблемы нацыянальнага адраджэння (1985—1992 гг.); Грамадскія рухі, арганізацыі і партыі Беларусі на сучасным этапе.

Акрамя вывучэння на негістарычных факультэтах «Аktуальных праблем гісторыі XX стагоддзя» з улікам профілю ВНУ, або спецыялізацыі студэнтаў можна прапанаваць таксама курсы «Гісторыя сусветнай цывілізацыі» і «Гісторыя грамадскіх рухаў і палітычных партый».

Вывучэнне гісторыі грамадскіх рухаў і палітычных партый дазваляе пераадолець стэрэатып вышэйшай гістарычнай адукацыі, калі вывучалася гісторыя толькі адной партыі, яе тэорыя, палітыка і практычныя дзеянні. Новы курс дае магчымасць усебаковага вывучэння і навуковага пазнання гісторыі і дакументаў палітычных партый, арганізацый і рухаў, якія актыўна ўдзельнічалі ў гістарычных працэсах. У Расіі на рэвалюцыйным этапе яе развіцця ў XX стагоддзі адначасова дзейнічала каля 100 палітычных партый. Значная іх колькасць існавала і ў Беларусі. Тут таксама ўзніклі і свае палітычныя партыі. Яны актыўна змагаліся за ўладу, за пераўтварэнне грамадства, ажыццяўленне рэвалюцый і рэформ.

Гэты курс дазваляе пераадолець «белыя плямы» у вывучэнні гісторыі палітычных партый. Вядома, што доўгі час аб многіх з іх давалася занадта абмежаваная інфармацыя. Гісторыя партый часта скажалася, ім давалася аднабаковая ацэнка. Важна падкрэсліць, што курс прадугледжвае вывучэнне праграмных дакументаў партый у тым выглядзе, у якім яны прымаліся і ажыццяўляліся ў канкрэтных гістарычных умовах. Ствараецца магчымасць вывучаць іх у арыгінале, судзіць аб іх не па аднабаковым каментарыям, тым ці іншым суб’ектыўным поглядам, а рабіць свае ўласныя вывады на аснове самастойнага пазнання. Вывучэнне гэтых дакументаў дазволіць студэнту параўноўваць праграмныя мэты і задачы, якія ставіла тая ці іншая партыя, або арганізацыя. Ён зможа дакладна прадставіць, чаго дамагалася кожная партыя і арганізацыя, чые інтарэсы абараняла.

Глыбокае вывучэнне гісторыі партый і рухаў дае адказы на самыя вострыя пытанні сучаснага масавага руху за стварэнне сапраўднай шматпартыйнай сістэмы ў Рэспубліцы Беларусь. Шмат народжаных сёння партый па назвам паўтараюць сваіх папярэднікаў. Важна, каб у гэтым працэсе не паўтарыліся былыя памылкі ў іх палітычных устаноўках, праграмах і тактыцы. Вывучаючы мінулае, шукаць правільны адказ для будучага — такая дыялектыка творчага пазнання гісторыі палітычных партый і рухаў у нашай краіне.

У дадзеным курсе гісторыя палітычных партый і рухаў вывучаецца ў храналагічнай паслядоўнасці. Такі прынцып дазволіць прасачыць паслядоўнасць развіцця палітычнага руху ў Расіі і свеце, усвядоміць аб’ектыўныя ўмовы ўзнікнення палітычных партый і рухаў, якія абумовілі іх праграмныя патрабаванні; атрымаць дакладнае ўяўленне аб асноўных мэтах і задачах, якія выстаўляліся кожнай палітычнай партыяй і арганізацыяй, іх стратэгічных і тактычных устаноўках у барацьбе за ажыццяўленне сваіх палітычных праграм. Усё гэта дазваляе усвядоміць палітычны твар усіх асноўных палітычных партый і рухаў, якія актыўна праявілі сябе ў гісторыі XX стагоддзя ў Расіі.

Асвятляючы паводзіны на палітычнай арэне Беларусі агульнарасійскіх партый, значную ўвагу мэтазгодна ўдзяліць фарміраванню і дзейнасці беларускіх палітычных арганізацый: такіх як Беларуская сацыялістычная

Грамада, Беларуская партыя народных сацыялістаў, Беларуская партыя хрысціянскай дэмакратыі. Важна раскрыць іх супрацоўніцтва і процістаянне, іх адносіны да праблемы нацыянальна-дзяржаўнага ладу. Мэтазгодна паказаць прычыны раскольнасці ў палітычным руху Беларусі: стварэнне Беларускай сацыял-дэмакратычнай Грамады (БСДГ), Беларускай партыі сацыялістаў-федэралістаў (БПСФ), Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (БПСР); раскрыць праграмныя ўстаноўкі і тактыку новых партый. Цікавасць прадстаўляюць і праблемы беларускага палітычнага руху на Заходняй Беларусі, тактыка палітычных партый і ўзаемаадносіны паміж імі, а таксама беларускае замежжа наогул.

У гэтым курсе мэтазгодна разгледзець і палітычныя працэсы ў рамках савецкай аднапартыйнай сістэмы (30-я — пачатак 50-х гг.), у тым ліку штучна створаныя органы НКУС-МДБ-МУС, па прамому ўказанню Сталіна і яго бліжэйшага акружэння, «анцисавецкія блокі» і «палітычныя цэнтры», коратка выкладзіць погляды і пралікі антысталінскай апазіцыі, паказаць фальсіфікатарскі характар інспэніровак палітычных працэсаў 30—50-х гг., раскрыць вытокі і вынікі аўтарытарнага рэжыму.

Праграмай прадугледжана вывучэнне сучасных грамадскіх рухаў, арганізацый і партый Беларусі. У часткі студэнцтва выклікае інтарэс і курс «Гісторыя сусветнай цывілізацыі». У ім раскрываюцца вытокі станаўлення цывілізацыі, паказана сусветная цывілізацыя ў эпоху прамысловага перавароту, асаблівасці сацыяльна-эканамічнага развіцця Расіі ў XX стагоддзі, станаўленне беларускай нацыі як састаўной часткі гісторыі еўрапейскай цывілізацыі. Значная ўвага ўдзяляецца беларускай мове.

Дзецца характарыстыка свету і Расіі ў канцы XIX — пачатку XX стагоддзя, спецыфіка сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі, уплыў на лёс свету першай сусветнай вайны. Аналізуецца Лютаўская буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя, альтэрнатывы гістарычнага развіцця Расіі; расстаноўка палітычных сіл пасля Кастрычніка; Брэсцкі і Рыжскі мірныя дагаворы і іх уплыў на лёс беларускага народа; стварэнне БНР, БССР. Значная ўвага ўдзяляецца нацыянальна-вызваленчаму і рабочаму руху ў свеце, перагрупаванню сацыяльна-палітычных сіл у 20—30-я гг., спецыфіцы буржуазнага рэфармізму 30-х гг., сацыял-рэфармісцкай мадэлі аднаўлення капіталізму.

Разглядаецца парожчванне сацыяльна-палітычных супярэчнасцяў у Савецкай Расіі: палітычная барацьба за ўладу ўнутры бальшавіцкай партыі і фарміраванне таталітарнага рэжыму ў СССР, практыка сталінізму ў Беларусі і яе трагічныя вынікі для беларускага народа. Цікавасць выклікаюць вопыт і ўрокі беларусізацыі 20—30-х гг.

Аналізуецца намаганні стварэння сістэмы калектыўнай бяспекі напярэдадні другой сусветнай вайны; англа-франка-савецкія перагаворы і прычыны іх зрыву; савецка-германскія перагаворы лета-восені 1939 г. і іх уплыў на лёс сусветнай цывілізацыі; роля савецкага народа ў перамозе над фашызмам, антыгітлераўская кааліцыя, вынікі і ўрокі другой сусветнай вайны.

Пры разглядзе пасляваеннага ўладкавання свету звяртаецца ўвага на новыя тэндэнцыі ў развіцці капіталістычнага грамадства, альтэрнатыўныя шляхі развіцця дзяржаў Усходняй Еўропы. Іх пераход ад парламенцкай дэмакратыі да таталітарных рэжымаў. Узмацненне супярэчнасцяў дзвюх палітычных сістэм. Сутнасць і вынікі «халоднай вайны». Раскрываюцца цяжкасці пасляваеннага развіцця савецкага грамадства: узмацненне жорсткасці асабістай улады Сталіна, павелічэнне дыктату ў ідэалогіі, навуцы і культуры.

Значнае месца адводзіцца сутнасці НТР і яе ўплыву на сацыяльна-эканамічныя і палітычныя працэсы ў свеце. Характарызуецца інфармацыйная рэвалюцыя, некансерватыўная мадэль грамадскіх адносін; неалібералізм як гістарычная альтэрнатыва сацыялізму; крызіс сусветнага камуністычнага руху. Аналізуецца сутнасць і прычыны застоўных з'яў у СССР, пошукі шляхоў выйсця з іх; дэмакратызацыя палітычнага і эканамічнага жыцця, адказ ад ідэалагічнага дыктату; станаўленне шматпартыйнай сістэмы. Паказваецца нарастанне супрацьстаяння палітычных сіл у дзяржаве: жнівеньскія падзеі 1991 г.; распад СССР і стварэнне Садружнасці Незалежных Дзяржаў; падкрэсліваецца значэнне абвясчэння незалежнасці Беларусі, роля ў яе жыцці новых палітычных партый і грамадскіх рухаў.

«Сусветная цывілізацыя ад канфрантацыі да інтэграцыі» — вось блок праблем, у якім разглядаецца зараджэнне тэндэнцыяў да разрадкі, да спроб

пераадолення «халоднай вайны». Паказваецца прыарытэт ідэй міру, супрацоўніцтва, прагрэсу і гуманізму, агульначалавечых каштоўнасцей над класавымі і нацыянальнымі; крызіс ваенна-сілавой палітыкі; роля ААН у рэгуляванні міжрэгіянальных канфліктаў. Значная ўвага ўдзелена фарміраванню новай міжнародна-палітычнай сістэмы ў Еўропе. Аналізуюцца сучасныя канцэпцыі развіцця сусветнай цывілізацыі.

Такой уяўляецца гістарычная адукацыя на негістарычных факультэтах. Натуральна, не ўсё тут бяспрэчна. Вялікую ролю могуць адыграць спецкурсы і спецсемінары па выбару студэнтаў. У наш палітызаваны час не дрэнна было б падумаць аб вывучэнні палітычнай гісторыі. Бясспрэчна толькі тое, што настаў час паглядзець не на ўрэзаную, скажоную, а на праўдзівую гісторыю, разумна спалучаючы нацыянальныя і агульначалавечыя каштоўнасці. А дзеля гэтага трэба змяніць пастаноўку гістарычнай адукацыі, бо культура гістарычнага мыслення з'яўляецца часткай культуры чалавека. А з яе складаецца культура грамадства, якой нам так не хапае.

Гісторыя не павінна залежаць ні ад маючай месца хвіліннай зацікаўленасці, ні ад ідэалагічных устаноў, ні ад асабістых амбіцый. Сёння ж ізноў праяўляецца імкненне падпарадкаваць гісторыю, працягваць камандаваць ёю. Наша ж грамадства павінна ведаць аб сабе гістарычную праўду, бо няпоўныя веды спрыяюць суб'ектывізму. І абавязковай умовай для гэтага з'яўляецца пазнанне, разуменне сувязей, узаемазалежнасцей, якія вызначаюць дзейнасць людзей. Сацыяльнае выхаванне чалавека і яго сацыяльнае самавызначэнне ў значнай ступені залежаць ад ведання гісторыі. Мала стаяць на глебе рэальных фактаў. Іх неабходна аналізаваць у канкрэтным гістарычным кантэксце. Усё гэта выклікае неабходнасць яшчэ і яшчэ раз падумаць аб тым, як лепш вучыць моладзь гісторыі. Размову трэба весці аб вызначаючых сусветнае развіццё асноўных заканамернасцях і супярэчнасцях і іх ажыццяўленні ў дзейнасці мас і асоб, класаў і сацыяльных груп, палітычных партый і рухаў, дзяржаў, народаў і нацый. Пры гэтым разглядаць гісторыю Беларусі ва ўзаемасувязі з палітычнымі працэсамі сусветнай гісторыі, аналізаваць вынікі аб'ектыўных і суб'ектыўных умоў грамадскага развіцця.

Гісторыя ніколі не была аднакаляровай, у ёй заўсёды былі супярэчнасці, таму толькі глыбокае пранікненне ў сутнасць гістарычных працэсаў, іх творчае ўсведамленне забяспечыць поспех.

Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. 1, 2/ С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар и др. М.: Терра, 1991. 390, 620 с.

Рецензируемая работа представляет собой очерки по важнейшим периодам политической истории Отечества. Не имея возможности рассмотреть каждый из них, попробуем остановиться на самых актуальных, на наш взгляд, проблемах.

Тщательностью и логичностью изложения материала отличается раздел по истории российского либерализма. Здесь рассматриваются организация, численность и социальный состав либеральной буржуазии (трех ее главных партий — кадетов, октябристов и прогрессистов), политические доктрины и тактика либерализма, сущность его социальных реформ и экономической программы, подход к национальным проблемам, внешней политике. Но хотя облик либеральной буржуазии и ее идеология обрисованы рельефно и точно, однако почти не рассматривается механизм воздействия либеральной идеологии на массы.

Среди проблем, сформулированных и достаточно убедительно рассмотренных авторами, можно выделить исследование механизма втягивания в террор противоборствующих группировок в ходе революционного процесса 1917—1920 гг. В то же время авторы ушли от ответа на вопрос: почему кровавый террор не был остановлен имевшимися внутри партии большевиков довольно значительными силами, которые убедились в пагубности таких методов.

Интересной является постановка проблемы, как в недрах нэпа зрело его отрицание, а также рассмотрение альтернатив сталинской политики конца 20-х гг. Однако, анализируя борьбу сталинской и ленинской концепций, авторы, на наш взгляд, уходят от ответа на вопрос о том, насколько правильным был сам ленинский вариант. Несомненно, последний кажется выигрышным при сравнении его с тем тоталитарным обществом, которое было создано сталинистами. В книге приводятся многочисленные доказательства поочередности сталинизма. Убедительно показано, как сталинская политика позво-

лила диктатору разобщить и устранить политических противников, а также увеличить число своих сторонников. Анализируются обстоятельства, которые помогли диктатору утвердиться на вершине власти, соотношение объективных и субъективных факторов, обеспечивших успех его замыслов.

К сожалению, авторам не удалось избежать одностороннего, разоблачительного подхода в изложении материала, освещении отечественной истории. Так, в главе «Советский Союз в годы второй мировой войны» (с. 379—428) авторы свели значение победы советского народа к тому, что она «обнажила пороки и слабости диктаторского, бесконтрольного режима власти» (с. 427). Основное внимание уделено описанию поражений и неудач нашей армии и только несколько строк отведено победам советских войск под Сталинградом, на Курской дуге и в других операциях. Наступление третьего Белорусского фронта в Восточной Пруссии в середине января 1945 г. изображается как произвол Сталина, хотя известно, что эта операция началась ранее установленных сроков по просьбе союзников, когда их войска в результате контрнаступления немцев в Арденнах попали в весьма затруднительное положение.

Некоторые главы не отличаются новизной подхода к рассмотрению узловых моментов истории. Сегодня требуется уделять больше внимания проблемам альтернативности исторического процесса, исследованию механизма причинно-следственных связей, диалектики переплетения объективных и субъективных действий политических лидеров. Современный историк должен оценивать последствия совокупного воздействия различных факторов и помогать читателю понять, почему произошло так, а не иначе. Взвешенное постижение нашего прошлого требует глубокого, вдумчивого анализа, не обремененного сиюминутными настроениями и желанием подстроиться под злобу дня.

Создатели книги изложили собственное понимание проблем политической истории Отечества, не рассчитывая, что читатель полностью солидаризируется с их мнением и выводами. В целом же — это

удачная попытка заполнить существенные пробелы в нашем историческом образовании.

И. Ф. Романовский,
Л. Н. Кулеш.

В. В. Бенъковский, С. В. Решетников. Политология. Мн.: Консенсус, 1991. 208 с.

С 1992 г. в Белорусском государственном университете на философском факультете открыто отделение политологии. Студентам этого отделения и адресовано учебное пособие, написанное доцентами В. В. Бенъковским и С. В. Решетниковым.

Пособие состоит из пяти разделов. В первом разделе, «Теоретические основы политологии», авторы анализируют политику как деятельность и как область исследований, раскрывают политические отношения в их многомерности и противоречивости. Несомненным достоинством этого раздела является достаточно глубокое рассмотрение методов научного исследования, применяемых в политологии. Студентам и преподавателям, которым также, на наш взгляд, будет полезно познакомиться с данным учебным пособием, предлагается углубиться в изучение сложных проблем, связанных с применением системного и бихевиорального методов в политологической науке. Используя обширную литературу, авторы объясняют, как различные методы, применяемые для исследования политики, помогают осмыслить ее в разных измерениях: классовых, психоаналитических, социокультурных, функциональных и др. Завершается раздел рассмотрением функций политологии и обоснованием различия между ученым-политологом и политиком-практиком.

Второй раздел, «Политическая система общества», знакомит с основными политическими институтами: государством, партиями, общественными организациями, группами давления в политике. Характеризуя каждый из политических институтов, авторы раскрывают как основные концепции, взгляды на эти институты в историческом контексте, так и современное видение проблем государства, социальной роли групп давления, партий, общественных организаций и движений. На наш взгляд, при анализе политической системы можно было бы уделить больше внимания политической власти как особому социальному феномену, который внутренне центрирует эту систему. Именно власть представляет главный интерес, вокруг которого возникают, развиваются, функционируют политические отношения. Механизм властных отношений тесным образом связан со структурой политической системы, политическим режимом и политической

культурой. В теме «Политическая культура общества», которой завершается второй раздел, политическая культура представлена как базовый элемент общественно-исторического процесса. Через призму политической культуры рассматривается специфика восприятия и реакций, переживаний и поведения, менталитет больших социальных групп, наций и, в частности, белорусской нации.

Особый интерес вызывает раздел, посвященный основам управления политическими процессами, в котором углубленно исследуются динамика политической деятельности, механизм принятия политических решений, социотехника управления; раскрывается роль политических элит, групп интересов, социальных слоев в различных политических системах.

В разделе «Основные течения политической мысли в современном мире» анализируются специфика и генезис различных политических идеологий и трансформация взглядов на них. Рассматривая идеологию как ориентационную модель, регулирующую и направляющую личную и социальную активность слоев, классов, авторы сфокусировали критический анализ на основных политических идеологиях, которые остаются и сегодня наиболее влиятельными: марксизм в его коммунистической и социал-демократической модификации, либерализм, консерватизм. В разделе рассматриваются реформистские, футурологические и экзистенцистские доктрины, а также общественно-политические платформы основных религий мира. Много внимания уделяется политическому экстремизму, его концептуальному выражению. Раздел помогает читателю получить конкретное представление о разнообразных политических идеологиях, понять, как социально-классовые конфликты в обществе принуждают человека мыслить идеологически и принимать идеологические решения, которые оказывают воздействие на социальное бытие и даже видоизменяют сами обстоятельства жизни.

В последний раздел, где излагаются основные принципы внешней политики государств и международных отношений, на наш взгляд, при переиздании пособия необходимо добавить параграф о геополитическом положении Республики Беларусь и проблемах, связанных с реализацией ее государственного суверенитета в сфере межгосударственных отношений.

К достоинствам данного учебного пособия можно отнести не только четкую структуру и хорошую компоновку материала, но и стилизовое единство. Учебное пособие пользуется популярностью у студентов, что является неплохой рекомендацией для его переиздания.

Л. В. Старовойтова

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ (НИЧ)
БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА

(Бобруйская, 7, к. 402, 414, тел. 20-92-03) предоставляет в распоряжение всех, желающих оперативно получать научно-техническую информацию для выполнения НИР, участвовать в работе телеконференций и вести деловую переписку,

узел международной электронной почты, абонентский пункт телеступа в банки и базы данных различных центров информации.

Высококвалифицированные специалисты в соответствии с Вашим запросом оперативно и качественно подберут необходимую научно-техническую информацию из баз данных:

– ВИНТИ (реферативные базы данных по естественным и техническим наукам, оглавления иностранных журналов);

– НПО «Поиск» (патентная информация);

– ВИТИЦентр (информация о завершенных НИОКР и защищенных диссертациях);

– ИНИОН (библиографическая и реферативная информация по общественным наукам);

– БелНИИТИ (политематическая и адресная информация).

Электронная почта позволит практически каждому сотруднику Белгосуниверситета получить собственный международный почтовый адрес для участия в обмене необходимой специальной информацией.